

О. Г. БОЛЬШАКОВ

РОЖДЕНИЕ И РАЗВИТИЕ
ИСЛАМА
И МУСУЛЬМАНСКОЙ
ИМПЕРИИ
(VII–VIII вв.)

Университет Дмитрия Пожарского

Олег Большаков

**Рождение и развитие
ислама и мусульманской
империи (VII-VIII вв.)**

«Русский фонд содействия образованию и науке»

2015

УДК 94(53)
ББК 63.3(0)

Большаков О. Г.

Рождение и развитие ислама и мусульманской империи
(VII-VIII вв.) / О. Г. Большаков — «Русский фонд
содействия образованию и науке», 2015

ISBN 978-5-91244-168-4

Книга посвящена истории ислама и первого мусульманского государства, халифата, охватывая период с 570 по 786 г. Читатель найдет в ней объективное и достоверное изложение деятельности пророка ислама Мухаммада, формирования его учения и хода арабских завоеваний, создавших огромную империю от Памира до Атлантического океана, наследие которой живо ощущается до наших дней. Она основана на сведениях ранних мусульманских авторов, надежна как источник сведений, написана простым и ясным языком и может быть интересна как самому широкому читателю, так и специалистам в смежных отраслях востоковедения.

УДК 94(53)
ББК 63.3(0)

ISBN 978-5-91244-168-4

© Большаков О. Г., 2015
© Русский фонд содействия
образованию и науке, 2015

Содержание

Несколько слов об истории как науке	7
Глава 1. Накануне великих перемен	9
Последняя схватка Византии и Ирана	9
Аравия на рубеже VI–VII вв.	12
Социально-экономические отношения в Аравии V–VII вв.	16
Верования	18
Топография и население Мекки на рубеже VI–VII вв.	20
Мекка как культовый центр	25
Глава 2. Рождение ислама	28
Детство и юность Мухаммада	28
Начало религиозной проповеди Мухаммада	32
Поиски выхода	38
Положение в Йасрибе	39
Соглашение в Акабе и переселение Мухаммада	42
Глава 3. Переселение в Иасриб и формирование религиозной общины	44
Хиджра и ее значение	44
Битва при Бадре	47
Формирование мусульманской догматики и обрядности	51
Выкуп пленных и набег Абу Суфйана	54
Изменения в образе жизни	56
Битва при Ухуде и ее последствия	58
Сложение мусульманской семейной этики и дело о клевете на Аишу	64
«Битва у рва»	67
Глава 4. Победа ислама в Аравии	69
Поворот к наступлению	69
Паломничество и договор в Худайбии	70
Завоевание Хайбара и Фадака	73
Битва при Муте	77
Сражение при Хунайне и осада Таифа	81
Зарождение государственности	84
Поход на Табук	86
Делегации племен	87
Хаджж Абу Бакра	88
«прощальное паломничество»	91
Сопrotивление «лжепророков»	92
Кончина Мухаммада	93
Глава 5. Рождение халифата и борьба с отступничеством	95
Выборы первого халифа	95
Отступничество и борьба с ним	97
Первое столкновение с Ираном и иракский поход Халида ибн ал-Валида	102
Глава 6. Выход в свет	109
Начало завоеваний	109
Первые победы	113

Смерть Абу Бакра	115
Сражение под Фихлем и сдача Дамаска	117
Борьба за Хиру	120
Военные действия в Месопотамии в 634–636 г.	123
Глава 7. Триумф мусульманской армии	125
Битва на Йармук	125
Сражение при Кадисии	129
Падение Ктесифона	132
Сдача Иерусалима	134
Чумной год	138
Завоевание Джезиры	139
Вторжение в Армению	140
Бои в Хузистане	142
Битва при Нихавенде и перелом в войне с Сасанидским Ираном	146
Глава 8. Завоевание Египта	149
Вторжение в Египет	149
Конец ознакомительного фрагмента.	153

Олег Большаков

Рождение и развитие ислама и мусульманской империи (VII–VIII вв.)

Работа выполнена в Институте восточных рукописей РАН

*Подготовлено к печати и издано по решению Ученого совета Университета Дмитрия
Пожарского*

Рецензенты:

доктор исторических наук А. И. Колесников,
доктор исторических наук С. А. Французов

© Большаков О. Г., текст, 2015

© Васильева А. А., оригинал-макет и верстка, 2016

© Горева дизайн и оформление обложки, 2016

© Русский фонд содействия образованию и науке, 2016

Несколько слов об истории как науке

История как наука о прошлом человечества отличается от других наук тем, что ее исследователь не может поставить эксперимент; что было, то прошло, весь материал, все события – одноразовы. Это побуждает людей других специальностей иногда утверждать, что поэтому она вроде бы и не наука. Это усугубляется тем, что материал истории по форме своей доступен разумению каждого, и любой человек может толковать его, как хочется. Так рождаются гипербореи, создавшие древнюю цивилизацию за полярным кругом, атланты, которым приписывают все, что не совсем понятно, и уж, конечно, в историю вторгаются инопланетяне, когда не ясно, как просто руками и рычагами при сильном желании можно воздвигать циклопические сооружения. К сожалению, развитие средств информации не столько способствует просвещению людей, сколько засоряет их умы всяческими измышлениями.

Разрозненность остатков прошлого, как материальных, так и письменных, число которых убывает по мере углубления в прошлое, представляет широкое поле для всевозможных фантазий и спекуляций. Историческая наука противопоставляет этому установление степени достоверности дошедших до нас памятников прошлого, установление их взаимосвязей и построение на этой основе системы, позволяющей отбрасывать невозможное, исключать необоснованные фантастические толкования. Конечно, даже самый эрудированный историк не всеведущ, но отличие его от фантазера и фальсификатора заключается в том, что он знает, чего быть не может, что противоречит всему комплексу сведений о том или ином явлении, о том или ином периоде. Да, ткань событий (особенно отдаленных) в изложении историков имеет большие прорехи, но это все-таки ткань, не клубок спутанных ниток. Так стоит ли штопанье прорех наших знаний о прошлом называть наукой, делом серьезным и общественно полезным? Пожалуй, именно подделки и фальсификации истории доказывают ценность этой науки. Кто стал бы подделывать деньги, если бы они не имели никакой ценности? Одни социальные группы и даже целые народы ищут в истории славное прошлое, которое должно скрасить неприглядность настоящего, другие ищут в ней обоснование прав на ту или иную территорию, и так далее.

Миссия истории – правдиво рассказывать человечеству о том, как оно прожило предыдущую жизнь, какие ошибки совершало.

Организация жизни человечества менялась, а человеческая сущность изменилась мало, и, изучая историю, часто поражаешься тому, как человек с возросшими техническими возможностями в своем поведении повторяет дела и поступки далеких предков. Случается, что современность обращается к былому за идеями и примерами. Тут-то и совершаются самые беззастенчивые фальсификации прошлого. Так, в наши дни вдруг, хотя и не случайно, появилась идея возрождения Халифата, который всего лишь лет 30 тому назад казался таким же достоянием прошлого, как Римская империя или империя Чингизидов. Мусульманский мир все более встраивался в общую тенденцию развития экономики и культуры, не претендуя на мировое господство, и в то же время под покровом кажущегося мирного развития накапливались социальные проблемы, заставлявшие все большее число людей в мусульманском мире искать настоящего благополучия в возврате к прошедшему золотому веку раннего «чистого» ислама. Заодно накапливались и силы, и средства для того, чтобы к концу минувшего века появилась возможность реально бороться против современного мира ради возрождения ушедшего, идея создания всемирного Халифата, всемирной победы ислама над прочими идеями и верами.

Не будем углубляться в рассмотрение тех факторов, которые превратили мечту о возврате в золотое прошлое в реальную силу – политологи достаточно объясняют нам, как непобедимая нищета перенаселенных мусульманских стран рождает экстремизм их жите-

лей и как используют его в своих целях другие перенасыщенные финансами мусульманские страны и иные державы, поощряя готовность возродить Халифат.

Наша цель – вспомнить, как рождался ислам и созданный на его основе Халифат, как идея государства справедливости (в рамках мусульманской общины и в понимании того времени) отступала перед реалиями жизни, рождая тот компромисс, который характерен для любого послереволюционного этапа развития общества.

Рождение ислама от первых экстатических проповедей пророка до целенаправленной деятельности по созданию юридических норм и государственных институтов – это единственный случай мировой религии, который можно проследить на конкретном и в большинстве случаев достоверном материале. Поучительно и то, что окружающий мир не замечает постепенного рождения новой силы, которая взрывает привычный ход событий. К этому мы сейчас и перейдем.¹

¹ Предложенная книга является популярным переложением четырехтомной «Истории Халифата» (О. Г. Большаков. История Халифата, I, М., 1988 и 2000; II, М., 1994 и 2000; III, М., 1998; IV, М., 2010), в которой даются подробные комментарии и ссылки на источники сведений. В предлагаемой книге дополнительно излагаются события 751–786 гг. В популярной версии сохранена арабистическая традиция арабских имен и слов, в которой используются только три гласных (а, и, у), соответствующих знакам огласовки в арабском письме. Знак в виде перевернутого апострофа (‘) соответствует букве «айн», передающей арабский гортанный звук.

Глава 1. Накануне великих перемен

Последняя схватка Византии и Ирана

В западной части Евразии, от Амударьи до Атлантического океана, в V–VI вв. господствовали две примерно равновеликих державы: Византийская империя и Сасанидский Иран, боровшиеся друг с другом за господство на Ближнем Востоке. Силы были примерно равны, и решительных перемен в политической ситуации в этом регионе не происходило.

Ситуация изменилась в начале VII века. Между Ираном и Византией с 588 г. существовал выгодный для Византии мирный договор, который Иран соблюдал до начала VII в.

Византия при Маврикии переживала политический и экономический кризис. Огромный бюрократический аппарат требовал больших расходов, дорого обходилась армия, состоявшая из разноплеменных наемников, которым безразличны были интересы Византии. Увеличение налогов вело к восстаниям в провинциях, особенно крупным в Египте. Недовольство населения усугублялось преследованиями инаковерующих, как христиан-монофизитов, наиболее многочисленных в Египте и Сирии, так и иудеев. Управлять отдаленными провинциями из центра было сложно, и Маврикий пошел на отказ от главного принципа административной структуры империи – разделения военной и гражданской власти, объединив в руках двуединого губернатора, экзарха, власть над Северной Африкой со столицей в Карфагене. А это был верный путь к распаду империи. Более того, он намеревался завещать различные части империи своим четырем сыновьям. Положение Византии усугублялось стремлением славян продвинуться вглубь Балканского полуострова.

В этой обстановке Маврикий сократил на одну треть жалование войску а осенью 602 г. решил в целях экономии оставить войско, удерживавшее границу по Дунаю, зимовать в этом холодном краю, предполагая, что оно само прокормится на месте. Это оказалось последней каплей. Войско взбунтовалось, провозгласило императором центуриона (сотника) Фоку и под его командованием пошло на Константинополь. При появлении мятежников в городе произошло восстание. Маврикий был схвачен и казнен вместе с сыновьями.

Фоке не удалось внести умиротворение в общество. Неспособность навести порядок он компенсировал жестокостью. Сложившейся ситуацией воспользовался шахиншах Ирана Хосров II. Он был обязан Маврикию помощью при восшествии на престол, и это было прекрасным поводом для вмешательства в дела своего соседа. При его дворе появился некий человек, признанный при дворе сыном Маврикия, и Хосров двинул свое войско на Византию, выступая как мститель за законного императора. Активные военные действия начались в 604 г. на границе Византии и Ирана в Северной Месопотамии, у хорошо укрепленного городка Дара. После ее падения военные действия перенесли на запад к границам Малой Азии, но добиться решительного перелома в войне Хосрову не удалось. Неожиданный удар в спину Фока получил от экзарха Карфагена, переставшего поставлять зерно, а в 608 г. этот удар усугубился захватом Египта племянником экзарха, Никитой, – теперь оттуда прекратились поставки зерна в Константинополь. В 610 г. карфагенский флот под командованием Ираклия, сына экзарха, появился в Эгейском море. Когда он подошел к Босфору, противники Фоки из партии «зеленых» опустили цепь, преграждающую вход в бухту Золотой Рог, и Ираклий смог войти в сердце Константинополя. Горожане восторженно встретили его. Фока пытался бежать, укрылся в одной из церквей, но был схвачен и казнен вместе с сыном и несколькими верными ему приближенными. 5 октября 610 г. Ираклий был провозглашен императором, и Византия снова оказалась объединена одним центром.

Положение от этого не стало легче. Византийская армия продолжала терпеть поражение от иранцев, прорывавшихся иногда до Босфора, а на западе славяне и авары захватили весь Балканский полуостров. Ираклий взял командование на себя, но это не помогло: в сражении под Антиохией он потерпел поражение и отступил к Константинополю, а персы, продолжая наступление в Малой Азии, вторглись в Сирию и Палестину. Им охотно помогали евреи, мстившие византийцам за кровавую расправу с восстанием 609 г. Персы осадили Иерусалим, который упорно сопротивлялся три недели и был взят благодаря измене одного из евреев, показавшего слабое место в обороне. Ворвавшись в город, персы устроили беспощадную резню, убивая не только защитников, но и женщин и детей. Было убито около 14000 человек, и множество уведено в плен. Среди трофеев, увезенных в Сасанидскую столицу, были и христианские святыни.

В 619 г. персы заняли Египет. Ираклий оказался зажатым в Константинополе между персами и аварами. Положение казалось безвыходным, и Ираклий решил бежать в родной Карфаген, благо византийский флот был хозяином в Средиземном море. Он погрузил на суда имперские сокровища для доставки в Карфаген, но буря потопила эти суда, а константинопольская верхушка во главе с патриархом, не желавшая перевода столицы из Константинополя, удержала его от бегства.

Ираклий попал, казалось бы, в безвыходное положение: не хватало денег на жалование войску, из-за затруднений с доставкой зерна пришлось прекратить раздачу бесплатного хлеба беднякам, однако именно в этот момент он проявил себя энергичным правителем. Заключив перемирие с аварами, Ираклий сосредоточился на войне с персами и начал реформировать армию. Он увеличил численность кавалерии и лучников, сделав ее более мобильной, и перешел в наступление. Одновременно он провел реформу административного устройства Малой Азии, разделив ее на фемы со стратегом во главе. Фемы становились чем-то вроде самоснабжающегося военного округа.

В 624 г. Ираклий во главе новой армии совершил поход на области Армении, подчиненные Сасанидам, в район озера Ван и предпринял рейд на город Гандзак в Азербайджане², где находился главный храм зороастрийцев, и уничтожил его в отместку за Иерусалим.

В 626 г., когда Ираклий в союзе с хазарами осаждал Тбилиси, персидский полководец Шазрвараз внезапно быстрым маршем вышел к Босфору. Одновременно с запада к Константинополю подошли авары. Падение столицы казалось неизбежным. 7 июля авары начали ее штурм с суши и моря, но гарнизон и флот при участии горожан отбили штурм. Раздосадованный аварский хакан тут же снял осаду и ушел. Персидский полководец не пошел на риск переправы через Босфор, имея в тылу армию Ираклия, и отступил.

В конце 627 г. Ираклий снова совершил бросок из Армении на юг, в сторону Ниневии. Стоявшая там двадцатитысячная иранская армия была разгромлена, и 12 декабря Ираклий двинулся на Дасткарту на Дияле. Хосров бежал в Ктесифон, оставив Ираклию сокровища своих дворцов. Ираклий двинулся вслед за ним, но был остановлен недалеко от столицы и удалился в Азербайджан. Внешняя угроза для Хосрова миновала, но придворная знать, возмущенная позорным бегством шаханшаха, составила заговор, свергла Хосрова и посадила на трон его старшего сына Кавада (Шируйе). 29 февраля Хосров был казнен; Кавад заключил мирный договор, обязавшись вывести войска из Египта и Сирии, вернуть всех пленных и возратить захваченную добычу.

Летом 629 г. Ираклий направился в Сирию и Палестину, чтобы навести там порядок после хозяйничания персов. Венцом торжеств по случаю освобождения Сирии и Палестины

² До начала XX в. Азербайджаном называлась историческая область северо-западного Ирана, южнее Аракса, между озером Урмия и Каспийским морем. Во избежание ошибочного отнесения этого названия к территории современного государства Азербайджан, указанную средневековую область Ирана мы будем называть Азербайджаном в соответствующей арабской транскрипцией.

было возвращение в Иерусалимский храм Гроба Господня христианских святынь, увезенных персами, и воздвижение креста на куполе храма. Это событие 14 сентября было увековечено в церковном празднике Воздвижения. Была поставлена завершающая точка в двадцатипятилетней войне. С большими жертвами, с большой кровью был восстановлен статус-кво. Вновь подтвердилось равенство сил двух великих держав.

После великих бедствий трудно было предположить, что поражение пятитысячного отряда византийских войск под Газзой 4 февраля 634 г. от арабов, пришедших из глубины Аравийского полуострова, было прелюдией гораздо больших перемен в судьбах Ближнего Востока.

Аравия на рубеже VI–VII вв.

Аравия – самый большой в мире полуостров, площадью 3 млн кв. км, находясь в тесном территориальном контакте с Византией и Ираном, тем не менее долгое время оставалась в стороне от борьбы двух великих держав, если не считать мелкие государственные образования, появлявшиеся и распадавшиеся на севере полуострова: Набатейское, Пальмирское, Хатрское, а позднее – Гассанидское и Лакмидское. Возникновению государства, которое охватывало бы всю территорию полуострова, препятствовали природные условия.

Аравийский полуостров – гигантский осколок Африканского материка. Западный край этой плиты смят в горные складки, возвышающиеся местами более чем на 3000 м, которые круто обрываются к Красному морю и полого снижаются к востоку. Узкая приморская полоса носит название Тихама, а горные цепи вдоль Красного моря – Хиджаз; южнее 20° с. ш. Хиджаз переходит в горную область Эль-Асир. За ней в гористом южном углу полуострова находится Йемен, а вдоль южного, океанского, побережья тянется Хадрамаут. Обширное центральное плоскогорье Аравии, Неджд, с востока окаймлено невысокой горной цепью Тувайк и дугой широкого (до 120 км) разлома с рядами продольных параллельных уступов, вздыбленных в сторону Неджда и наклоненных в сторону залива. Пространство между ними заполнено песками пустынь Нефуд и Дахна. Узкая полоска Дахны на юге переходит в огромную безжизненную пустыню Руб-эль-Хали («пустая четверть»), не знающую дождей (около 10 мм в год). Молодые горы Аравии тектонически активны, здесь нередки землетрясения и вулканические извержения. Последнее мощное извержение, зафиксированное историками, произошло в 1256 г. около Медины.

Вся поверхность Аравии, за исключением низменной равнинной части на востоке полуострова, изрезана глубокими каньонами древних рек, вади, которые наполняются водой только на несколько часов после дождей, когда по ним несутся мощные потоки (сайл – сель). Крупнейшее из них, ар-Рима (ар-Рума), пересекающее центр Неджда с запада на восток, тянется на полтысячи километров, достигая местами ширины 5–6 км. Дно больших вади ровное, заполненное мелким галечником и песком или глиной. Его можно использовать для орошаемого земледелия, задерживая дождевую воду на обвалованных участках или у устья боковых ущелий. В руслах вади сравнительно высок уровень почвенных вод, и даже в засушливое время можно докопаться до воды. Близость увлажненного слоя определяет и более богатую растительность. Поэтому к большим вади привязываются пути перекочевков и караванные пути.

Климатические условия Аравии VI–VII вв., видимо, мало отличались от современных, с той только разницей, что почти голые ныне горы сохраняли в ту пору древесную растительность, богаче была саванная растительность равнин и, соответственно, богаче животный мир. Страусы, дикие ослы, различные антилопы, львы и гиены – обычные персонажи арабской поэзии того времени. Возможно, что в наиболее безлюдных районах сохранялись еще дикие верблюды. Охота тогда имела гораздо большее значение. Подавляющая часть Аравии получает ничтожное количество осадков – менее 100 мм в год, а примерно 1/6 ее территории, практически не знающая дождей (менее 25 мм), вообще необитаема. Только в Йемене, в зоне муссонных дождей, существовали тропические леса, из которых вытекали небольшие реки. Однако и здесь прибрежная равнина суха и бесплодна, и реки пересыхают в ней в сухое время года.

В Йемене возможно земледелие без искусственного орошения. Многовековым трудом йеменских земледельцев склоны гор были превращены в систему террас, обеспечивающих равномерное распределение дождевой воды, а в предгорных равнинах были созданы сложные ирригационные системы с монументальными каменными плотинами, задерживавшими

паводковую воду вади. По уровню интенсивности земледелия Йемен можно поставить в один ряд с такими древними ирригационными цивилизациями, как Месопотамия и Египет.

В этой части полуострова, составляющей всего около 8 % его территории, концентрировалась по крайней мере половина его населения, то есть около 3,5 млн оседлых жителей, горожан и земледельцев. Здесь насчитывалось не менее десятка крупных городов с населением 15–25 тыс. человек, с монументальными общественными и жилыми зданиями и мощными оборонительными стенами. Общее же число городов Йемена пока не поддается учету, тем более что крупные селения по типу застройки мало отличались от городов. Ремесленная продукция Йемена – ткани, изделия из кожи и металлов – обеспечивала потребности почти всей остальной Аравии.

За пределами Йемена и горных районов Хадрамаута земледелие без искусственного орошения, как и ныне, возможно было лишь в отдельных пунктах, где выпадало достаточно осадков или высокий уровень почвенных вод позволял культивировать финиковые пальмы без полива. В большинстве же случаев в мелких оазисах, разбросанных по всей территории Аравии, посевы под дождь сочетаются с дополнительным поливом из колодцев или запруд, скапливающих дождевую воду. Площадь этих оазисов совершенно ничтожна по сравнению с необозримыми пространствами песчаных и каменистых пустынь, безотрадных голых гор и скал и солончаков – менее одной тысячной всей площади, поэтому Аравия всегда воспринималась как царство кочевников-бедуинов и их верных помощников – верблюдов.

О верблюде стоит сказать особо: без него весь образ жизни обитателей Аравии и степень освоения ее кочевниками были бы другими. Он – незаменимое средство передвижения в условиях жары, безводья и скудного подножного корма. Аравийский одногорбый верблюд, дромадер, способен обходиться в жару без питья 4–5 суток и нести до четверти тонны груза, верховой верблюд беговой породы способен за сутки пробежать 120–130 км, а на коротких дистанциях развивает скорость до 20 километров в час. Ни в одном из этих отношений лошадь не в состоянии конкурировать с верблюдом, поэтому ее использовали лишь в военных целях и как престижное верховое животное. В походах воины ехали на верблюдах, а на коней пересаживались только перед боем. Кроме того, земледельцы использовали верблюдов как тягло на пахоте и для подъема воды из колодцев. Верблюд обеспечивал хозяев молоком, шерстью, кожей и мясом. Правда, рядовым бедуинам нечасто приходилось забивать их на мясо, так как, судя по современным аналогиям, количество их в одной семье в среднем не превышало десятка. Больше было поголовье овец и коз. Таким же незаменимым спутником жизни, как верблюд, для бедуина, для жителей оазисов была финиковая пальма, снабжавшая их плодами, и древесиной, и листьями, которые шли на различные поделки. Пальму считали стоящей между растительным и животным миром, а то обстоятельство, что они делятся на женские и мужские особи, приближало их к человеку; существовало даже убеждение, что разнополые пальмы могут испытывать влечение друг к другу и чахнут при разлуке. Достоинством пальмовых рощ, кроме высокой урожайности (не менее 50–60 ц с га), было то, что в ее негустой тени можно было выращивать зерновые и овощи. Повредить пальму считалось тяжким проступком, и уж никак не могло быть, как в известном стихотворении М. Ю. Лермонтова, чтобы караван, остановившийся на ночлег под тремя бесхозными пальмами, без раздумья срубил их для костра.

Определить численность кочевого населения чрезвычайно трудно. Исходя из разных подсчетов, можно предположить плотность кочевого населения в степных и полупустынных землях примерно 1,5 чел./кв. км, что даст примерно 3 млн кочевников.

И все же население Северной и Центральной Аравии не было сплошь кочевым. Крупным земледельческим районом была Йамама, представляющая собой семисоткилометровую цепь небольших оазисов, особенно плотную на севере. По подсчетам путешественников первых десятилетий нашего века, в южной части Йамамы имелось не менее 3500 га оро-

шаемых земель, которые составляли лишь часть того, что имелось в древности. Это доказывается существованием на рубеже древности и средневековья в ныне пустынном районе южнее вадии ад-Давасир большого города, столицы Киндитского царства в III в., что позволяет думать, что в раннем средневековье площадь орошения южной Йамамы была больше, чем в начале нашего века. Особенно много орошаемых земель было в лучше обеспеченной водой центральной части Йамамы. Не будет грубой ошибкой предполагать, что в раннесредневековой Йамаме было около 25 тыс. га орошаемых земель. К этому надо добавить 15–20 тыс. га в Омани, примерно столько же в крупных оазисах Хиджаза, Неджда и Бахрейна (таких, как Иасриб, Таиф, Тайма и др.) и до 10 тыс. га в двух-трех сотнях мелких оазисов в тех же областях. Всего в Аравии за пределами Йемена и Хадрамаута было по меньшей мере 75 тыс. га орошаемых земель, которые могли обеспечить существование 300 тыс. земледельцев.

Впрочем, механическое деление жителей Аравии на оседлых и кочевников не совсем точно: непроходимой границы между ними не существовало. Здесь имелось много типов смешанного хозяйства: кочевники, имеющие небольшие участки обработанной земли около источников воды, служащих водопоем для скота; племена, часть которых кочевала, а часть в основном занималась земледелием, не прерывая родственные связи и обмениваясь продуктами; в то же время жители оазисов сами имели скот, пасшийся в степи. Чистые кочевники составляли подавляющее большинство только в особо пустынных районах.

Итак, если брать Аравийский полуостров в целом, то большинство его населения (более 4 миллионов) было земледельческим и только 3 миллиона – по преимуществу кочевым. Это должно приниматься во внимание при оценке уровня развития социально-экономических отношений в Аравии накануне рождения ислама. Если же учитывать арабоязычное население Заиордания, Сирии и Приевфратья, то удельный вес носителей оседлой культуры окажется еще выше. Главное, пожалуй, заключается даже не в том, какой процент населения Аравии был оседлым, а в том, что кочевой мир Аравии находился не на периферии цивилизованного мира, как другие большие регионы обитания кочевников, а в его окружении. По крайней мере 18 веков через пустынный (вернее, в то время саванный) центр Аравии осуществлялись торговые связи наиболее развитых стран древнего и средневекового мира, берега Персидского залива были покрыты торговыми колониями. Кочевники так или иначе были частью всего древневосточного мира.

Население Аравии вследствие ее географической изолированности было чрезвычайно стабильно, ни о каких вторжениях в нее больших инородных масс в историческое время неизвестно – движение шло только из Аравии, – а мелкие этнические группы, попадавшие сюда случайно извне, ассимилировались и бесследно растворялись в основной массе. Однако само население Аравии издревле делилось на две большие этнические группы: обитателей Южной Аравии, носивших в раннем средневековье собирательное название «химйариты», и в основном кочевое население остального полуострова, которое соседи (по крайней мере с VII в. до н. э.) называли «арабами».

Химйариты, создатели древней цивилизации Йемена, говорили на языке, относящемся к южносемитской группе, а обитатели степной Аравии – на другом языке, относящемся к северосемитской группе. Несмотря на наличие большого фонда общесемитских корней и взаимопроникновение лексики в ходе многовековых связей, взаимопонимание носителей этих двух языков, видимо, было затруднительным. Различия между ними еще больше подчеркивались несходством образа жизни. Поэтому они до VII в. считали себя разными народами.

Насколько можно судить по имеющимся источникам, существовало деление на южно-арабские (йеменские, или хахтанитские) племена и североарабские (низаритские). Йемениты в первые века нашей эры расселились по всему полуострову, продвинувшись до Сирии

(йеменитами были, например, Гассаниды). Однако это деление было нечетким. Места их обитания были перемешаны, а различия в языке постепенно стирались.

Арабы долгое время не имели собственной письменности. На юге они пользовались южноарабским письмом, а на севере – различными вариантами арамейского. Лишь около V в. на базе арамейского письма вырабатывается собственный арабский алфавит, учитывающий особенности фонетики арабского языка. Установить, где именно он зародился, у Лахмидов или у Гассанидов, пока не удастся. Возможно, что в обоих центрах приблизительно одновременно сложились два различных стиля (или почерка) арабского письма. Для нас сейчас важно то, что к моменту, когда арабы вышли на широкую историческую арену, они имели собственную письменность, наличие которой в момент сложения новой религии и государства сыграло огромную роль в формировании средневековой арабской культуры как особого этапа развития культуры Средиземноморья и Среднего Востока.

Впрочем, письменность в домусульманскую эпоху была достоянием очень узкого круга людей: правителей, жрецов, крупных купцов. Главной формой накопления и передачи информации было запоминание и устное воспроизведение. Особую роль в этом играла поэзия. Стихи – короткие экспромты и большие, хорошо обработанные поэмы – были не просто формой выражения чувств автора, но большой общественной силой, прославляя и фиксируя подвиги соплеменников, насылая проклятия на врагов и оплакивая умерших. Нередки были случаи, когда поэты играли роль современных дипломатов, разрешая межплеменные конфликты в поэтическом соревновании; та сторона, чей поэт, по всеобщему признанию, наиболее убедительно показал права соплеменников, признавалась победительницей. Поэт, ша'ир (в этом слове еще сохранялись отголоски первоначального смысла «ведун», «вещий»), казался современникам причастным к иным, высшим, силам, которые внушают ему необычную, поэтическую речь.

В кочевом мире сложилась своеобразная форма племенных эпосов: рассказ о героических событиях прошлого в виде стихотворных отрывков, перемежаемых прозаическими пояснениями, связывающими их в единое повествование. Обычно это был рассказ о каком-то одном дне сражения или иного происшествия. Записанные в конце VIII в. арабскими филологами, они получили название айям ал-араб («дни арабов»). Айям, как и чисто поэтические сборники – «диваны», служат для нас основным источником сведений о жизни и представлениях домусульманских кочевников Аравии, но поэзия своеобразно преломляет окружающий мир и порой может обмануть исследователя, если он начнет буквально понимать ее образный язык.

Социально-экономические отношения в Аравии V–VII вв.

Долгое время в нашей науке появление ислама слишком прямолинейно связывалось с процессом разложения у арабов родоплеменного и сложением классового общества, хотя многим было ясно, что оценивать уровень социального развития кочевников в отрыве от соседних земледельческих цивилизаций неверно. Классовое общество в Южной Аравии к VII в. имело по крайней мере двухтысячелетнюю историю и прошло примерно те же фазы развития, что и общества других древних цивилизаций Востока. К сожалению, наши сведения о нем основываются лишь на различных посвяtitельных, мемориальных и строительных надписях, которые дают достоверную, но очень специфическую информацию.

Насколько мы можем сейчас судить, наиболее характерным процессом, протекавшим в Южной Аравии в интересующее нас время, было падение значения самоуправляющихся общин – ша‘бов, объединявших население городов и их сельских округ, на которых держались древнейшие государства. Типологически они однозначны античным полисам или древневосточным городам-государствам. В VI в. объем компетенции ша‘бов и их глав сократился. На первое место выходят представители высшей царской администрации: кайли, наместники, мактавы. Постепенно кайли вытесняют глав ша‘бов, кабиров («великих»), а одновременно исчезает царская власть, охватывающая весь Йемен. Ша‘бы сохраняют роль как форма ограниченного самоуправления мелких административно-политических единиц, но, видимо, ша‘бы больших городов уже не распространяют свою власть на сельскую округу.

Падение роли городских общин, превращение городов-государств в города, подчиненные стоящим над ними правителям, находящимся вне этой общины, сказалось не только в экономике (запустение ряда ирригационных систем, прекращение монументального строительства), но и во внешнеполитическом положении Южной Аравии, которая не имела возможности противостоять усиливающемуся нажиму кочевников и установлению их политического господства. Здесь основным принципом социальной организации были кровнородственные отношения при коллективной (родовой или племенной) собственности на пастбища.

Кровнородственные коллективы образовывали сложную генеалогическую систему, связи внутри которой отчасти заменяли политическую организацию, а отчасти были политической организацией, закамуфлированной псевдородственной связью. Наименьшая ячейка, сыновья одного отца, именовалась (вполне естественно и для нашего слуха) «сыновья такого-то» (например, «сыновья Хашима» – бану Хашим), точно так же и более крупная ячейка (с внуками и правнуками) именовалась по деду, прадеду и так далее, до больших объединений в десятки и сотни тысяч человек. На первых ступенях, примерно до 10–12-го поколения, все эти бану соответствуют реальной генеалогии, а затем начинается выпадение промежуточных звеньев, появляются легендарные предки, призванные придать реально существующим неродственным объединениям и союзам силу общности порождения. Для обозначения групп и объединений различного уровня в арабском языке не было специальных терминов. Слово «племя» (кабила) употреблялось лишь для противопоставления кровнородственных групп кочевников территориальным общинам-ша‘бам; понятия вроде ашира, бану, батн выражали не различные ступени объединений, а различные линии родственных связей и взаимных обязательств на уровне рода и, может быть, разные хронологические слои. Так, батн («чрево») первоначально явно означал группу родственников по материнской линии, а в VI–VII вв. – по отцовской.

Состав объединений, которые мы обычно называем племенем, не был стабилен: в них принимались со стороны индивидуально или целыми родами на правах адаптированных членов чужаки, которые носили название халиф (слово совершенно иного корня, чем халиф – «заместитель» Мухаммада, так как в этих одинаковых в русской передаче словах различные по звучанию звуки. Бывшие рабы, отпущенные на свободу, включались в состав рода на правах «покровительствуемых» (мавла, мн. ч. мавали). К этому следует добавить различные союзы, равноправные и неравноправные, вызывавшие переход от генеалогических связей к политическим.

Во главе племен стояли вожди, сейиды, приобретающие свое главенствующее положение благодаря личному авторитету или богатству, а чаще и тому и другому. Ни о каких формах избрания сейидов, так же как о народных собраниях, сведений не имеется. То же можно сказать и о племенных судьях.

Неразвитость внутренней организации племен в сочетании с остатками материнской линии счета, полиандрии, свободы расторжения брака со стороны женщины производят впечатление большой примитивности бедуинского общества V–VII вв. Появление же государственных образований кочевников (Киндитов, Гассанидов, Лахмидов), выделение племенной верхушки, присваивающей лучшие пастбища в форме хима («заповедных земель»), усиление неравноправных отношений между чужими и родственными племенами можно было бы считать началом разложения этого примитивного общества, однако есть немало доказательств того, что общество Центральной и Северной Аравии, являясь частью структуры большого переднеазиатско-аравийского региона древних цивилизаций, сохраняло в то же время в силу специфики кочевого хозяйства примитивные формы организации, основанные на родственных связях. Так и образуется странное смешение архаичных форм брака и племенной организации с наличием собственной письменности, с развитой торговлей и товарно-денежными отношениями, с существованием богатой поэзии, явно не соответствующей мышлению примитивного общества, хотя и оперирующей предметами и обстановкой примитивного быта. Поэтому в любой исторический период мы можем обнаружить признаки разложения родоплеменного строя, но затем встречаться с ним снова и снова.

Это – проблема, к которой историкам придется возвращаться неоднократно, мы лишь хотим здесь показать, что условия, в которых рождались новая религия и новое мировое государство, были не так уж просты и однозначны, как это может показаться.

Верования

В религиозном отношении Аравия представляла собой такую же пеструю картину. В Южной Аравии намечалась постепенная унификация пантеона, превращение городских божеств в общейеменские, выдвигается в качестве главного бог Луны Алмаках, превращающийся постепенно в единого владыку неба и земли, часто обозначаемого одним эпитетом рахманан («милостивый»). Параллельно с этим процессом трансформации политеизма в монотеизм в Йемене получают распространение сложившиеся монотеистические религии Ближнего Востока: иудаизм и христианство. Будучи теологически более разработанными, они ставили преграду дальнейшему самостоятельному развитию южноарабского монотеизма. Христианство и иудаизм проникли в Южную Аравию практически одновременно. В начале VI в. принятие иудаизма правителем Йемена Зу-Нуvasом выдвинуло на первый план именно эту религию, но затем вмешательство христианской Эфиопии привело к победе христианства, которое, впрочем, тоже не стало господствующей религией йеменцев.

Христианство проникло в арабскую среду и в Северной Аравии: в византийских пределах арабы исповедовали христианство монофизитского толка, в сасанидских – несторианского, который принесли к ним гонимые из Византии несториане. Несомненно, отдельные проповедники должны были проникать и в Центральную Аравию, но, насколько нам известно, они не смогли завербовать последователей своих религий. Все это, вместе взятое, должно было способствовать знакомству арабов-язычников с отдельными положениями христианской догматики и мифологии.

Гораздо дальше проникал в Аравию иудаизм. Иудейские колонии имелись во многих оазисах Хиджаза и Неджда, но мы не знаем, были ли это евреи, переселявшиеся в Аравию, или арабы, давно принявшие иудаизм.

Основная часть Аравии была царством язычества. Здесь продолжали жить остатки древних общесемитских верований, зафиксированных в Ветхом завете и в религиях других ранних семитских культур; имена многих божеств арабского пантеона известны с древности. Во главе его стоял Эл (Ил, ал-Илах, ал-Ллах), большим почтением пользовались женские божества ал-Лат (форма женского рода от ал-Ллах), ал-Узза («великая») и Манат, воплощавшая в себе идею неотвратимости судьбы. Их культ зафиксирован от крайнего севера до юга Аравии. Наряду с этим было распространено почитание камней, скал и деревьев. Иногда они имели самостоятельное значение, но часто считались воплощением указанных божеств. Кроме того, у каждой семьи был свой идол-покровитель; связывались ли они с культом предков, мы не знаем. Четких представлений о судьбе человека после смерти, о бессмертии души у арабов-язычников не имелось.

Как правило, вокруг храмов и святынь выделялась «священная территория» (хаджр или харам), где всё – люди, животные и растения – считалось неприкосновенным, здесь же находились храмовая сокровищница и алтарь для жертвоприношений. Человеческие жертвы к VII в. уже не приносились, хотя раньше имели место.

Большую роль в религиозных представлениях арабов играли джинны, которые представлялись посредниками между людьми и миром богов, с которым человек не может иметь непосредственного контакта. Эти духи, добрые и злые, по воле божеств внушают людям мысли и поступки, открывают им сокровенное и наущают к злу. Обычных людей они посещают время от времени, но есть люди, через которых они вещают остальным, – это аррафы («провидцы») и кахины («прорицатели»), они предсказывают будущее, ищут пропавшее, угадывают скрытое. В каждом племени был свой арраф или кахин, некоторые пользовались славой за пределами своего племени, и к ним издали приезжали за советами.

Поэты также считались вдохновленными из этого мира, промежуточного между людьми и богами.

Отсутствие четких догматических представлений открывало широкие возможности для проникновения в это аморфное мировоззрение идей более развитых религий, способствуя религиозно-философским раздумьям.

Важнейшим общеисторическим вопросом является исследование закономерностей появления новых религиозных систем. Несомненно, что каждому уровню развития общества соответствует свой уровень идеологического развития, своя система мировоззрения, одной из форм которой является религия. Пример Средиземноморья как будто бы свидетельствует о том, что определенному уровню развития общества соответствует появление монотеизма, на этом основании рождение христианства связывают с кризисом античного общества, а появление ислама – с разложением общинно-родовых отношений и сложением классового общества. Однако во всемирном масштабе такая зависимость прослеживается хуже: Индия и страны Дальнего Востока не знали монотеизма, а иудейский монотеизм зародился задолго до кризиса античного общества. Поэтому мы вправе задать вопрос, в какой степени рождение ислама связано с коренными изменениями в структуре аравийского общества и в какой объясняется влиянием более развитых идеологий, почему, наконец, аравийскому обществу понадобилась новая религия, а не принятие уже имевшихся. В какой-то степени мы попытаемся ответить на него, рассматривая конкретную историю рождения ислама.

Топография и население Мекки на рубеже VI–VII вв.

Неоднородность природных условий и порожденные ею различия социально-экономических и политических форм существования населения Аравии определило такое же разнообразие религиозных верований. В Йемене со стабильным земледельческим населением и непрерывной культурной традицией в V–VI вв. намечалось формирование монотеизма путем создания иерархии богов-покровителей различных городов-государств и выделение главного божества с тенденцией превращения его в единственного вседержителя. Таким становился бог луны Алмаках или Рахманин (ар-Рахман). Это не исключало, конечно, существования местных культов. Этот процесс монотеизации йеменского пантеона был прерван в V в. вторжением более теологически разработанного христианства, а затем сменившего его по политическим причинам иудаизма. Отдельные группы иудеев (или иудаизированных арабов) существовали и в оазисах степной Аравии, самая большая из которых находилась в оазисе Йасриб (Медина). В конце концов после завоевания Йемена на рубеже VI–VII вв. в нем перемешались христианство, иудаизм и местные религиозные представления с верой в Рахмана как верховного божества.

На севере Аравии, в зоне политического и культурного влияния Византии и Ирана, среди значительной части арабов, кочевников и полукочевников утвердилось христианство различных направлений. На большей же части Аравии господствовали различные формы язычества, от примитивного фетишизма и анимизма с поклонением неодухотворенным объектам – приметным скалам, камням и деревьям, до почитания небожителей семитского пантеона. Насколько можно судить по обрывочным упоминаниям домусульманских культов и обрядов, у этих богов не было монументальных храмов. У каждого племени или группы племен были свои святилища. Вокруг наиболее почитаемых существовали заповедные территории, где нельзя было охотиться и где мог укрыться преследуемый. Такие заповедные места назывались хима или хаджр. При этом у каждой семьи были свои идолы или фетиши, к которым обращались за помощью в трудные моменты, но и особого почтения к ним не питали, могли их побить или наказать как-то иначе, если они не помогали.

Миру богов и добрых духов покровителей, как мы говорили, противостояли джинны – сверхъестественные существа в человеческом облике, которые могли и помешать, и помочь людям, и еще более опасные шайтаны (от греческого «сатан»). Проникновение такого персонажа в пестрый мир аравийского язычества неудивительно. Аравия не была изолирована от внешнего мира, через нее шли не только торговые караваны, но и проповедники различных ветвей христианства и иудаизма, внося в умы аравитян новые для них понятия. И сами аравитяне выезжали в Палестину, Сирию, Йемен и даже в Эфиопию, общаясь с иноверцами, что могло порождать у них синкретические религиозные идеи. Все это сочеталось с характерной для язычества терпимостью к чужим культам, возможностью наряду со своими племенными покровителями обращаться и к чужим богам.

В этих условиях неудивительна возможность появления культовых центров, привлекавших широкий круг иноплеменников, почитавших одновременно и своих богов или духов-покровителей. В VI в. в Западной Аравии таким универсальным культовым центром стало святилище в Мекке, паломничество к которому совершали жители обширной полосы Хиджаза от Йасриба (Медина) до границы Йемена.

Вади Мекка, одно из бесчисленных ущелий, перерезающих горную цепь Хиджаза, по которым во время дождей проносятся бурные потоки, уносящие зараз чуть ли не годовую норму осадков, отпущенных природой этим местам, производит безрадостное впечатление: полукилометровой ширины долина с крутыми, скалистыми берегами. Даже в те отдаленные времена, когда саванная растительность была богаче, это место было трудно признать при-

влекательным для постоянного поселения, тем более что вокруг него по вади Марр аз-Захран и на востоке выше в горы имелось немало мест, лучше обеспеченных водой и богаче растительностью. Но здесь, на полпути от Палестины до Адена, издавна находилась религиозная святыня арабских племен – возможно, с того времени, когда большой черный метеорит упал на глазах пораженных очевидцев и стал объектом поклонения. Предания, зафиксированные мусульманской традицией, свидетельствуют о том, что, когда в середине V в. часть племени курайш под предводительством Кусаййа вытеснило отсюда племя хуза‘а, здесь уже существовал примитивный храм Ка‘ба.

Вокруг Мекки с ее храмом и расположенных поблизости других мест поклонения, о которых мы скажем ниже, на 15–18 км к западу и востоку и на 8–10 км к югу и северу простиралась «священная территория» – х́арам (не путать с харам – «запретное»), где все живое находилось под покровительством божеств, нельзя было проливать кровь и запрещалась даже охота (это не касалось жертвоприношений и забоя скота для обитателей харама). Курайшитское предание приписывало установление границ харама Мекки также Кусаййу. Существование там постоянного поселения не упоминается, а если оно и было, то состояло из беспорядочно разбросанных примитивных круглых хижин с коническими крышами. Постепенно сменявшие их прямоугольные постройки с плоскими крышами поначалу встречались с осуждением. С Кусаййем, вероятно, пришло несколько сотен соплеменников, но лет через сто, при его правнукe Хашиме, с которого начинаются более достоверные сведения о курайшитской Мекке, в ней насчитывалось несколько тысяч жителей.

Характерная для кочевников высокая социальная значимость генеалогии, усугубленная особым вниманием к Мухаммаду и его племени, сохранила нам имена и многие детали взаимоотношений нескольких сотен мекканцев, живших на протяжении по крайней мере полутора веков до 20-х годов VII в., и это позволяет достаточно живо представить жизнь этого своеобразного центра и составить генеалогическое древо, помогающее разобраться во взаимоотношениях многочисленных родов курайшитов. Дом Кусаййи, находившийся к западу от Ка‘бы, превратился к этому времени в «дом собраний» (Дар-ан-надва) (рис. 1).

Дорога вдоль русла вади, проходившего к востоку от Ка‘бы, стала главной улицей поселения. Около Ка‘бы на ней возник рынок, превратившийся постепенно во второй по важности центр города. Все селение располагало двумя-тремя колодцами, и снабжение водой паломников становилось серьезной задачей для мекканцев. Оно было почетной обязанностью членов семьи Кусаййа, а после – его потомков. По мере роста города возникала необходимость пробивать новые колодцы. Наконец, около 530–540 гг. правнук Кусаййа, Абдалмутталиб, расчистил древний священный колодец около Ка‘бы, знаменитый Замзам, который, видимо, с древности был главным источником воды в этой безводной местности.

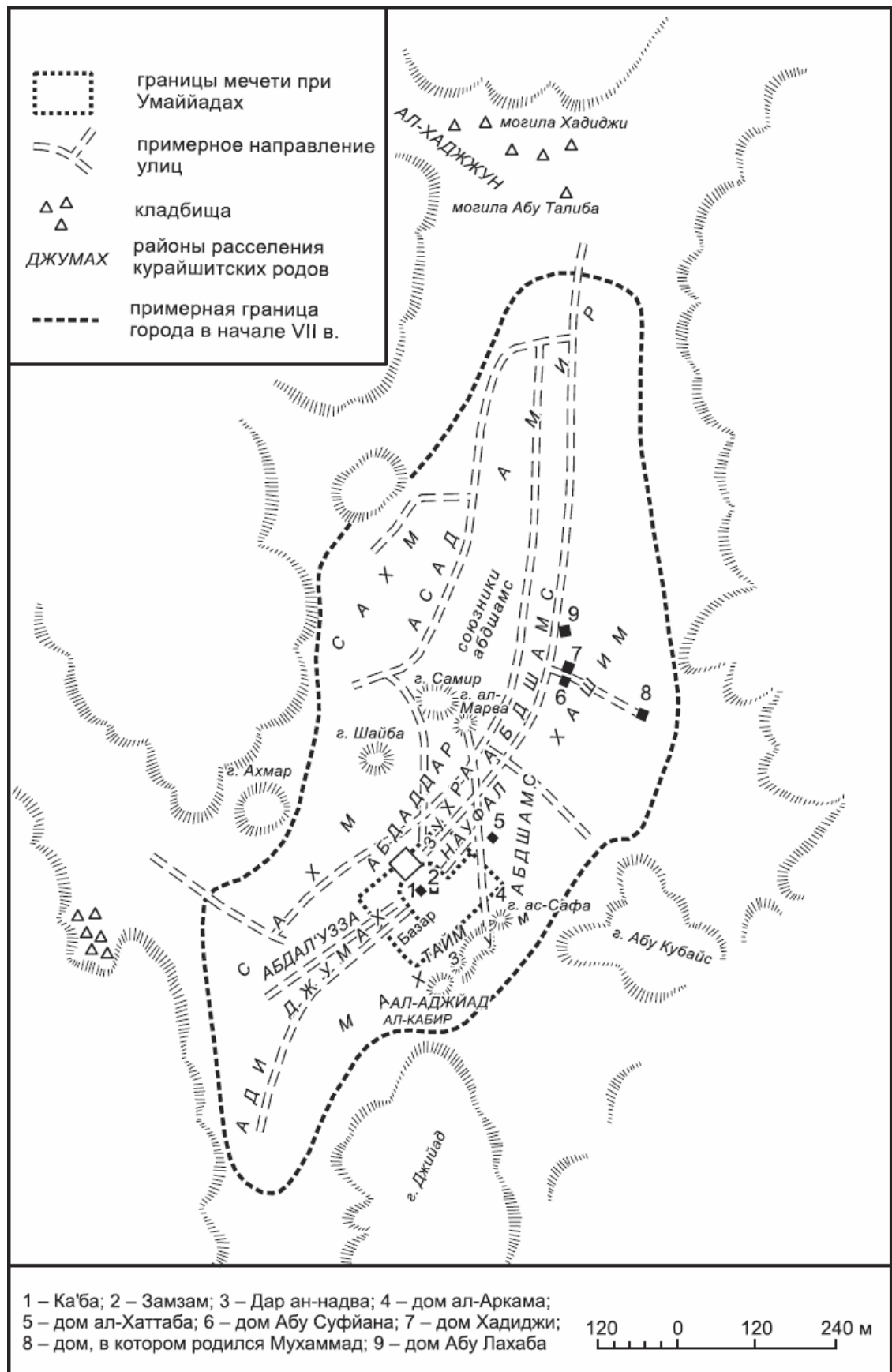

Рис. 1. Мекка в начале VII в.

Особое положение Мекки, обеспечивавшее безопасность ее жителям и посетителям, большое стечение людей разных племен в месяцы паломничества (седьмой месяц года – раджаб и последний месяц – зу-л-хиджжа), естественно, способствовали превращению ее в торговый центр. Представление о том, что развитию коммерческой деятельности курайшитов способствовало особо удобное положение Мекки на скрещении торговых путей, не соответствует действительности: такой центр мог с большим успехом сложиться во многих других местах того же участка караванного пути вдоль берега Красного моря.

Но и один только статус неприкосновенности территории не мог обеспечить развития Мекки как торгового центра: при наличии того же статуса до курайшитов вокруг Ка'бы не сложился торговый центр. Видимо, в конце V–VI в. произошли такие изменения в направлении экономических связей, которые позволили курайшитам включиться в мировую торговлю и, используя преимущества святого места, обеспечить себе процветание.

С середины V в. начинается развитие Мекки как торгового центра, которое связывают с именами четырех внуков Кусаййа, будто бы разделивших между собой четыре направления торговых связей: с Сирией, Месопотамией, Йеменом и Эфиопией. Их успеху способствовало вовлечение бедуинских торговых путей в долю прибыли от торговли. Но никаких конкретных сведений об организации этой торговли не сообщается. Торговля послужила мощным толчком к повышению благосостояния мекканцев, росту их числа и развитию Мекки как города.

Теперь мы можем посмотреть, как функционировало в Мекке то сообщество, которое обычно называют племенем.

Прежде всего, следует отметить отсутствие фигуры вождя и сведений о народном собрании, которое выбирало верховного руководителя хотя бы в критической обстановке. Мы знаем о существовании совета курайшитов (ал-мала, ан-надва), но не знаем ни одного случая, когда бы этот совет решал важный для всех курайшитов вопрос, например, объявление войны или заключение мира. Возможно, никакого совета с определенным составом и не существовало, а случались организационно не оформленные совещания старейшин родов.

Статус Дар ан-надва был своеобразен; это здание имело общегородское значение (в нем хранилось знамя, заключались договоры, скреплялись различные соглашения, совершались браки и возрастные обряды посвящения), однако считалось собственностью рода абдаддар.

Важнейшие функции общеплеменного значения были рассредоточены между наиболее влиятельными родами, в основном среди потомков Кусаййа. Кроме чисто храмовых обязанностей род абдаддар имел привилегию нести в походе знамя курайшитов, асад осуществлял руководство в совете, тайм – судейство, махзум – организацию походного войска, ади – внешние сношения, сахм распоряжался храмовыми имуществами. Однако не исключено, что в начале VII в. эти функции выполнялись конкретными представителями соответствующих родов.

Конкретная власть принадлежала главам родов, обычно старейшим в роду или наиболее авторитетным из старшего поколения. Авторитет зависел и от состоятельности, и от реальной значимости, т. е. прежде всего от многочисленности мужского потомства. Соответственно, власть эта была чисто патриархальной, семейной.

Для понимания ситуации в Мекке важно, что племя как политический организм, стоящий над отдельными родами, отсутствовало. Соотношение сил между родами постоянно менялось, и для поддержания стабильности приходилось прибегать к союзам внутри самой Мекки и заключать их с соседними племенами.

Политические союзы курайшитов дополнялись узами свойства. Многие курайшиты брали жен из соседних племен и выдавали своих дочерей в другие племена. Впоследствии

курайшиты, продолжая брать жен из других племен, стали реже выдавать своих дочерей за иноплеменников, считая их ниже себя.

Мекка как культовый центр

Что же представляла собой Мекка как культовый центр в конце VI в. и какую роль в нем играли курайшиты? Главной святыней, как уже говорилось, была Ка'ба, квадратная постройка, ориентированная углами на странам света со входом в северо-восточной стене. Ка'ба с тех пор несколько раз перестраивалась и меняла свой облик. Судя по средневековым сообщениям, она была сложена из рваного камня без раствора и достигала высоты 15 локтей (7,5 м).

Главным объектом поклонения был черный камень, вложенный в южный угол Ка'бы на высоте полутора метров. В древности был еще один камень, в восточном углу, пропавший при перестройках.

Паломники, входя на священную территорию Мекки (харам) (рис. 2) надевали чистую полотняную одежду (ихрам), которая налагала на них определенные ограничения. Представители племен, особо почитавших Ка'бу, могли пользоваться собственной одеждой, а те, кто впервые совершал хаджж, из других племен, должен был брать ее у курайшитов или совершать обход Ка'бы без одежды.

Главной частью обряда хаджа был семикратный обход Ка'бы по часовой стрелке с прикосновением к камню, символизировавшему соприкосновение с высшими силами, после чего следовала семикратная пробежка поперек долины между холмами ас-Сафа и ал-Марва, на которых стояли какие-то статуи. Память о том, кого они изображали, не сохранилась. Этот этап обряда завершался стрижкой голов и закланием жертвенного животного. После этого паломники надевали обычную одежду.

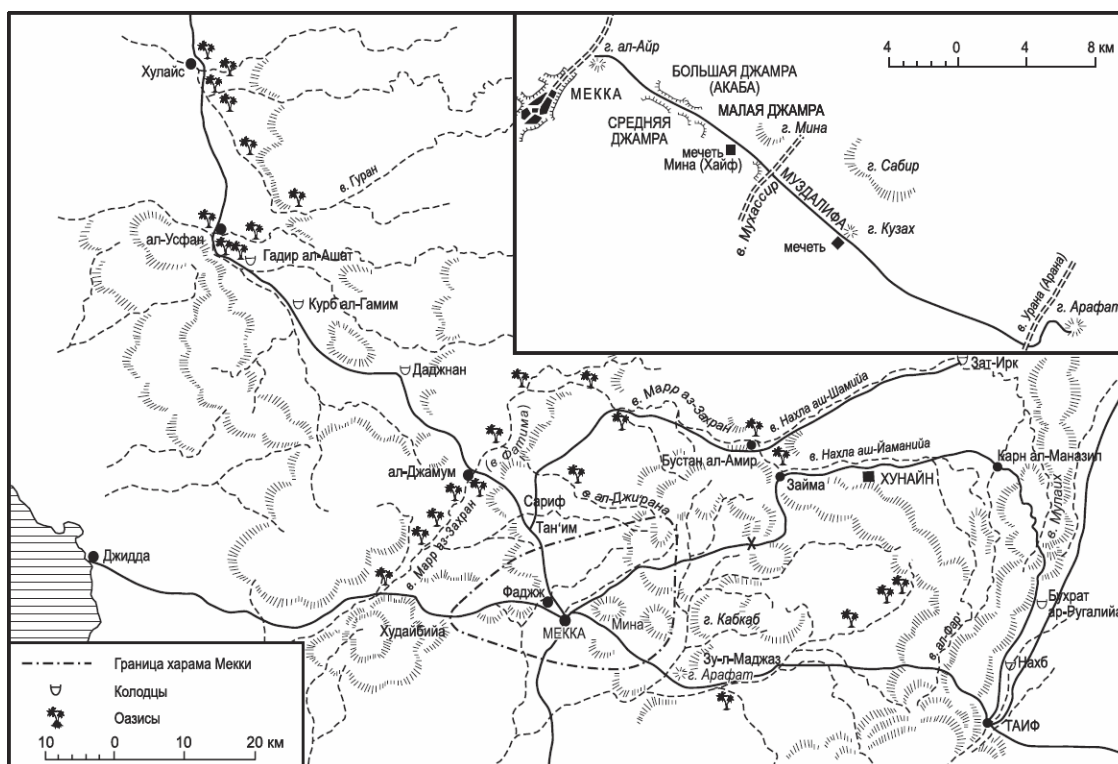

Рис. 2. Район Мекки в начале VII в.

В этой части обряда хаджа ясен только смысл поклонения священному камню. В чем смысл бега между ас-Сафа и ал-Марва, статуи каких божеств находились на этих холмах,

какую роль играла статуя бога-воителя Хубала, находившаяся внутри Ка'бы, – совершенно неясно. Если добавить к этому статуи каких-то Исафа и Наилы, стоявшие между Ка'бой и священным колодцем Замзам, то внутренний смысл обряда хаджа станет совершенно неясным. На следующий день после этой части хаджа, получившего в мусульманское время название малого (умра), паломники некоторых племен по дороге в родные места приносили жертвы в своем племенном святилище и там стриглись в знак окончания обряда.

Полный обряд хаджа продолжался на следующий день на восток от Мекки. Паломники, запасшись водой, шли в долину Мины и оттуда к вади Урана, служившему границей харама Мекки, ночевали там, а на рассвете бегом возвращались к Мине, чтобы встретить восход солнца и побить камнями скалу, которая символизировала темные силы. Затем совершалось жертвоприношение, и на этом хаджж завершался. В то же время у горы Арафат, находившейся за пределами харама Мекки, представители других племен совершали моление, о форме и смысле которого нам неизвестно.

До сих пор мы не упоминали ни одной даты проведения паломничества. Новый год у домусульманских арабов явно начинался с зимнего солнцеворота. Об этом свидетельствуют названия третьего и четвертого месяца – раби ал-аввал и раби ас-сани (первая весна и вторая весна), что примерно соответствует марту и апрелю нашего календаря, то есть новый год начинался в день солнцеворота или на следующий день. В этом случае становится понятной идеологическая сущность хаджжа в зу-л-хиджжа, снимающая многие неясности. Изначально это был праздник возрождения Солнца. Первая половина хаджжа – обход Ка'бы, поклонение разным богам означало моление о возвращении Солнца, обращение ко всем небесным силам. Вторая половина – ночевка у вади Урана, бег на рассвете к Мине, побие-ние камнями скалы, олицетворяющее темные силы – акт, помогающий возвращению Солнца и празднование радостного события. Возможно, эта часть празднования была связана и с почитанием бога неба и громовержца Кузаха, память о котором сохранилась в народной памяти в названии радуги «луком Кузаха». Если главное паломничество было связано с возвращением Солнца, то другое, меньшее по значимости, паломничество в седьмом месяце, раджабе, вероятно связывалось с летним солнцестоянием.

К сожалению, установление связи главных праздников домусульманских арабов с примечательными моментами положения Солнца не помогает установлению точной хронологии этого периода. Сложность счета времени у домусульманских арабов заключалась в его двойственности. Большой годичный круг с празднованием определенных точек положения Солнца расходился со счетом года по 12 месяцам, определявшимся по фазам Луны. Солнечный год равняется 365,25 суток, а 12 лунных месяцев равняются 354 суткам. Следование счету по месяцам сразу отрывало праздники от тех точек положения Солнца, которые они должны были отмечать. Для согласования лунного года с солнечным нужно было вводить дополнительные дни. Эту важную религиозную задачу выполняли особые знатоки (жрецы?) одного из племен, обитавшего в районе Мекки. Сведения раннемусульманских авторов о том, как проводилась эта корректировка, очень туманны. Вроде бы эти «хранители времени» каждые три года, когда накапливалась разница в 33 дня, объявляли о наступлении дополнительного месяца, который, как и обычный первый месяц года, назывался ал-мухаррам. Таким образом, месяцы в пределах года сдвигались, и их дни невозможно точно привязать к датам нашего календаря. С этой неточностью нам придется примириться при последующем изложении событий.

Положение курайшитов как хранителей святынь возвышало их в глазах остальных племен, почитавших эти святыни. Они оказывались для паломников чем-то вроде хозяев, принимающих гостей с особыми правами и обязанностями. Так, они предоставляли паломникам свою одежду в качестве ихрама, а также должны были обеспечивать едой, питьем и кровом. Эти обязанности постепенно превращались в источник дохода: бесплатное предоставление

одежды становилось платным, и еду предоставляли бесплатно только особо благочестивые и богатые люди. Впрочем, в те времена право на расходы ценилось порой выше, чем возможность получения дохода, так как все почетные обязанности хранителей мекканских святынь, так или иначе, требовали расходов. Для покрытия расходов, связанных с оказанием помощи паломникам, в Мекке существовало специальное самообложение – рифада. Кроме того, каждый состоятельный курайшит считал своим долгом превзойти представителей других родов своей щедростью и завоевать дополнительный авторитет.

Все функции, связанные с религиозно-политическим руководством Меккой, примерно до середины VI в. оставались в роду одного из сыновей Кусаййа, Абдаддара. Бану абдаддар были хранителями ключа от Ка‘бы, пользовались привилегией поить и кормить паломников, председательствовать в Дар ан-надва и нести знамя курайшитов. Привилегии отдельных родов вызывали недовольство других. После каких-то столкновений, видимо без жертв, стороны пришли к компромиссу: абдманаф получили право поить паломников, асад – кормить их, а за абдаддар сохранились руководство советом, право нести знамя и хранить ключ от Ка‘бы. Впоследствии, видимо, происходили новые перераспределения почетных функций.

Несмотря на их почти жреческую причастность к мекканским святыням, курайшиты поклонялись также другим святыням и другим божествам, особенно трем богиням – ал-Лат, ал-Уззе и Манат. Это хорошо демонстрируют теофорные имена, то есть такие, которые включали имя какого-то божества в сочетании со словом абд (раб) – Абдаддар, Абдаллат, Абдманат, Абдманаф, Абдал‘узза, Абдшамс. Характерное для язычества признание всех богов, отличавшее религиозную жизнь Средиземноморья до христианства, было свойственно и арабам.

Глава 2. Рождение ислама

Детство и юность Мухаммада

Около 570 г. в жизни курайшитов произошло событие, отделившее полулегендарный период истории от времени, когда появляется возможность выстроить события в сколько-нибудь последовательный ряд. Этим событием стало появление под Меккой эфиопского отряда из Йемена, который сопровождал боевой слон. Мекканцы в ужасе бежали в горы, а присоединившиеся к эфиопскому войску арабы, почитавшие Мекку, отказались вступить на священную территорию с оружием, и святыни не были затронуты. Правнук Кусайи, Абдалмутталиб, вступил в переговоры с эфиопским командующим и добился каких-то успехов. Но судьбу Мекки решили не эти переговоры, а начавшаяся эпидемия, от которой пал слон и стали гибнуть люди. Эфиопское войско поспешно отступило, бросив значительную часть обоза, которая была быстро разграблена наиболее смелыми и предприимчивыми курайшитами, среди которых вроде бы изрядно обогатился Абдалмутталиб.

Год, когда все это произошло, остался в памяти курайшитов как «год слона». Это очень важная дата в мусульманской историографии, потому что к этому году относят рождение пророка ислама, Мухаммада. Так или иначе, с оговорками или без них, его относят к 570 г. н. э., а на самом деле не возраст Мухаммада отсчитывается от этой даты, а дата «года слона» рассчитана из того, что Мухаммад умер в 632 г. на 63 году жизни.

Единственный поход эфиопской армии из Йемена на север датируется химйаритской мемориальной надписью 547 г. н. э., но это – слишком ранняя дата, а сведений о более поздних походах не имеется. Нельзя исключить, что был какой-то поход после 547 г., но никак не в 570 г.

Бесславный исход эфиопского нападения на Мекку способствовал еще большему укреплению престижа Мекки как богоспасаемого города, а с ним – и престижа курайшитов, которые получили почетный эпитет ал-илахи – «божье племя». С этим связывается расширение круга почитателей Ка'бы и появление у курайшитов дополнительных претензий на исключительность в отправлении отдельных обрядов.

Исход этого грозного для Мекки события способствовал также выдвижению и обогащению Абдалмутталиба. Признанием авторитета Абдалмутталиба можно считать включение его в состав делегации курайшитов, ездившей в Сан'а к Сайфу ибн Зу-Йазану с поздравлением по случаю изгнания эфиопов и воцарения его в Йемене. Произошло это в промежутке между воцарением Сайфа в 576–577 гг. и смертью Абдалмутталиба, последовавшей в правление Хормузда (578–590 гг.).

Абдалмутталибу, как деду Пророка, приписывается большое благочестие, в частности пост в рамадан на горе Хира, раздача милостыни бедным после окончания поста, многократные обходы Ка'бы. Дополнительную весомость Абдалмутталибу придавало большое мужское потомство – десять сыновей, некоторые из которых к рассматриваемому времени тоже занимали заметное положение, а если добавить к этому связи с другими семьями через браки дочерей, то получался еще более значительный род.

И вот, в этом роду у одного из сыновей Абдалмутталиба, известного в мусульманской традиции под именем Абдаллах, родился сын, которому суждено было создать новую религию и оказать огромное влияние на историю человечества. Его последователи и почитатели через сорок лет стали называть его почтительно Мухаммадом, то есть «Хвалимым» или «Достохвальным».

Стоит заметить, что именование единого и единственного бога Аллахом, появилось лишь лет через 45, и ни в одном перечне домусульманских генеалогий имени Абдаллах нет. Вероятно, отец Мухаммада имел теофорное имя с упоминанием одного из языческих божеств – понятно, что такое имя для отца Пророка было невозможно, и его заменили впоследствии на Абдаллаха. То же можно сказать об имени Мухаммад, которое также не упоминается в домусульманских генеалогиях. Кроме имени Мухаммад у мусульманских историков и биографов Пророка мы находим почетные эпитеты Ахмад («Многохвальный») и Мустафа («Пречистый»).

Мы располагаем обширным материалом воспоминаний современников о своем вероучителе, которые тщательно собирались и передавались следующему поколению. Их начали записывать через несколько десятилетий после смерти вероучителя. Самое раннее жизнеописание, дошедшее до нас, было составлено в середине VII в. ибн Исхаком. Вообще к жизнеописанию Пророка обращались многие историки второй половины VII – начала IX вв., но большая часть их сочинений потерялась и дошла до нас в материалах поздних авторов. Оценивая в целом этот материал, можно поразиться его реализму и почти полному отсутствию рассказов о чудесах. Они появились позднее трудами благочестивцев. Достоверность воспоминаний современников о Пророке закреплялась указаниями на то, кто рассказал об этом и передал дальше.

Понятно, что о детстве и юности Мухаммада известно мало – кто обращал внимание на безвестного мальчишку. Жизнь будущего пророка с самого начала складывалась несчастливо. Во время его рождения молодой отец умер около Йасриба во время торговой поездки. Когда мальчик немного подрос, мать отдала его на воспитание бедуинам. Это якобы соответствовало обычаям курайшитов, укреплявшим таким образом связи с соседями. Однако, автору этих строк не известно ни одного такого случая. Когда Мухаммаду исполнилось шесть лет, его мать, Амина, поехала в Йасриб на могилу мужа, заболела там и умерла. Сироту взял к себе дед, Абдалмутталиб, заботливо относившийся к внуку, но через два года умер и он. Сироту взял к себе дядя, Абдманаф, больше известный под именем Абу Талиб.

О жизни Мухаммада в семье дяди нет достоверных сведений. Известно только, что, когда ему было около 13 лет, дядя взял его с собой в Сирию. Там будто бы христианский монах сказал приехавшим мекканцам, что среди них находится будущий пророк. Примечательно, что здесь, как и в некоторых других случаях, сокрытое открывает мусульманам христианский монах или отшельник. Христиан в первые века ислама мусульмане считали хранителями мудрости, заключенной в их книгах.

Лет с 15 Мухаммад начал самостоятельно зарабатывать на жизнь, пася скот мекканцев, хотя, наверное, продолжал жить под кровом дяди. Пасьба скота по найму в глазах богатых родственников, занимавшихся торговлей и причастных к отправлению культа, было унижительным. Когда Мухаммад попросил дядю выдать за него дочь, любимую Фохиту, а брак между двоюродными считался самым предпочтительным, тот ответил отказом и выдал ее за человека из другого рода. На упрек племянника, что ему предпочли чужого человека, Абу Талиб ответил: «Да, мы породнились с ними – благородный достоин благородного».

Только около 595 г. в жизни Мухаммада произошел поворот к лучшему. По совету Абу Талиба он нанялся в качестве приказчика сопровождать в сирийском караване товары богатой вдовы Хадиджи бинт Хувайлид. Плата была не слишком велика – четыре молодых верблюда, но главное было не в ней: Мухаммад понравился Хадидже, она дала ему это понять, он посватался, получил согласие и стал ее мужем.

Хадиджа принадлежала к близкому хашимитам роду асад, была уже дважды замужем и от последнего брака имела малолетнего сына. Это была умная, энергичная женщина, сохранившая право распоряжения своим капиталом и в новом браке. Поэтому, когда Мухаммад

захотел одарить свою бывшую кормилицу Халиму, то «рассказал о ней Хадидже, и она дала ей 40 овец и верблюда для езды».

Брак Мухаммада в оценках европейских исследователей всегда выглядит несколько некрасивым, чем-то вроде прихоти богатой старой купчихи, польстившейся на молодого человека. Основанием для этого служит утвердившееся в мусульманской исторической традиции мнение, что Хадидже, когда она выходила замуж за Мухаммада, было 40 лет, между тем имеются сведения, что ей было всего 28 лет, и это многое меняет в оценке их счастливого брака. Сам Мухаммад всегда тепло вспоминал свою первую супругу, которая была для него не только женой, но и лучшим другом.

После женитьбы Мухаммад занялся торговлей кожами, но не смог завести собственное дело, а торговал на паях в лавке своего компаньона ас-Саиба ибн Абу Саиба ал-Махзуми. В дальние торговые поездки он, видимо, больше не пускался. Характерно, что Мухаммад не кооперировался с кем-либо из Хашимитов: видимо, родоплеменные узы, о которых так много говорят при характеристике мекканского общества этого периода, нередко отступали перед денежными расчетами.

Тем временем престиж Мекки заметно возрастал и в этом способствовали друг другу религия и торговля. В последней четверти VI в. в 100 км восточнее Мекки, около Карн ал-Маназил (ныне ас-Сайл-ал-Кабир), в урочище Указ, возникла ярмарка, ставшая важным торговым центром Северной Аравии. В Указе ярмарка начиналась в зу-л-ка‘да, в конце месяца она перемещалась в Маджанну, а затем, 1–7 зу-л-хиджжа, – в Зу-л-Маджаз, в 5–6 км от Арафата. Сразу же после закрытия ярмарки паломники шли к Арафату и начинали обряд хаджжа.

Ярмарка привлекала не только почитателей мекканских святынь, но и людей из других племен, не связанных ограничениями для паломников. Ярмарка была свободной, беспопылинной, поддержание порядка на ней лежало на тамимитском племени зайд манат, которое не относилось к числу почитателей мекканских святынь и могло на ярмарке носить оружие. Их глава одновременно исполнял функции судьи. Здесь кроме торговли и разбора межплеменных столкновений происходили состязания поэтов и певцов.

О большой значимости и притягательности ярмарки в Указе свидетельствует стремление последнего царя Лахмидов ан-Ну‘мана (580–602 гг.) посылать на нее свои товары. Существовавшие сложные отношения между племенами приводили иногда к столкновениям на ярмарке, хотя это и считалось недопустимым. В одном из таких столкновений курайшиты будто бы потеряли 80 человек.

К концу VI в. стали обостряться противоречия внутри разросшегося рода Абдманафа. После смерти Абдалмутталиба (около 578 г.), пользовавшегося большим авторитетом, главенство перешло к Харбу ибн Умаййе, внуку Абдшамса. Это породило соперничество между Хашимитами и Умаййадами. Да и среди сыновей Абдмутталиба не все обходилось мирно. Так, когда Абу Талиб, возглавлявший Хашимитов, оказался не в состоянии выполнять почетную обязанность кормить и поить паломников, то его богатый младший брат, ал-Аббас, дважды дав деньги на покрытие расходов, потребовал затем в погашение долга передать это право ему. Абу Талиб настолько разорился, что родственникам пришлось взять его младших детей к себе.

К этому времени у Мухаммада была уже большая семья. Его первенец, ал-Касим, по которому его самого стали звать Абу-л-Касим, умер, едва начав ходить, но затем одна за другой появились четыре дочери: Зайнаб, Рукайя, Умм Кулсум и Фатима. Дом обслуживало несколько рабов и рабынь. Особое место среди них занимал Зайд ибн ал-Хариса, подаренный Мухаммаду супругой. Мухаммад через некоторое время торжественно освободил его перед Ка‘бой и объявил своим сыном.

Между тем в Мекке произошло знаменательное событие: курайшиты решились взяться за ремонт Ка'бы, которая сначала выгорела изнутри, а затем пострадала от селя и стояла некоторое время в виде полуразрушенного остова. Мекканцы купили обломки византийского корабля, потерпевшего крушение возле Джидды, и наняли корабельного плотника для выполнения непривычных для них плотницких работ. Стены были разобраны до основания и затем возведены вновь из перемежающихся рядов камня и деревянных брусьев. Вход был поднят выше человеческого роста, чтобы внутрь не попадали дождевые потоки и не могли пробраться злоумышленники. Стены были подняты вдвое, до 18 локтей (9 м), наконец, Ка'ба впервые получила крышу, которую поддерживали шесть деревянных столбов. Изнутри стены были оштукатурены и покрыты росписями. Для возведения стен курайшиты разделились на четыре группы, в какой-то мере отражающие существовавшие союзные отношения и соседство.

Ремонт Ка'бы был не просто сложной для мекканцев технической задачей, а прежде всего идеологическим событием большой значимости. Требовалось большое мужество, чтобы вынуть первые камни из стены храма, не помогало даже сознание того, что совершается благое дело. Никто не решался приступить к разборке стены, пока не увидели, что ал-Валид ибн Мугира выломал часть стены и не был наказан. Разбирая старый храм и возводя новый, курайшиты еще больше проникались сознанием своей особой связи с божеством. Особенно это касалось снятия с места «черного камня».

Мусульманская традиция приписывает честь этой инициативы Мухаммаду. Он будто бы первый взялся за это, и ему помогли в переноске старейшины четырех строительных групп. Этот рассказ может быть благочестивой выдумкой, но, с другой стороны, в нем нет ничего невероятного. Возможно, сознание особой близости к божеству охватило Мухаммада именно в этот момент.

Примечательно, что инициатива перестройки принадлежала не охранителям храма, бану абдаддар, а махзумитам, что, возможно, отражает их возросшее значение.

Перестройку Ка'бы курайшитская традиция относит к 10-му году после женитьбы Мухаммада, т. е. к 603–605 гг.

Начало религиозной проповеди Мухаммада

Участие в ремонте Ка'бы было, несомненно, самым большим событием в общественной жизни Мухаммада. За ним потекли размеренные будни: Мухаммад торговал, выдавал замуж старших дочерей – Зайнаб, Рукайю и Умм Кулсум. Дома остались только Зайд и маленькая дочь Фатима. Поэтому Мухаммад охотно взял на воспитание сына совершенно разорившегося Абу Талиба, Али, который мог заполнить в сердце пустоту, образовавшуюся после смерти ал-Касима.

Мухаммад не мог похвастаться большими жизненными успехами: коммерческого таланта у него не было, и капитал жены он не сумел приумножить, приходилось, наверное, иметь дело и с займодавцами, дравшими за ссуду большой процент. Не отличался он ни красноречием, ни поэтическим даром, ценившимися в то время. А главное, он был одинок, без братьев и сестер, всегда несколько чужой всем окружающим. Любовь Хадиджи не могла возместить ему этот недостаток за пределами дома, в кругу сверстников. Конечно, тяжело переживал он и отсутствие сыновей, поднимавших авторитет мужчины в обществе. Усыновление Зайда было жестом отчаяния.

Ощущение неприкаянности и постоянной ущемленности накапливало в его душе смутное недовольство, состояние внутренней напряженности. Пищу для размышлений могли дать Мухаммеду беседы с двоюродным братом Хадиджи, Варакой ибн Науфалем, который «знал Писание», «жил по Писанию» или даже исповедовал христианство. Вряд ли его теологические познания были сколько-нибудь основательны; скорее всего, они состояли из некоторых христианских идей, почерпнутых у гонимых проповедников еретических учений, искавших убежище в Аравии, подальше от служителей официальных церквей. От Вараки Мухаммад мог получить представление о воздаянии в потустороннем мире за грехи, о Страшном суде, который вот-вот наступит (а это представление характерно как раз для гонимых учений) и к которому надо готовить себя, очищаясь от скверны. Главное же, Мухаммад мог ознакомиться с представлением о всемогущем боге, единственном вседержителе.

Варака был ближайшим, наиболее доступным, но не единственным источником сведений о христианской концепции монотеизма. По крайней мере, две встречи с христианскими проповедниками, упоминаемые средневековыми источниками, выглядят достоверными. Наконец, в Мекке и других центрах Аравии были представители неопределенного монотеизма, называвшиеся ханифами, внешним отличием которых был отказ от жертвоприношений идолам и употребления в пищу мяса жертвенных животных. Ничего более конкретного об их взглядах мы не знаем.

Мухаммад стал уединяться в пещере на горе Хира, около которой, по мекканскому обычаю, благочестивцы или люди, которым предстояло принять важное решение, проводили несколько дней в посте и размышлениях и кормили бедняков, прежде чем, очистившись таким образом, совершить обход Ка'бы.

Постоянное нервное напряжение, уединение в пещере, пост привели к появлению у Мухаммада каких-то видений. Этот исходный момент в истории рождения ислама, по существу, никем не анализировался с объективных материалистических позиций. Для верующих мусульман откровение, данное Мухаммаду, есть непреложная истина, не требующая никакого анализа. Между тем самое любопытное, самое важное здесь – исследование механизма рождения нового религиозного учения; не история формирования догматики и религиозных институтов, а первый толчок, который заряжает проповедника той неотразимой силой убежденности, ведущей за ним огромные массы людей, не требующих никаких логических доказательств правоты нового учения.

Во всех мнениях, высказанных до сих пор, есть доля истины: не исключено, что Мухаммад обладал повышенной возбудимостью, возможно, что в каких-то случаях экстатические состояния вызывались специальным аутотренингом (хотя этого понятия тогда не существовало) и даже употреблением каких-то трав (однако это, по нашему мнению, маловероятно), не исключено, что Мухаммад оказался под впечатлением какого-то оптического обмана, но все это лишь условия, которые могли подтолкнуть процессы, которые происходили в сознании самого Мухаммада.

Слуховые, зрительные и даже осязательные галлюцинации случаются не только у больных людей. Вероятно, каждому из нас приходилось хоть раз в жизни услышать, как его кто-то окликает, когда никого рядом нет. Для этого не надо иметь большое воображение. Наши органы чувств непрерывно подают сигналы мозгу, и среди них сигналы ложные, особенно когда количество внешних раздражителей резко сокращается по сравнению с нормой. Опыты длительного пребывания в сурдокамере или в глубокой пещере в полной темноте и тишине при постоянной температуре доказывают возможность возникновения сильных ложных сигналов органов чувств, которые могут быть приняты за истинные, дело лишь в степени критичности сознания индивидуума.

Нервное напряжение, в котором, видимо, находился в этот период Мухаммад, голодание, отрешенность от внешнего мира в пещере создавали великолепные условия для видений любого рода. Степень их яркости зависела от состояния его нервной системы, а готовность к соответствующему их восприятию была налицо.

О характере видений, внушивших Мухаммаду мысль о пророческой миссии, мы можем судить по свидетельствам двух родов: это несколько стихов (айатов) Корана, появившихся под непосредственным впечатлением видений, и более поздние рассказы Мухаммада, интерпретировавшего виденное в духе более поздних представлений его самого и его слушателей, передававших потом эти рассказы.

В Коране первое видение описывается следующим образом: «... вот он воздвигся и был на самом краю неба, потом приблизился и спустился, и был он на расстоянии двух луков или ближе...» (Коран, LIII)³.

Насколько можно реконструировать ход событий по воспоминаниям близких к Мухаммаду людей, все началось с того, что, бродя в раздумье в окрестностях города, он слышал, как его окликают: «Эй, Мухаммад!» Оглянувшись и никого не увидев, он испугался и побежал домой. Даже современному человеку бывает в таких случаях неприятно, а арабы того времени твердо знали, что окликает человека в пустынных местах шайтан, и неизвестно, какая беда может приключиться после этого. В другой раз, может быть после видения, он, дрожа от ужаса, просил закутать его в покрывало, чтобы укрыться, избавиться от кошмара.

Впрочем, даже сподвижники Мухаммада не ругались за то, что ему были явлены видения, свидетельствующие о пророческой миссии. Известный знаток хадисов ал-Хасан ал-Басри (642–728) спросил как-то одного из сподвижников Мухаммада: «Было ли дано посланнику Аллаха, да благословит его Аллах и да приветствует, узреть видение пророчества?» Тот ответил: «Аллах лучше знает, но какой-то свет он видел».

Словом, первые симптомы будущего пророчества были не столь очевидны и ярки, как представила их позже мусульманская традиция, – какие-то голоса, неопределенные зрительные видения, какой-то свет, который потом стал интерпретироваться как фигура ангела или архангела, а то и самого Аллаха. Если бы Мухаммад действительно воспринял внутренним слухом слова: «Ты – пророк», то вряд ли испытывал бы какие-то сомнения. Убеждение, что

³ Ссылка в форме (Коран, пер.) относится к переводу Корана И. Ю. Крачковским (Коран. Перевод и комментарии И. Ю. Крачковского, изд. I, М., 1963, изд. 2, М., 1986). Ссылка в форме (Коран...) относится к собственным переводам автора этих строк или уточненным им переводам И. Ю. Крачковского.

необычные явления, происходящие с ним, суть знаки пророческой миссии, пришло к Мухаммаду не сразу, и, вероятно, немалую роль сыграло мнение Вараки, к которому Хадиджа обращалась за советом по поводу происходившего с ее мужем.

Скорее всего, после этого в голове Мухаммада стали складываться первые торжественные рифмованные фразы. Появление, словно из ниоткуда, организованной ритмической или рифмованной речи всем народам древности казалось чудом, результатом воздействия могущественной силы, завладевшей человеком и внушающей ему эту небывалую, недоступную другим речь. В Аравии, как мы знаем, посредником между миром людей и миром могущественных таинственных сил считался шайтан, а поэт – ша‘ир («ведун») – представлялся рупором этих сил, родным братом прорицателя-кахина.

Для Мухаммада, до того момента не обладавшего поэтическим даром, сложение первых необычных фраз, настойчиво звучавших в голове, само по себе было потрясением, свидетельством влияния сверхъестественных сил. По словам самого Мухаммада, первые фразы Корана явились ему во сне, когда некто (отождествленный потом с Джабраилом) со свитком в руках велел: «Читай!» Мухаммад трижды отказывался, но, принуждаемый силой, наконец, прочел написанное. «Когда я проснулся, то эти слова были словно записаны в моем сердце».

В этом эпизоде нет ничего сверхъестественного: хорошо известно, что у людей, мозг которых неотступно занят какой-то проблемой, решение иногда приходит во сне, а композиторы и наяву нередко слышат новую музыку (С. В. Рахманинов, например, слышал новую музыку так отчетливо, будто ее кто-то проигрывал на рояле, и ему только оставалось ее записать и оркестровать). Видимо, и у Мухаммада текст проповедей рождался в звуковой форме и воспринимался как диктуемый.

Мусульманские биографы Мухаммада и историки Корана расходились в том, какие разделы его самые ранние. Общепринято считать ими начало 96-й суры: «⁽¹⁾Читай! Во имя господ твоего, который сотворил, ⁽²⁾сотворил человека из сгустка. ⁽³⁾Читай! Ведь господь твой щедрейший, ⁽⁴⁾который научил каламу ⁽⁵⁾научил человека тому, чего он не знал. ⁽⁶⁾Но нет! Человек восстает, ⁽⁷⁾оттого что видит себя разбогатевшим». Европейские исследователи, следуя за традицией, обычно также называют эту суру первой, хотя и оговаривают существование других мнений.

Если принять на веру рассказ о начале Корана, прочитанном во сне, то нельзя не признать странным, что самые первые слова, сложившиеся ли в голове Мухаммада или, как считают верующие, данные в откровении, словно вырваны откуда-то: «Ведь господь твой щедрейший, который научил каламом...» Гораздо естественнее как начальные звучат слова 74-й суры: «⁽¹⁾О закутанный [в плащ]! ⁽²⁾Встань и увещевай! ⁽³⁾И господ твоего возвеличай! ⁽⁴⁾И одежды свои очисти! ⁽⁵⁾И скверны беги! ⁽⁶⁾И не оказывай благодеяния ради многократного [воздаяния]! ⁽⁷⁾И ради господ твоего терпи!» (Коран, пер., LXXIV).

Независимо от того, какой из двух текстов старше, оба следует признать неподходящими для публичной проповеди. В Коране не сохранились те фразы, с которыми Мухаммад впервые обратился к своим последователям. Первыми его последователями были члены семьи и ближайшие друзья. Все, что сохранялось и передавалось потомству, относится к более позднему этапу. Постепенно число последователей росло и моления уже не вменялись в маленький дом Мухаммада. Когда число их перевалило за 30, проповеди и моления переместились в дом Аркама ибн Абу Аркама. К этому времени проповеди приобрели более систематизированный и обработанный вид. Менялось и восприятие самим Мухаммедом своих первых экстатических видений.

Во многих сурах этого периода звучат призывы к благотворительности, поношение жадных богачей, которые надеются, что богатство спасет их от наказания: «⁽¹⁾Горе всякому хулителю, поносителю, ⁽²⁾который собрал богатство и сосчитал его! ⁽³⁾Полагает он,

что богатство сделает его вечным. (4)Так нет же! Будет ввергнут он в сокрушилище. (5)Как постичь тебе, что такое сокрушилище? (6)Это – огонь Аллаха пламенеющий, (7)который вздымается над сердцами. (8)Он над ними сомкнут (9)на колоннах вытянутых» (Коран, пер., CIV). Спаситься от адского пламени могут только люди, уверовавшие в Аллаха и следующие за его посланником, – мусульмане (муслим – «отдавший себя»). Им обеспечено вечное блаженство. В этой проповеди несомненно влияние христианских идей о воздаянии за грехи и вознаграждении за благочестие. Возможно, что и на форму самих проповедей повлияли христианские образцы.

Характерно, что Мухаммад еще не говорит о единственности своего бога и не выступает против многобожия и идолопоклонства. Видимо, поклонение этому «господу» еще не выделилось в его сознании из общего круга религиозных представлений курайшитов. Его бог был могущественным владыкой Ка'бы, известным всем и без того, и не требовалось никаких особых разъяснений.

Коранические тексты этого периода не содержат никаких предписаний относительно обряда молитвы, числа молитв и т. д. Предписания такого рода исходили от самого Мухаммада. Не отказываясь от традиционной формы поклонения Ка'бе, Мухаммад ввел новую, незнакомую для арабов форму изъяснения покорности Господу: цикл последовательных поз благоговения с произнесением соответствующих сакральных выражений («Хвала Аллаху», «Аллах велик» и т. д.), набор которых для того времени неизвестен, так как важнейшая часть установившейся позже молитвы – чтение «Открывающей» суры (Фатихи) – тогда отсутствовала. Цикл молитвенных поз, завершавшийся простиранием в земном поклоне, назывался раку'ат. Эта невиданная поза унижения возмущала мекканцев. Именно об этом поклоне, который не желают совершать гордецы, не покоряющиеся Аллаху, говорится в конце 77-й суры. Утренняя и вечерняя молитвы состояли каждая из двух раку'атов.

Это событие стало определенной вехой в истории распространения ислама. Арабские источники разделяют по нему лиц, которые приняли ислам, на тех, кто сделал это «до прихода Мухаммада в дом ал-Аркама», «в доме ал-Аркама» и «после дома ал-Аркама», что позволяет нам представить состав группы первых последователей ислама. Длительное время они не привлекали к себе внимания – во всяком случае, мекканская верхушка смотрела на них как на чудаков.

Традиционно днем получения первого откровения считается 17 рамадана на сороковом году жизни Мухаммада, то есть 610 г. Датой перехода проповеди в дом ал-Аркама считается 614 г.

За несколько лет проповедей в доме ал-Аркама число последователей увеличилось не более чем на полтора десятка мужчин и несколько женщин. Но среди них оказались очень заметные люди: Хамза ибн Абдалмутталиб, защищавший племянника от обидчиков, и Умар ибн ал-Хаттаб, занимавший в Мекке высокий общественный пост посла курайшитов, человек с большим авторитетом, несмотря на свои тридцать лет, с решительным характером и мощным телосложением. До него приняли ислам его старший брат Зайд и сестра с мужем. Умар оказался сороковым (или сорок пятым) мусульманином и последним, принявшим ислам в доме ал-Аркама.

После этого Мухаммад решил начать открытую, публичную проповедь. Он созвал курайшитов и объявил им со склона ас-Сафа, что является посланником Аллаха и призывает всех поклоняться единому богу. Проповедь не имела успеха. Родной дядя, свекор двух дочерей Мухаммеда, Абдал'узза, выслушав его речь, сказал: «Только ради этого ты нас созвал?» – и ушел вместе с остальными.

Отсутствие хотя бы приблизительной датировки мекканских сур Корана и составляющих их фрагментов, относящихся к разному времени и обстоятельствам, не позволяет сказать, с каким объемом выработанных представлений о новой вере Мухаммад начал

открытую проповедь. Ясно лишь, что к этому времени безликое рабб – «Господь», которое встречается в первых по времени произнесения тридцати сурах, дополняется или заменяется эпитетом ар-Рахман – «Всемилоостивый» (или, как принято переводить, «милостивый»), который встречается в надписях из Южной Аравии и Пальмиры как обозначение верховного божества. Затем ар-Рахман превращается в эпитет единого бога, Аллаха. Мухаммаду даже пришлось специально разъяснять: «Скажи: "Призывайте Аллаха или призывайте ар-Рахмана, как бы вы ни звали, у него самые прекрасные имена"» (Коран, пер., XVII, ПО).

Значительную детализацию приобретает описание райских наслаждений, ожидающих праведников: в тенистых садах прекрасные юноши будут разносить им вино, от которого нет похмелья, их будут развлекать полногрудые, большеглазые красавицы. Описание рая как вечного свадебного пира, возмещающего аскетам-праведникам все, от чего они воздерживались в дольней жизни, явно восходит к христианской монашеской литературе.

Новым элементом по сравнению с первыми проповедями является апелляция к библейским сюжетам, которая прослеживается в словах Мухаммада еще в доме ал-Аркама, но особенно широко истории о непризнанных своими народами пророках разрабатываются с началом открытой проповеди, встретившей безразличное, а затем и враждебное отношение. Устрашение Судным днем и воскресением из мертвых вызывало насмешки мекканцев, практический ум которых не допускал возможности оживания истлевших тел. Скептически настроенные слушатели ехидно предлагали Мухаммаду оживить предков для доказательства связи со всемогущим богом. Ответы на эти насмешки составляют значительную часть Корана. На требования соплеменников совершить чудо в доказательство своей особой миссии Мухаммад отвечал, что он такой же человек, как и они, только ему ниспослано откровение от Бога (илах – именно так, а не Аллах), а они, если хотят встречи с Богом, пусть откажутся от многобожия (Коран, XVIII, ПО).

Возражая скептикам, Мухаммад ссылался на печальный пример древних народов, бесследно исчезнувших с лица земли за грехи: Аллах их предупреждал, но они, как и курайшиты, не верили пророкам, насмехались над ними, и Аллах их уничтожил. Он перечисляет длинный ряд пророков: Нух (Ной), Ибрахим (Авраам), Муса (Моисей), Илйас (Илия), Лут (Лот), Йунус (Иона), Аййуб (Иов). К ним присоединяются персонажи арабских легенд: Худ, посланный к племени гигантов-адитов, Салих, посланный к племени самуд, Шу'айб, увещавший народ Мадйана. Их пример совершенно очевиден – их разрушенные жилища стоят в Вади-л-Кура и других местах Аравии. Наконец, разрушение плотины в Саба (Мариб) и запустение некогда цветущих садов – разве не очевидный пример наказания грешников.

Мухаммад выказывает при этом знание многих библейских сюжетов, хотя и в очень своеобразном переложении, что заставляло некоторых исследователей считать, что они не заимствованы из Библии, а являются достоянием общесемитского мифологического фонда. Во всяком случае, источники знакомства Мухаммада с этими сюжетами остаются не ясными.

Параллельно с уточнением места нового откровения, Корана, в ряду других Мухаммад осмысливает и свою миссию: каждому народу посылалось Писание на его родном языке. Коран – Писание, посланное специально арабам, последнее, наиболее совершенное откровение, а Мухаммад – последний пророк; наказание Аллаха будет последним, страшным судом. На вопросы, когда же он наступит, Мухаммад отвечал: «Я не несу иного, чем другие посланники, и не знаю я, что будет сделано со мной и вами, я лишь следую за тем, что мне внушено, я только ясный увещатель» (Коран, пер., XLVI, 8). Главной фигурой среди пророков в этот период оказывается Муса, который впервые до Мухаммада получил Писание, скрижали завета. Рассказы о нем многократно повторяются с разной степенью подробности.

Проповеди Мухаммада долгое время не слишком затрагивали самолюбие мекканской верхушки. Взрыв произошел, когда Мухаммад, обличая почтенных сограждан, стал утверждать, что их отцы и предки горят в адском пламени за свое неверие. Это вызвало откровен-

ную враждебность и преследование мусульман. Все же, видимо, открытые моления у Ка'бы пришлось прекратить и молиться небольшими группами в окрестных ущельях, но и здесь на мусульман иногда нападали, и происходили драки. В пылу борьбы пострадали и дочери Мухаммада, Рукайя и Умм Кулсум – дядя пророка Абдал'узза заставил своих сыновей развестись с ними, и они вернулись в отцовский дом.

Как утверждают биографы Мухаммада, он предложил своим последователям спастись от преследований выездом в христианскую Эфиопию. Сначала туда выехала небольшая группа во главе с Усманом ибн Аффаном. Но немного времени спустя Мухаммад решил пойти на компромисс с мекканцами и в одной из проповедей (сура LIII) объявил ал-Лат, ал-Уззу и Манат благородными предстательницами перед Аллахом. Это примирило с ним мекканцев, и они будто бы даже стали молиться вместе с Мухаммадом. Услышав об этом, эмигранты вернулись из Эфиопии. Затем Мухаммад раскаялся в своем компромиссе и объявил эту фразу наущением шайтана. Враждебность мекканцев еще более обострилась, и теперь уже около сотни мусульман, порвав с семьями, переехали в Эфиопию. Затем, вероятно в конце 616 г., в Эфиопию уехала вторая группа мусульман. Среди уехавших оказались такие близкие Мухаммаду люди, как Джа'фар ибн Абу Талиб и Усман ибн Аффан, который к этому времени женился на дочери Мухаммада, Рукайе. В Мекке около гонимого пророка осталась небольшая группа наиболее преданных его последователей, которые закалились в гонениях и впоследствии составили надежное ядро общины.

События следующих двух – двух с половиной лет, никак не расчлениаются. Рассказы о преследованиях горстки мусульман, о невольных отступничествах под давлением родни никак не датируются. Выносить преследования Мухаммаду помогала поддержка главы рода, Абу Талиба, который хотя и не разделял убеждений племянника и сына, но и не считал возможным оставить их без покровительства. Наконец отцы города решились на крайнюю и небывалую меру: объявили бойкот хашимитам и подписали договор, по которому обязывались не иметь с ними дела (не вступать с ними в браки, ничего им не продавать и ничего у них не покупать). Грамота была помещена для сохранения в Ка'бу.

Судьбу хашимитов разделили и некоторые представители других родов. Изгнанники переселились на юго-восточную окраину города около дома Абу Талиба. Никаких подробностей о жизни хашимитов в блокаде не сообщается. Видимо, им не препятствовали производить закупки и торговать на стороне, но доставка продуктов была сильно затруднена, так как сообщается о случае, когда племянник Хадиджи ночью тайно провез выюк зерна. Несмотря на трудности, никто не покинул Мухаммада. В конце концов, родственники изгнанников стали протестовать против бойкота. Наконец, несколько влиятельных лиц из разных родов взяли на себя гарантию неприкосновенности и покровительства (дживар) изгнанникам и положили конец их изоляции.

Поиски выхода

Благополучное окончание конфликта не облегчало положение Мухаммада, оно лишь возвращало все на исходные позиции: нужно было начинать снова проповедь, успех которой стал еще более сомнительным после того, как оказалось, что Аллах, могуществом которого он грозил противникам, не смог ничем помочь своему посланнику, когда тот оказался в тяжелом положении.

Неизвестно, как повел бы себя Мухаммад дальше, если бы вскоре после прекращения бойкота, 10 рамадана/2 мая 619 г. не скончалась Хадиджа, а в середине шавваля (5–7 июня) – его восьмидесятилетний покровитель Абу Талиб. Мухаммад разом оказался без опоры у себя дома и во внешнем мире. Удрученный, сидел он дома, редко выходя на улицу, где его ждали оскорбления. В эти дни к нему пришел Абдал'узза, ставший главой рода после смерти Абу Талиба, и сказал, что Мухаммад может положиться на него и быть уверен в его защите и покровительстве. Несколько дней все было спокойно, но затем враги Мухаммада подбили Абдал'уззу спросить, какова, по его мнению, судьба Абдалмутталиба, и Мухаммад ответил: «Он – в огне». Разгневанный Абдал'узза лишил его своего покровительства. В ответ Мухаммад предрек ему, что он будет гореть в огне, а его жена с веревкой на шее, как у рабыни, будет подносить дрова (Коран, CXI). С этого момента Абдал'узза получил у мусульман прозвище Абу Лахаб, то есть «горящий в огне». Лишившись поддержки рода, Мухаммад оказался как бы вне закона, и дальнейшее его пребывание в Мекке грозило смертельной опасностью.

Мухаммад обратил свой взор к Таифу, городку у востоку от Мекки, с которым курайшиты имели самые тесные торговые связи, и отправился туда в поисках новых последователей. Но таифцы, выслушав его, посмеялись над ним, а городская чернь забросала его камнями. Вернуться в Мекку без покровителя он не решился. Оказать ему покровительство согласился Мут'им ибн Ади, сыгравший немалую роль в отмене бойкота. Он подъехал к Ка'бе в сопровождении вооруженных родственников и объявил, что будет покровителем Мухаммада. Мухаммад совершил обряд поклонения Ка'бе и спокойно вернулся в свой дом 23 зу-л-ка'да десятого года пророчества. Исходя из того, что хадж в это время совершался в пору зимнего солнцеворота, возвращение в Мекку можно датировать ноябрем 619 г.

В следующем месяце во время паломничества Мухаммад стал вербовать последователей среди паломников, но не нашел отклика. В конце концов, в том же году или во время следующего сезона его проповедь произвела впечатление на группу арабов из Йасриба, которые принесли весть о новом вероучителе своим соплеменникам. Это маловажное на первый взгляд событие сыграло решающую роль в судьбе Мухаммада и в истории ислама.

Положение в Йасрибе

Йасриб – большой земледельческий оазис в 500 км от Мекки по дороге в Сирию был хорошо известен мекканцам (рис. 3). Население его было неоднородным. Сначала (с какого времени – неизвестно) его заселяли три иудейских или иудаизированных арабских племен: бану кайнука, бану курайз и надир, занимавшие южную, лучше всего орошаемую часть оазиса. Сюда переселились два южноарабских племен, аус и хазрадж, считавшие себя родственниками Гассанитов. Первое время они были союзниками иудеев, занимавших господствующее положение в оазисе. К середине VI в. они приобрели независимость. Борьба за лучшие земли и воду порождала многочисленные конфликты. Они происходили не только между арабами и иудеями, но и внутри арабских племен. При этом возникали различные союзы.

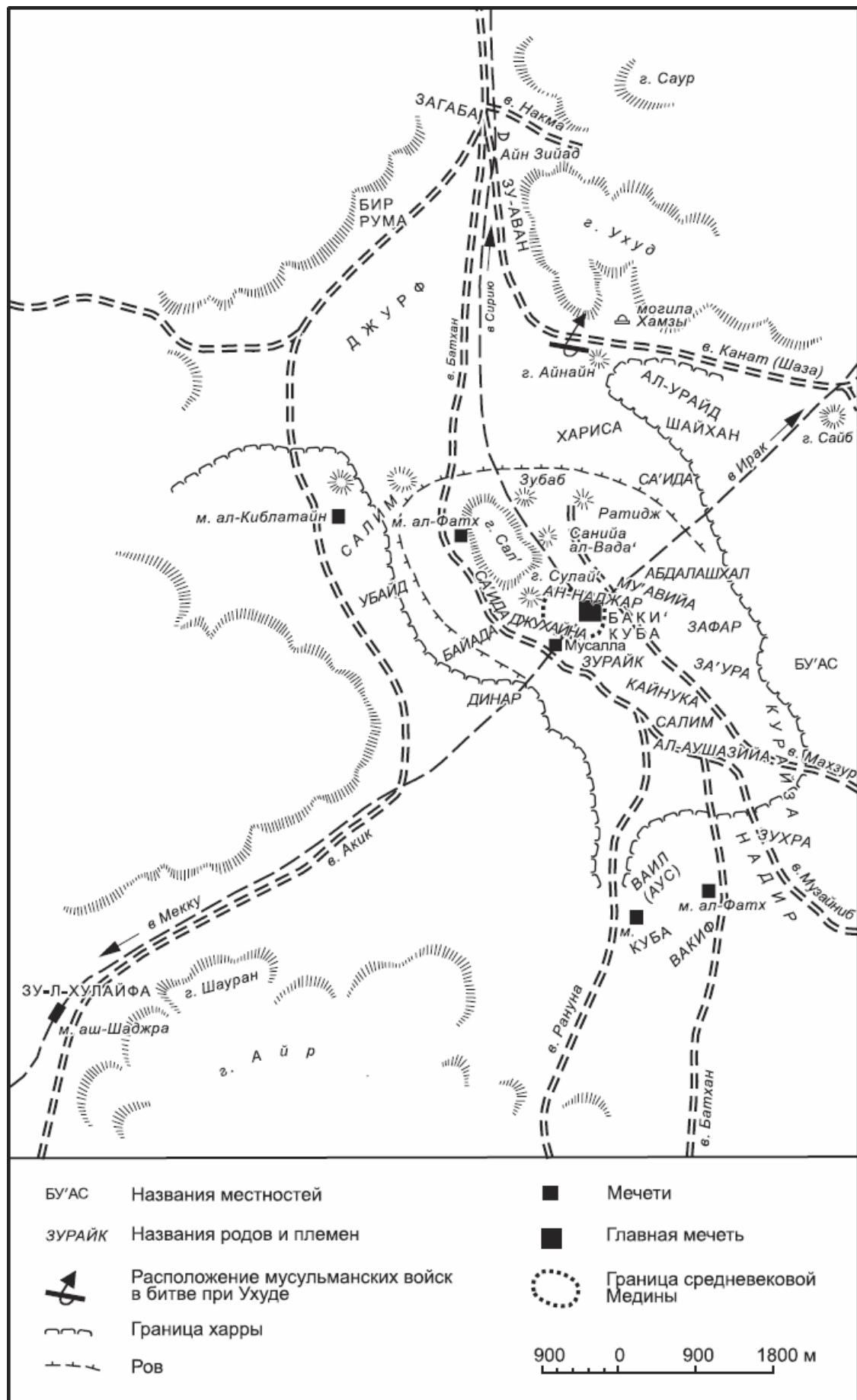

Рис. 3. Район Медины в начале VII в.

Во втором десятилетии VII в. один из многолетних конфликтов завершился поражением ауситов: два крупных подразделения, аус манат и амр ибн ауф, заключили мир с победителями, признав их главенство, а вожди абдалашхал стали искать союзников за пределами оазиса. Обращались они, в частности, и к курайшитам, но получили отказ. Произошло это, насколько можно судить по недатированным сообщениям источников, именно в то время, когда Мухаммад начал искать союзников за пределами Мекки. Мухаммад обратился с проповедью к Анасу ибн Рафи, приехавшему искать союза с мекканцами, но не встретил понимания, как и у паломников других племен. Действительно, изгнанный своим племенем, живший под чужим покровительством, не прославленный воинскими подвигами, он должен был выглядеть смешным в глазах людей, привыкших уважать физическую силу человека и могущество племени, стоявшего за ним.

Вскоре после этой встречи в Йасрибе произошло новое кровавое столкновение. На этот раз на стороне ауситов были курайза и надир, у которых получили приют изгнанники рода абдалашхал. На позицию иудейских племен повлияло беспричинное уничтожение мальчиков-заложников вождем рода байада (хазрадж). Этот поступок осудили даже его соплеменники, например Абдаллах ибн Убайй, вождь подразделения ал-харис, который отказался участвовать в войне на стороне хазраджитов. Около полутора месяцев обе стороны готовились к сражению, и те и другие обратились за помощью к соседним бедуинским племенам и получили некоторое количество дополнительных воинов. Произошедшее затем столкновение закончилось поражением и бегством хазраджитов. Предводитель ауситов недолго радовался победе: через несколько дней он умер от ран, полученных в сражении. В сложившейся обстановке, как и во всяком затянувшемся конфликте, самым трудным было добровольно подчиниться сопернику, в таком случае всегда легче принять человека со стороны, чем искать компромисса.

Соглашение в Акабе и переселение Мухаммада

Точная дата упомянутого сражения нам неизвестна, скорее всего, ее можно искать в промежутке между сезонами паломничества в 619–620 гг. Именно после нее йасрибские паломники могли более внимательно отнестись к проповеди Мухаммеда, предлагавшего принятием новой веры решить все конфликты.

Первые обращенные, как и следовало ожидать, принадлежали к племени хазрадж, которое больше было заинтересовано в упрочении своего положения. Успеху Мухаммада на этот раз способствовало знакомство арабов Йасриба с мессианскими идеями иудаизма. Сообщается, что когда Мухаммад обратился к группе хазраджитов-паломников с проповедью как пророк, то они вспомнили, что иудеи предсказывали скорое появление пророка, который поможет им расправиться с врагами, и решили опередить своих противников и привлечь пророка на свою сторону. Если даже это сообщение не вполне достоверно в каких-то деталях, то, во всяком случае, достаточно точно передает существенные черты обстановки, способствовавшей, наконец, успеху Мухаммада.

На следующий год во время паломничества к Мухаммаду прибыло 12 последователей (10 хазраджитов и 2 аусита), с которыми он встретился в Акабе в окрестностях Мекки. Они якобы присягнули ему на условиях, упоминаемых в суре LX, 12: не веровать ни в кого, кроме Аллаха, не воровать, не прелюбодействовать, не убивать младенцев, не измышлять лжи и не ослушиваться предписаний пророка – и попросили направить к ним в Йасриб наставника в религии и руководителя в молитве. Мухаммад послал наставником Мус‘аба ибн Умайра. Эта встреча называется у мусульманских авторов «первой Акабой». Наконец, еще через год в последние дни зу-л-хиджжа 621 г. Мухаммад встретился там же с группой из 70 с лишним йасрибцев, с которыми договорился о переезде в Йасриб, и назначил 12 своих представителей (накибов) из числа участников встречи, которая в источниках носит название «второй Акабы».

Мусульманские историки IX–X вв. интерпретируют эту встречу как односторонний акт признания особой миссии Мухаммада и его главенства. Однако, как явствует из их же сведений, акабский договор был двусторонним актом. Аус и хазрадж принимали Мухаммада как вероучителя и главу общины, а он должен был дать обязательство воспринимать интересы этих племен как собственные. Один из йасрибцев во время переговоров сказал: «О посланник Аллаха! Между нами и этими людьми (т. е. иудеями. – О. Б.) есть узы, которые мы разрываем, а вдруг – мы сделаем это, а тебе Аллах даст откровение вернуться к своему племени и ты оставишь нас на произвол судьбы?» Мухаммад усмехнулся, а потом сказал: «Окончательный разрыв и окончательное разделение: вы – мои и я – ваш, я буду воевать с теми, с кем воюете вы, и мириться с теми, с кем миритесь вы».

После заключения соглашения Мухаммад назначил из числа йасрибцев 12 уполномоченных (накибов), которые должны были представлять его в каждом из племен. Число это явно имеет какую-то связь с числом апостолов Христа, но трудно сказать, действительно ли (как об этом говорится в средневековых источниках) Мухаммад сделал это в подражание Христу, чтобы подтвердить свой пророческий авторитет. В то же время был послан человек для подготовки новой общины к проведению молитвы.

После отъезда делегации Мухаммад оставался в Мекке еще три месяца, постепенно отправляя своих последователей в Йасриб. Ясно, что это очень скоро было замечено соплеменниками, и они начали следить за ним. Мухаммад отправился в Йасриб не из своего дома, он ушел сначала к Абу Бакру, у которого бывал ежедневно. Абу Бакр давно уже держал наготове верблюдов на каком-то дальнем пастбище. Ночью они вдвоем вышли из шалаша на задах дома Абу Бакра и укрылись в пещере на горе Саур на южной окраине Мекки. Здесь

они скрывались трое суток. Дочь Абу Бакра, Асма, носила им еду а сын, Абдаллах, извещал о том, что делается в городе.

Враги Мухаммада всполошились, Абу Джахл с группой знатных мекканцев пришел в дом Абу Бакра и требовал от Асмы сказать, где скрывается отец. Ничего не узнав, он разозлился, дал ей пощечину и ушел. Мекканцы стали обыскивать места, где могли укрыться беглецы, и даже добрались до пещеры, где они находились, но, как повествует благочестивая легенда, паук заткал паутиной вход в нее, и преследователи решили, что там никого не может быть.

На третью ночь, когда поиски прекратились, мавла Абу Бакра привел проводника-бедуина с верблюдами, и они вчетвером отправились сначала на юг по йеменской дороге, затем свернули к морю и оттуда выехали на главную мединскую дорогу около ал-Усфана. Из перечня остановок, которые они делали на этом пути, следует, что путники избегали отдыхать на обычных стоянках. 12 раби I они прибыли в Куба, селение в южной части оазиса Йасриб.

День прибытия Мухаммада в Йасриб 12 раби I, ставший позднее исходной точкой нового мусульманского лунного календаря, относят к 24 сентября 622 г. Однако, учитывая выше сказанное о том, что хадж приходился на время зимнего солнцеворота, это прибытие в Йасриб приходится отнести к марту 622 г. н. э.

Глава 3. Переселение в Йасриб и формирование религиозной общины

Хиджра и ее значение

Переселение Мухаммада и его последователей в Йасриб, называемое обычно арабским термином хиджра, не было простой перемены места обитания (а тем более не было «бегством», как иногда переводят этот термин). Для современников этого события хиджра означала разрыв с прежними родственными отношениями и переход под защиту новой системы взаимоотношений или укрытие в заповедной (обычно храмовой) территории. Таким актом была хиджра в Эфиопию (переход под покровительство негуса), о которой шла речь в предыдущей главе. Отличие хиджры в Йасриб заключалось в том, что Мухаммада принимали здесь не как покровительствуемого, а как духовного главу новой общины, к которой принадлежали и принимавшие его племена. Йасрибские мусульмане поэтому и стали называться не «покровителями», а «помощниками» – ансар, хотя мы и не можем сказать, когда именно появился этот термин. Во всяком случае, уже с первых дней система взаимоотношений с йасрибцами была именно такой, как ее выражал этот новый термин. Вместе с тем на первых порах Мухаммад был не главой или правителем оазиса, а лишь верховным арбитром, авторитет которого определялся его пророческим достоинством.

Пребывание Мухаммада в Куба было непродолжительным, хотя сообщается об основании там мечети. Положение Мухаммада было сложным: часть йасрибцев признавала его своим вероучителем, остальные соглашались принять его как высшего арбитра, но реальная власть принадлежала главам местных племен, арабских и иудейских. 70–100 мекканцев, прибывших с ним (мухаджиров) не могли противостоять нескольким тысячам йасрибцев. Мухаммаду приходилось быть очень осторожным в словах и поступках. Ни о каких проповедях в первые дни не сообщается.

Несколько освоившись, Мухаммад отправился на своей верблюдице в центр оазиса. Он будто бы отпустил поводья и предоставил ей выбрать путь и остановиться. Она остановилась в квартале бану ан-наджджар, родственников хашимитов по бракам. Никто не мог обвинить Мухаммада, что честь принять у себя Пророка он отдал своякам – все вроде произошло помимо его воли.

По дороге в квартале бану салим Мухаммад и его спутники совершили первое пятничное моление в Йасрибе, которое многие мусульманские авторитеты считают вообще первым пятничным молением, и произнес первую публичную проповедь, обращенную к мусульманам (хутба), которую также считают первой хутбой в исламе. Текст этой проповеди передается в источниках настолько различно, что возникает сомнение, сохранилось ли вообще у современников воспоминание о ее содержании.

Одним из первых важных актов в создании новой общности верующих было массовое братание мухаджиров и ансаров. Обычай братания, скреплявшегося смешением в той или иной форме крови побратимов, был широко распространен в Аравии, и, в отличие от союзов покровительства, братание делало людей такими же близкими, как кровные братья. Каким образом оформлялось это братание, мы не знаем, но побратимы из Мекки и Йасриба также превращались в кровных родственников, на которых распространялось и право наследования друг другу. Ранние источники не датируют братание, более поздние относят его ко времени после постройки мечети у бану ан-наджджар. Неясно и число побратавшихся, наиболее реальным представляется число от 45 до 50 пар.

Отношение к Мухаммеду и его проповеди среди йасрибцев было неоднозначным. С одной стороны, все арабские племена Йасриба хотя бы формально приняли ислам (во всяком случае, не сохранилось воспоминаний о принятии кем-либо из них ислама после хиджры), с другой стороны, оставалось немало людей, которые, признавая его как верховного арбитра, позволяли себе критически относиться к некоторым его словам и делам. Они были заклеены в Коране как «лицемеры» (мунафикун), но даже враждебная к ним мусульманская историография не смогла приписать им никаких враждебных поступков, кроме отсутствия слепой веры. Гораздо серьезнее была оппозиция со стороны иудеев, которые прекрасно понимали, что появление Мухаммада и прекращение распрей усиливают арабскую сторону. Они, естественно, не признавали божественность его миссии и, как начитанные в Писании люди, охотно ловили Мухаммада на неверном понимании его и откровенно насмехались.

Скоро к этому прибавились и экономические причины враждебности. Главным торговым центром Йасриба был базар во владениях кайнука, за право торговли на котором приходилось платить какую-то пошлину. Мухаммад, считая ее незаконной наживой, решил противопоставить этому базару свой беспошлинный рынок. Сначала он установил на базаре кайнука шатер, объявив его рынком мусульман, но когда Ка'бб ал-Ашраф, халиф бану надир, повалил его, подрезав веревки, то Мухаммад выбрал другое место в пределах владений бану са'ида, на котором постепенно сложился центральный рынок Йасриба. Появление нового торгового центра вряд ли было встречено бану кайнука одобрительно.

Мирное сосуществование четырех элементов: мухаджиров, ауситов, хазраджитов и иудеев – было невозможно без четырехстороннего соглашения, которое, однако, появилось не сразу и, видимо, несколько раз дополнялось. Его текст, дошедший до нас по двум линиям информации, несомненно, восходит к одному источнику, скорее всего к хорошей копии с подлинника.

Несколько позже, но, во всяком случае, до конца первого года пребывания в Йасрибе, был заключен договор, регулировавший отношения мусульманской общины с иудеями, входившими в состав многих арабских родов или связанными с ними узами союзничества. Текст соглашения был, видимо, приписан к предыдущему.

Эти договоры – хорошо продуманные документы, составленные практически мыслящим политическим деятелем. Возможно, что в них отразились также мнения и формулировки противоположной стороны, но общий характер, несомненно, зависел в первую очередь от Мухаммада. Он подошел к организации новой общины очень осторожно: все прежние связи и обязательства отдельных родов были сохранены, авторитет местных вождей не ущемлялся, за собой Мухаммад закрепил лишь решение спорных вопросов. Вместе с тем утверждались принципиально новые основы политической организации: солидарное выступление против внешних врагов и защита всех членов общины; индивидуализация ответственности преступника, лишавшая его защиты рода, ставила преграду межродовой борьбе, долго терзавшей оазис.

Эти соглашения свидетельствуют о политическом и дипломатическом таланте Мухаммада. Примечательно, что во втором, более позднем, договоре Мухаммад считает мусульман и иудеев одной религиозной общиной (умма) верующих (муминуна), хотя и исповедующих разные религии. Это доказывает подлинность текста договоров, так как позднее это утверждение было бы невозможным.

В течение примерно полугода после прибытия в Йасриб Мухаммад был занят строительством мечети в квартале бану ан-наджжар и своего дома рядом с ней, вживаясь в новую ситуацию, а из Мекки небольшими группами и поодиночке перебирались мусульмане, которые не могли уехать раньше. Наконец, он послал Зайда ибн ал-Харису в Мекку за своей семьей, вместе с ним за семьей Абу Бакра поехал Абдаллах, сын Абу Бакра. Обе семьи бес-

препятственно выехали из Мекки, из чего следует, что мекканцы не были настроены слишком враждебно против беглецов.

Когда позиции Мухаммада в Йасрибе укрепились и в Мекке не осталось людей, которые могли бы стать объектом мести, он перешел к открытой борьбе против своих заклятых врагов. Положение Йасриба вблизи от важнейшего для мекканцев торгового пути позволяло наносить им болезненные удары, нападая на караваны.

Первые две попытки нападения оказались безуспешными из-за численного превосходства мекканцев. Третий набег, возглавленный самим Мухаммадом, также оказался неудачным из-за вмешательства вождя племени, через землю которого совершался набег.

Эти неудачи в сочетании с религиозной оппозицией, которую оказывали иудеи Мухаммаду как толкователю священного писания и пророку, ставили под угрозу весь его авторитет. Первое удачное нападение относится к началу 624 г., когда небольшая группа мусульман (от 7 до 12 человек) с большими предосторожностями сумела добраться до Нахлы на дороге между Меккой и Таифом и напасть на караван, везший изюм и другие товары из Таифа. Неожидаемое нападение увенчалось успехом: груз был захвачен, один мекканец, халиф Утбы ибн Раби'а, был убит, двое взяты в плен. Мухаммад будто бы так огорчился, что стычка, приведшая к убийству, произошла в священный месяц раджаб (когда войны считались запрещенными), что отказался взять причитающуюся ему часть добычи. Однако вскоре последовало откровение, пояснявшее, что война с врагами веры разрешена и в запретные месяцы:

«Они спрашивают тебя о запретном месяце, о сражении в нем. Скажи: "Сражение в нем – грех великий, а отказ от [сражения] на пути Аллаха, неверие в него и запретную мечеть и изгнание оттуда ее людей – еще тяжелее перед Аллахом". Ведь соблазн – более тяжкий грех, чем убийство» (Коран, пер., II, 217).

Мекканцам пришлось вступить в переговоры с Мухаммадом о выкупе пленных. Один из них был освобожден за 1400 дирхемов⁴, как только в Йасриб возвратились отставшие Са'д ибн Абу-л-Ваккас и Утба ибн Газван, о судьбе которых Мухаммад очень беспокоился, а второй предпочел принять ислам и остался в Йасрибе.

⁴ Дирхем – арабское название серебряной сасанидской монеты, драхмы, весом около 4 г. В это время динар равен 10–12 дирхемам.

Битва при Бадре

Этот первый успех поощрил Мухаммада на более серьезное военное предприятие – нападение на большой караван, возглавляемый Абу Суфйаном, который должен был в марте возвращаться из Газзы. Он состоял из 1000 верблюдов, везших товар на сумму 50 000 динаров⁵, в который вложили свои средства почти все мекканцы. Караван сопровождали 70 человек, чего было вполне достаточно для защиты от нападения. В безусловном подчинении у Мухаммада было примерно столько же мухаджиров. С трудом ему удалось уговорить принять участие в походе 230 ансаров, которые по договору не обязаны были участвовать в войне Мухаммада с мекканцами.

На сборы ушло довольно много времени, весть о готовящемся нападении дошла до Абу Суфйана, и он из Табука послал гонца в Мекку с просьбой о помощи. Весть о том, что средства, вложенные в караван, могут пропасть, всколыхнула весь город. Тем, кто не имел средств для снаряжения в поход, богачи жертвовали оружие и деньги на экипировку. Всего Абу Джахл, возглавивший мекканское ополчение, собрал около 1000 человек со 100 конями и 700 верблюдами. Эта сила явно предназначалась не для прикрытия каравана, а для нанесения Мухаммаду такого удара, который навсегда отбил бы у него охоту нападать на своих бывших соплеменников.

Мухаммад выступил из Йасриба в воскресенье 14 (12?) рамадана (10 марта 624 г.)⁶. Мекканцы в этот момент были примерно на том же расстоянии от Бадра, что и Мухаммад (рис. 4). Абу Суфьян узнал об этом от своих разведчиков, обошел Бадр с запада послал гонца навстречу мекканскому войску, чтобы предупредить, что миновал опасное место и помощь больше не нужна. Это известие, полученное, когда мекканское войско подходило к ал-Джухфе, примерно в 80 км от Бадра, вызвало раскол среди мекканцев: многие сочли, что после спасения каравана нет смысла продолжать поход и проливать кровь братьев. Той же ночью полторы сотни мекканцев покинули лагерь. Заколебался даже глава абдшамс Утба ибн Раби'а, на котором лежал долг мести за убитого. Он решил остаться только после того, когда его обвинили в трусости и нежелании сражаться с племянником (Мухаммадом) и сыном, принявшим ислам. Естественно, что все это не способствовало укреплению боевого духа мекканцев накануне сражения, где они могли скрестить оружие с самыми близкими родственниками ради мести за кровь одного из союзников рода абдшамс.

Мухаммад подошел к Бадру в четверг вечером 18 рамадана/14 марта и, конечно, к этому времени должен был знать, что караван уже ускользнул от него, хотя средневековые историки не говорят об этом.

Положение его было незавидным, он не мог вернуться в Йасриб с пустыми руками и подвергнуться заслуженным насмешкам, и потерять всякий авторитет.

Единственным выходом было сражение с мекканцами, хотя от пленного стало известно об их многочисленности.

Мухаммад первым подошел к месту будущего сражения и приготовился к нему: засыпал часть колодцев, чтобы оставить противника без воды, занял удобную позицию и вдохновил своих воинов обещанием помощи от Аллаха. Мекканцы, втайне надеявшиеся, что мусульмане, увидев их численный перевес, уйдут без боя, были неприятно поражены решимостью своего противника.

⁵ Динар – арабское название золотой византийской монеты, номисмы. Практически полновесный динар весил от 4,46 до 4,54 г.

⁶ Здесь и далее перевод дат по хиджре в годы н. э. производится в соответствии с синхронистическими таблицами без учета поправки на то, что зу-л-хиджжа – последний месяц солнечного года.

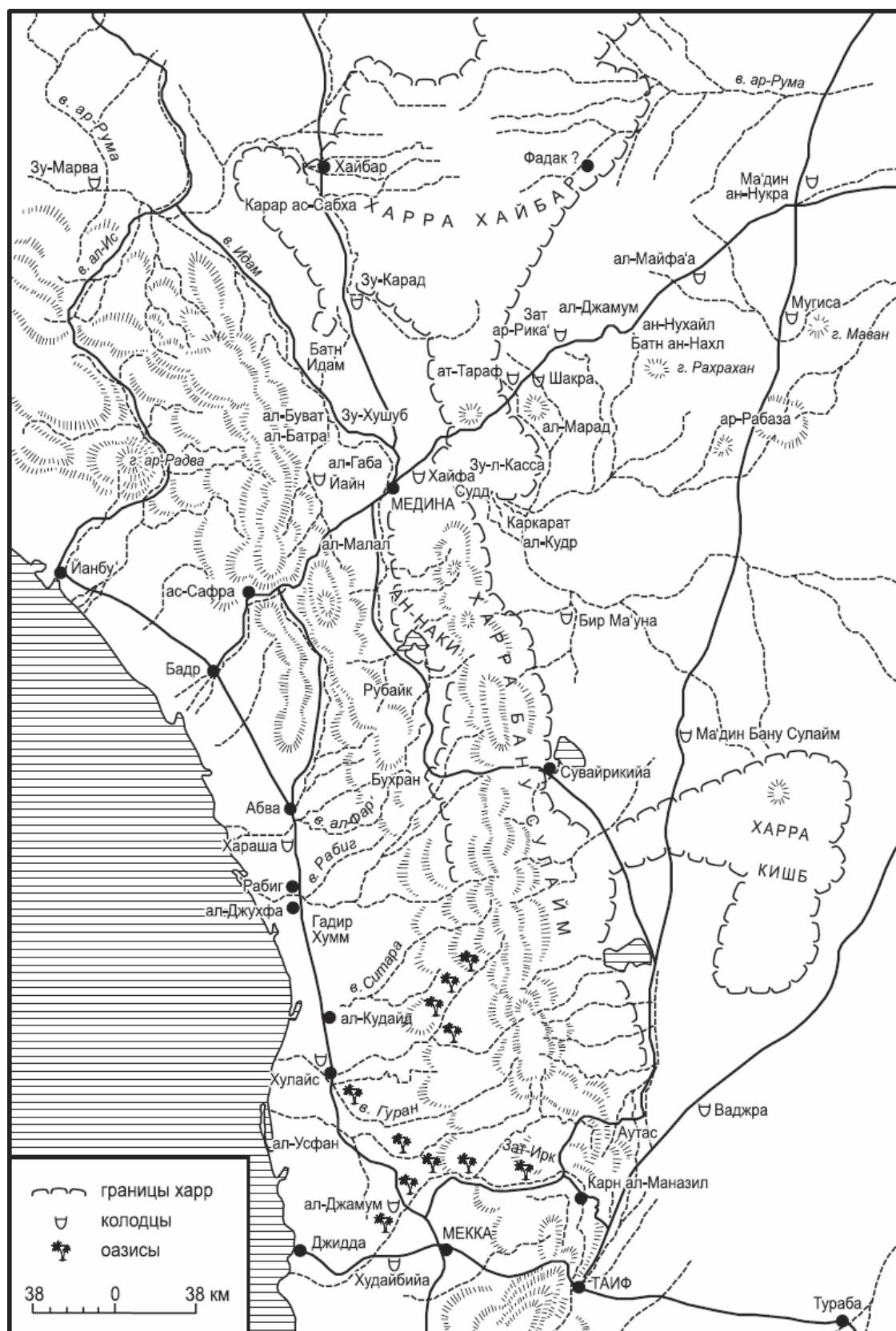

Рис. 4. Центральный Хиджаз в начале VII в.

В пятницу 19 рамадана (15 марта 624 г.) на рассвете Мухаммад выстроил свой отряд так, чтобы восходящее солнце слепило мекканцев. Стремительному натиску мекканской

конницы он противопоставил неподвижный строй пехоты с плотно сомкнутыми щитами. В отличие от вождей племен, которые сражались впереди своих воинов, Мухаммад остался с Абу Бакром позади в шалаше из пальмовых листьев. Знамена мекканцев держали по наследственной привилегии знаменосцы из рода абдаддар, знамя мухаджиров нес брат одного из знаменосцев мекканцев.

Бой, как обычно, начался поединками. Защитить свое доброе имя перед соплеменниками выехал Утба ибн Раби'а со своим старшим братом Шайбой и сыном ал-Валидом. Их вызов приняли Али, Хамза и Убайда ибн ал-Харис. Соперники разделились по возрасту: самый младший, Али, схватился с ал-Валидом, а самый старый, Убайда, с семидесятитрехлетним Шайбой. Али и Хамза быстро справились со своими соперниками, а Убайде его противник отрубил ногу в голени. Подоспевшие ему на помощь Али и Хамза зарубили Шайбу и унесли Убайду с поля боя.

Как протекало развернувшееся после этого сражение, сказать невозможно, так как память участников сохранила лишь эпизоды индивидуальных схваток, в которых отличились они сами или их родичи. Видимо, конная атака мекканцев не прорвала стойкий пеший строй мусульман, это обескуражило мекканцев, не слишком-то рвавшихся в бой, и когда наиболее рьяные бойцы из абдшамс и махзум во главе с Абу Джахлем были убиты, а знаменосцы взяты в плен, то остальные, несмотря на численный перевес, побежали от отчаянно сражавшихся мусульман. На поле боя осталось лежать более полусотни убитых мекканцев, не меньше этого попало в плен. Мусульманам досталась богатая добыча, масса оружия, кольчуг, 10 или 30 коней и 150 верблюдов. Потери мусульман на фоне одержанной победы были совершенно ничтожны: 6 мухаджиров и 8 ансаров. Наибольшие потери мекканцы понесли от мухаджиров, и, что примечательно, ни один мухаджир не пал от рук противника из своего рода – все искали встречи с чужими.

Такой разгром более сильного противника поразил обе стороны. Для его объяснения позже родилась легенда о тысяче ангелов, присланных на помощь мусульманам в ответ на молитву Мухаммеда. Это объяснение вполне устраивало и побежденных, для которых поражение переставало быть позорным: одно дело – быть взятым в плен слабосильным врагом, и совсем другое – ангелом, принявшим облик этого человека. Но этой легенде еще предстояло родиться и утвердиться в умах людей, а пока разгромленные мекканцы, наливаясь жаждой мести, бесславно возвращались домой навстречу воплям и проклятиям вдов. Абу Суфйан, оказавшийся теперь вождем курайшитов, поклялся отомстить за это поражение.

За несколько часов Мухаммад вырос в собственных глазах. Он и прежде искренне верил в свою миссию, но вся его убежденность смогла привлечь к нему несколько сотен верных последователей. Скептическое большинство требовало зримых доказательств истинности его миссии, требовало чуда. Напрасно уверял он их, что достаточно прежних знамений и чудес прежних пророков, чтобы поверить во всемогущество Аллаха, – ему не верили, и сам он в глубине души не мог не жаждать чуда. И вот оно совершилось! Втрое более многочисленный противник разгромлен, одни его злейшие враги убиты, и тела их брошены в старый колодец, а другие со связанными на затылке руками понуро бредут за победителями навстречу неизвестной судьбе. Кто теперь усомнится, после того как Аллах провел «явное различие» (алфуркан – Коран XXV) между верующими и неверующими? Теперь он мог не увещевать, а приказывать, не грозить неведомыми карами в час Страшного суда, а казнить. Вчерашний проповедник милосердия превратился в воинствующего политика.

На следующий день, миновав ущелье ас-Сафра, за которым можно было чувствовать себя в безопасности от возможного контрнападения мекканцев, мусульманское войско приступило к приятному процессу раздела добычи. Мухаммад получил лучший меч, имевший собственное имя Зу-л-Факар, и рыжего верблюда-скорохода, принадлежавшего Абу Джахлю. Трофеи с убитых, по-видимому, сразу забирали себе победители в схватке, а

остальная добыча была поровну разделена между всеми, кроме нескольких рабов, участвовавших в сражении. Получили долю даже те, кто отсутствовал по уважительной причине: Усман ибн Аффан, оставшийся в Йасрибе при умиравшей жене, воин, сломавший ногу по пути к Бадру, разведчики, не участвовавшие в бою. Два владельца коней получили на них по две дополнительные доли.

Здесь же, у ас-Сафра, Али по приказанию Мухаммада обезглавил ан-Надра ибн ал-Хариса, которого Мухаммад ненавидел за язвительные насмешки. На следующий день казнили еще двух преследователей Мухаммада. На пятый день после сражения в Йасриб прибыл сам Мухаммад, а за ним пригнали пленников. Воздержавшиеся от похода оказались посрамленными и стали объяснять отказ тем, что думали – дело идет о набеге на караван, а не о сражении за веру.

Скептикам и насмешникам стало не до шуток; вскоре после возвращения победителей ночью была убита в своем доме арабка-иудаистка Асма бинт Марван, сочинившая насмешливые стихи о Мухаммаде, а немного спустя – Абу Афак, один из старейшин группы амр ибн ауф, упорно противившийся исламу.

Формирование мусульманской догматики и обрядности

Мухаммад прибыл в Йасриб с общей идеей покорности Аллаху и неизбежности наказания тем, кто противится ей, которую он проповедовал враждебно настроенным к курайшитам. Она не мешала ему совершать традиционный обряд поклонения Ка'бе и существовать в рамках привычного жизненного уклада. В Йасрибе же, где значительная часть жителей признала его пророческую миссию, требовались не общие призывы, а конкретные действия по организации новой религиозной общины, разработка догматики и права.

Первым новшеством, как мы видели, было создание специального места для коллективного моления, которое не имело бы ничего общего ни с Ка'бой, ни с синагогой, ни с церковью, оно должно было вмещать всех мусульман и быть по возможности простым для сооружения. Первая мечеть в Куба была, видимо, ориентирована на восток, как христианские храмы, а главная мечеть Йасриба, построенная к концу первого года хиджры, была ориентирована на север, на Иерусалим. Призыв к молитве был организован очень просто – вольноотпущенник Мухаммада и один из первых мусульман, Билал, отличавшийся сильным голосом, стал с крыши соседнего с мечетью дома, а затем с крыши дома Мухаммада громко возглашать призыв, состоявший из величания Аллаха и формул исповедания веры: «Свидетельствую, что нет божества, кроме Аллаха, и Мухаммад – посланник Аллаха!» Этот призыв стал называться азаном, а человек, возглашающий его, – муаззином.

Вторым новшеством было предписание еще одной, четвертой, молитвы в середине дня. Кроме того, было удвоено число ракатов, а молитва в два раката разрешалась только в дороге. Эти мелочи, не имевшие принципиального значения, играли большую роль в самоопределении религии, осознании ее самостоятельности и непохожести на другие, поскольку внешняя, обрядовая сторона религии всегда воспринимается особенно остро ее адептами и противниками, порой даже оказывается важнее для основной массы верующих, чем догматические тонкости.

Накопление новых черт обрядности и вероучения происходило в условиях постоянной прямой или косвенной дискуссии с иудеями. Как уже отмечалось в договоре, заключенном Мухаммадом с жителями Йасриба, иудеи считались частью одной общины с мусульманами. При первых же контактах выяснилось, что, признав Мухаммада верховным арбитром, пришедшим со стороны, иудеи совершенно не желали принять его как вероучителя. Более того, путанные представления Мухаммада о библейских сюжетах могли только вызвать насмешки людей, знакомых с ними с раннего детства.

Первоначальное почтение к «людям Писания» и неразработанность обрядности новой религии побуждали Мухаммада перенимать некоторые культовые установления. Так, он одновременно с иудеями держал пост «дня очищения» 10 тишры, (ашура). С этим же, вероятно, связано и предписание обращаться при молитве к Иерусалиму. Не исключено, что тогда же появились предписания относительно пищи, которые по краткой формулировке самой поздней суры Корана сводятся к тому, что «пища тех, кому даровано Писание, разрешается вам и ваша пища разрешается им» (Коран, V, 7).

Но постепенно происходит отрезвление: оказалось, что иудеи не отождествляют его проповеди с учением, заключенным в их Писании, и он им бросает раздраженно: «Те, кому дано было нести Тору, а они ее не понесли, подобны ослу, нагруженному священными книгами... Скажи: "О вы, которые исповедуют иудаизм! Если вы утверждаете, что вы ближе к Аллаху, чем прочие люди, то пожелайте смерти, если говорите правду"» (Коран, LXII, 5–6).

Вскоре после этого Мухаммад неожиданно для его сторонников меняет ориентировку при молитве: в качестве киблы предписывается направление на Ка'бу. (Коран, II, 139).

Это неожиданное решение вызвало насмешки иудеев над незадачливым пророком, который даже не знает, куда поворачиваться во время молитвы. Ответом на эти упреки был стих Корана: «Вот скажут глупцы из этих людей: "Что отвратило их от киблы, которой они держались?" Скажи: "Аллаху принадлежит и восток и запад. Он ведет, кого хочет, к прямому пути"» (Коран, II, 136).

Одновременно с этим возникает историко-религиозное обоснование особой роли Ка'бы. Главной фигурой, предшествующей истории взаимоотношений Аллаха и человека, становится Ибрахим, библейский Авраам. Оказывается, что Аллах заключил союз с Ибрахимом именно в Мекке и приказал ему построить "дом" (ал-байт), т. е. Ка'бу, установить законы и призвать людей совершать паломничество к Ка'бе.

Ибрахим оказывается одновременно и предвестником ислама, и отцом Исма'ила, пра-родителем арабов. Правомочность ислама как религии, равной иудаизму и христианству, приобретает любезное сердцу арабов того времени генеалогическое обоснование. Учение Авраама-Ибрахима древнее Торы, а сам он, как прадед арабов и евреев, принадлежит не только последним, и вера его не иудаизм и не христианство. «Неужто вы скажете, что Ибрахим и Исма'ил, и Исхак, и Йа'куб, и потомки были иудеями или христианами? Скажи: "Вы больше знаете или Аллах? Кто же нечестивее того, кто скрыл у себя свидетельство Аллаха? Поистине, Аллах не небрежет тем, что вы делаете!"» (Коран, II, 134).

Таким образом, иудаизм, христианство и ислам – три проявления одного божественного завета, который открывается каждому народу через пророка, избранного из его среды. Мухаммад послан к арабам, которые до сих пор не имели завета. Коран не позволяет понять, как в представлении Мухаммада сочеталось его посланничество к арабам и призыв к иудеям принять ислам как единственно правую веру.

Следующим этапом ритуального обособления ислама было введение особого поста, который отличался от христианского воздержанием от пищи и питья весь день от темна до темна в течение месяца рамадан, без ограничения в выборе пищи после наступления темноты (естественно, кроме запретной для мусульманина).

Первоначально предписания относительно поста касались только еды и питья, другие проявления воздержания в течение рамадана не требовались: «Разрешается вам в ночь поста сближение с вашими женами: они – покров для вас, и вы – покров для них. Узнал Аллах, что вы обманываете сами себя, и снизошел к вам и простил вас. Так что совокупляйтесь с ними и помогайте того, что предписал вам Аллах... И не прикасайтесь к ним, когда вы благочестиво пребываете в местах поклонения» (Коран, II, 183).

Мусульманская традиция относит установление поста в рамадан к середине ша'бана 2 г. х., перед походом на Бадр, однако некоторые исследователи полагают, что он был введен в ознаменование победы при Бадре, но сразу же по возвращении в Медину или на следующий год – единого мнения нет.

Во всяком случае, можно сказать, что за два года пребывания Мухаммада в Йасрибе его вероучение приобрело идеологическую самоосознанность и внешние формы отличия в проведении молитвы, поста и выборе центральной святыни. Победа Мухаммада при Бадре подкрепляла его правоту в глазах окружающих лучше любых логических аргументов. Йасриб из обычного селения стал для мусульман столицей пророка, Мадинат ан-наби, или просто Мединой.

Воодушевленный победой при Бадре, Мухаммад обратился с призывом принять ислам к самому богатому иудейскому племени бану кайнука. Они ответили отказом, даже с некоторым вызовом. Сложилась напряженная обстановка, при которой достаточно было малейшего толчка, чтобы началась война. И он произошел около 10 апреля 624 г. После уличной стычки бану кайнука отступили в свой укрепленный квартал, где их осадили мусульмане. Никто из прежних союзников не поддержал их, а собственных сил, видимо, было мало. Через

две недели им пришлось сдаться. Мухаммад будто бы решил перебить всех поголовно, но Абдаллах ибн Убайй, один из самых влиятельных йасрибцев, умолил сохранить им жизнь. Мухаммед согласился заменить избиение выселением. Они покинули Медину, бросив все, что нельзя было унести на себе, и переселились в Хайбар и Азриат (Южная Сирия).

Выселением руководил Убада ибн ас-Самит, один из предводителей хазраджитов, прежний союзник бану кайнука. При разделе оставшегося имущества Мухаммад впервые воспользовался традиционным правом вождя получать особую долю добычи, но в отличие от прежней мирба («четверти») выделил лишь пятую часть, хумс, который составил страховый фонд общины, находившийся в неограниченном распоряжении ее главы.

Выкуп пленных и набег Абу Суфйана

Ценнейшую частью добычи, полученной при Бадре, составляли пленные мекканцы, так как выкуп за пленного равнялся цене нескольких верблюдов. Здесь же в плен попали представители всех богатых мекканских семей, и выкуп за каждого был положен в 100 укий (серебра), т. е. 4000 дирхемов, или примерно 400 динаров, а это равнялось цене 80 взрослых верблюдов. Естественно, что многие были не в состоянии внести такой выкуп, некоторых из них по просьбе Мухаммада освободили без выкупа, другие взамен выкупа обучали грамоте детей мусульман.

Ситуация была щекотливой: в плену оказались ближайшие родственники мухаджиров и самого пророка, среди них были его дядя ал-Аббас, двое двоюродных братьев, Науфал ибн ал-Харис и Акил ибн Абу Талиб (родной брат Али), Сухайл ибн Амр ал-Джумахи, и Абу-л-Ас ибн ар-Раби, муж Зайнаб. Мухаммад потребовал от ал-Аббаса заплатить выкуп не только за себя, но и за племянников и халифа (союзника) его рода, попавшего в плен, сказав: «Ты человек богатый». Ал-Аббас пытался сослаться на то, что втайне он мусульманин, но скрывал это от родичей, на что Мухаммад резонно ответил: «Аллах лучше знает о твоём исламе. Если то, что ты говоришь, – правда, то Аллах тебя вознаградит за это, а по тому, что всем видно, – ты был против нас – так выкупай себя». Тогда ал-Аббас попросил зачесть в счет выкупа отобранное у него золото (800 динаров) и снова получил ответ: «Это то, что дал нам от тебя Аллах, великий и славный». В других случаях Мухаммад оказался добросердечнее: отпустил без выкупа двух несостоятельных пленников из бану ал-мутталиб и одного из джумах. Когда любимая дочь Зайнаб прислала в выкуп за своего мужа ожерелье, подаренное Хадиджей, растроганный Мухаммад отпустил Абу-л-Аса безвозмездно.

Целый месяц в Медину приезжали родственники пленных, чтобы их выкупить. Только после того как основная масса пленников вернулась в Мекку, Абу Суфйан решил исполнить свою клятву отомстить за Бадр. С четырьмя десятками всадников он приехал в ночь на 12 июня в восточную часть оазиса к горе Сайб. На рассвете мекканцы совершили набег на ал-Урайд, убили на поле одного мусульманина и его работника, подожгли пальмы или посевы и сразу же повернули в Мекку.

Мухаммад, спешно собрав двести человек, бросился в погоню и почти настиг мекканцев на второй день пути, но они, чтобы освободиться от лишнего груза, бросили мешки с савиком (походная пища из вареной пшеницы с финиками) и оторвались от погони. Подобрал эти трофеи, по которым набег вошел в историю как «день савика», мусульмане через день вернулись в Медину, и 10 зу-л-хиджжа Мухаммад зарезал традиционное жертвенное животное, как было принято во время хаджжа в Мекке.

Победа при Бадре придала Мухаммаду решимость распространить свое влияние за пределы оазиса, на районы восточнее и северо-восточнее Медины, где в 80 км от Медины должны были собраться племена бану сулайм и гатафан, но, никого не встретив, через 15 дней возвратился в Медину со стадом в 500 верблюдов, захваченных по пути. Через три месяца также закончились два похода на другие группы тех же племен. По-видимому, истинной причиной организации этих походов было стремление нарушить сирийскую торговлю мекканцев, которые после поражения при Бадре пытались использовать пути восточнее Хиджаза. В этом случае такие бесплодные на первый взгляд походы могли оказать определенное воздействие на мекканцев.

Во второй половине ноября мекканцы под большим секретом снарядили небольшой караван с серебром, которое добывалось в Йемене. Он должен был выйти на иракскую дорогу необычным безводным путем, проходимым лишь в зимнее время, и обойти зону, достигаемую для мусульман. Он, несомненно, и прошел бы незамеченным, если бы один

из бедуинов племени гатафан, знавший об этом, не проговорился спяна в винной лавке мединского иудея, куда заходили и мусульмане. Мухаммад тотчас послал на перехват сотню всадников во главе с Зайдом ибн ал-Харисой. Около ал-Карады, на пути к ар-Рабазе, Зайд внезапно напал на караван. Немногочисленное сопровождение разбежалось, только проводник и один курайшит попали в плен; мусульманам досталась солидная добыча, около 100 тыс. драхм (около 500 кг), из которых 20 тысяч поступило в распоряжение Мухаммада как главы общины.

Изменения в образе жизни

Как мы видим, за один год Мухаммад не только поднял свой авторитет политического главы Медины благодаря нескольким победам, но и стал заметно состоятельнее. В Медину он прибыл с тем, что было на нем, и долго не имел собственного жилища. Все семь месяцев, что строились мечеть и дом при ней, Мухаммад жил у Абу Аййуба Халида ибн Зайда, одного из 70 мединцев, присягнувших в Акабе. Абу Аййуб предоставил ему верхнюю часть дома, а его жена носила пищу, приготовлявшуюся для семьи, и, как вспоминала потом, Мухаммад был не привередлив и все хвалил.

Только весной 623 г. Мухаммад послал Зайда ибн ал-Харису в Мекку за семьей. С этого момента ему пришлось содержать жену и двух взрослых дочерей и одного или двух рабов. Какими денежными средствами Мухаммад располагал в это время, мы не знаем. Ал-Балазури сообщает, что для перевозки семьи он дал Зайду двух верблюдов и 500 дирхемов, которые, по свидетельству Аиши, ему ссудил Абу Бакр. Участок для дома около мечети ему подарил один из мединцев. Видимо, единственным надежным источником средств были помощь Абу Бакра и добровольные подношения состоятельных мусульман. Образ жизни главы общины был совершенно спартанский, и гораздо скромнее, чем у многих его последователей.

Первым шагом отступления от прежнего аскетизма была женитьба на младшей дочери Абу Бакра Аише. Она была сговорена еще в Мекке, когда ей было лишь 6 лет. Мать девочки осмелилась заметить, что у них есть дочери и постарше, но Абу Бакр дал ему согласие. Такие ранние сговоры были обычными, а вот была ли обычной женитьба на девятилетней девочке – сказать трудно.

Никакого свадебного торжества при этом не было. По рассказу самой Аиши, все происходило следующим образом: «Мы приехали в Медину, и Абу Бакр поселился в ас-Сунхе у бану ал-харис ибн ал-хазрадж. Пришел посланник Аллаха и вошел в наш дом, и собрались к нему мужчины из ансаров и женщины. Моя мать пришла ко мне, а я качалась на качелях между двумя ветками, она меня сняла, поправила мою прическу, сполоснула мне лицо водой, потом повела меня, а когда я оказалась около двери, остановилась со мной, потому что я немного запыхалась, потом ввела меня, а у нас в доме на сиденье сидит посланник Аллаха... Она посадила меня в его комнате и сказала: "Вот твоя семья, пусть они будут благословенны Аллахом для тебя и ты благословенна для них". Тут мужчины и женщины встали и вышли. И вошел посланник Аллаха ко мне в моем доме, и не закололи жертвенное животное и не зарезали ради меня овцу. А было мне тогда девять лет. Только прислал нам Са'д ибн Убада блюдо, которое обычно присылал посланнику Аллаха». Следует добавить, что ни один источник не упоминает свадебного подарка Мухаммада Аише. Мухаммад, несомненно, любил Аишу и как первую жену-девственницу, которую познал на склоне лет, и как дочку, милого, проказливого ребенка, которого любили и появившиеся позже другие, взрослые жены. Мухаммад баловал ее и делал подарки, но в тот момент, видимо, у него просто ничего не было.

Когда же Мухаммад после Бадра выдал свою младшую дочь Фатиму за Али, то прямо сказал ему: «Сделай ей подарок». Услышав от Али, что у него ничего нет, Мухаммад посоветовал: «Продай кольчугу, которую я тебе подарил». У Али в доме тоже было пусто, как передавали с его слов, у них была только кожаная подстилка, на одном конце которой они спали, а на другом – Фатима месила лепешки.

Но успехи года, последовавшего за Бадром, явно оказали влияние на аскетического проповедника, который стал входить во вкус некоторых излишеств. Конечно, не следует думать, что весь хумс превращался в собственность Мухаммада. Он им распоряжался, а не пользовался: богатство в тех условиях только тогда было основой власти, когда его разда-

вали, а не накапливали. Но даже доля рядового воина была заметной при той скудной жизни. Во всяком случае, в феврале – марте 625 г. Мухаммад смог взять в жены сначала дочь Умара, Хафсу, первый муж которой заболел и умер во время похода к Бадру, а через месяц Зайнаб бинт Хузайма, муж которой скончался от раны на обратном пути из Бадра.

Не будем подходить к этому с точки зрения христианской морали и сразу обвинять Мухаммада в сластолюбии, как это иногда делают европейские исследователи: многоженство существовало задолго до него и в значительной степени было проявлением престижа, одним из атрибутов власти, способом скрепления политических союзов. С такой точки зрения женитьба на дочерях Абу Бакра и Умара могла иметь чисто политические причины, быть продиктованной желанием сплотить наиболее близких сподвижников (в том же году Мухаммад выдал свою дочь Умм Кулсум за Усмана). Даже женитьбу на Зайнаб, не курайшитке, можно объяснить благим желанием устроить вдову сподвижника, которая иначе осталась бы без средств к существованию.

Однако некоторые детали свидетельствуют не в пользу Мухаммада. Буквально через несколько месяцев после описанных выше браков Хафса застала Мухаммада со своей служанкой и возмущенно сказала: «Эй, посланник Аллаха! Что же это – в моем доме и на моей постели?!» Тот ответил: «Молчи! Клянусь Аллахом, никогда не приближусь к ней, только никому не рассказывай об этом». Но Хафса все-таки рассказала о случившемся Аише, и Мухаммад объявил Хафсе, что разводится с ней. Умар стал выяснять, чем провинилась его дочь, и все это вызвало неблагоприятный отклик в общине. В конце концов, Мухаммад объявил, что Джабраил запретил ему разводиться с Хафсой из-за ее благочестия.

Теперь, когда в доме появились четыре жены со служанками, весь образ жизни Мухаммада должен был измениться, хотя быт оставался скромным. Прежняя его сосредоточенность на одной цели неминуемо должна была исчезнуть. В коранических проповедях начинают появляться отклики на семейные неприятности, которые никак не объяснить особым экстатическим состоянием пророка.

Битва при Ухуде и ее последствия

Набег на Йасриб с целью отмщения за Бадр не мог удовлетворить ни Абу Суфьяна, ни мекканцев, и они начали подготовку к более серьезному нападению. Ясно понимая, что одними собственными силами с Мухаммадом не справиться, Абу Суфьян привлек к походу сакифитов Таифа и союзные мекканцам племена. Общая численность войска составила примерно 3 000 человек с 3000 верблюдов и 200 коней; 700 воинов имели кольчуги. Можно думать, что курайшитов, составлявших ядро войска, было около 1000 человек. Вместе с войском отправились жены многих воинов и некоторые вдовы погибших при Бадре.

Это войско двинулось на Медину дорогой паломников и утром десятого дня, в четверг 21 марта 625 г., достигло Зу-л-Хулайфы в 10 км юго-западнее Медины. Видимо, только в этот момент Мухаммад узнал о появлении противника. Положение создалось критическое: мекканцы могли оказаться у Медины через 2 часа. Но мекканцы обошли город с запада, встали севернее его и, переночевав там, утром потравили посеы скотом. Только теперь Мухаммад собрал в мечети совет. Ибн Убайй, ссылаясь на опыт предков, советовал собрать всех в центральное поселение, спрятать женщин и детей в домах-башнях, откуда они могли бросать в противника камни, а самим встретить врага в узких улицах. Мухаммад склонялся к тому же. Но горячая молодежь жаждала отличиться в победоносном сражении и убедила встретить врага в поле и разгромить его.

Вечером мусульманское войско, насчитывавшее до 1000 человек и только на 1/10 обеспеченное кольчугами, вышло из Медины и, чтобы не столкнуться на марше с мекканцами, двинулось на север к вади Канат по восточной харре, и встало на ночевку. Разведчики мекканцев подходили к краю харры, но подняться на нее не решились. Утром Мухаммад спустился в долину и пошел навстречу мекканцам, занимая позицию к северо-западу лицом к Медине, имея в тылу вади Канат. Во время утреннего перехода от мусульманского войска отделился и ушел в Медину Ибн Убайй с 300 своими сторонниками, сильно ослабив его перед самым боем. Свой уход он будто бы объяснял обидой на Мухаммада, послушавшегося юнцов.

Мухаммад расположил свое войско на север от Медины, лицом к ней. Левый фланг прикрывали 50 лучников, правый упирался в крутой берег вади. Лучники получили приказ ни в коем случае не покидать свою позицию. Мекканцы располагались южнее, между мусульманами и Мединой.

Сражение начали рабы. Они кидались камнями, а мекканки, стоявшие за рядами воинов, улюлюкали и подстрекали воинов к мести за убитых при Бадре. Затем Абу Суфьян отослал рабов на охрану лагеря, сказав: «Не дело рабов – сражаться». Тогда на поединок вышли Талха ибн Абу Талха и Али ибн Абу Талиб. Победителем оказался Али, и тогда мусульмане бросились в атаку. У знамени курайшитов завязалась ожесточенная схватка, в которой были убиты один за другим семь знаменосцев. Когда знамя упало, мекканцы пустились в бегство, а мусульмане бросились грабить лагерь. Поражение мекканцев, казалось, неизбежным. Все решила жадность стрелков, оставленных на фланге. Увидев соблазнительное зрелище разграбления лагеря, большинство из них, забыв все наставления Мухаммада, бросилось туда. Тогда Халид ибн ал-Валид повел за собой конницу, стоявшую в резерве, легко смял десяток лучников и врезался в рассыпавшийся строй мусульман, которые стали беспорядочно отступать. Упорно сражались лишь отдельные группы, в одной из которых был Мухаммад. Он получил такой сильный удар мечом по голове, что несколько колец бармицы впились в щеку, кровь залила ему лицо, он пошатнулся и упал. Кто-то сгоряча закричал, что посланник Аллаха убит. Это еще больше усилило беспорядок: одни побежали по вади к Медине, преследуемые конницей, другие (в основном мухаджиры) укрылись на труднодоступных скло-

нах горы Ухуд. Среди них был и Мухаммад. Абу Суфйан, объезжавший поле боя, узнав, что Мухаммад жив, предложил еще раз встретиться в Бадре через год.

Когда победители покинули поле боя на верблюдах, ведя коней на поводу, а значит, не намереваясь продолжать сражение, мусульмане стали подбирать убитых и раненых. Из 700 мусульман, участвовавших в сражении, погибло от 70 до 74 человек (10 мухаджиров, в том числе дядя Мухаммада, Хамза, 23 аусита и 40 хазраджитов). Чтобы скорее похоронить убитых, их клали по двое-трое в одну могилу, без саванов и обмывания – Мухаммад сказал, что павшие в бою за веру (шахиды) не нуждаются в этом. Мухаммад с остатком войска ехал к Медине, сопровождаемый воплями женщин, оплакивавших убитых. У мечети он с трудом сошел с коня, уединился в своей комнате и появился только к предзакатной молитве.

Мекканцы потеряли убитыми всего 24 человека (20 курайшитов и 4 союзника-кина-нита). Причина непонятного отступления мекканцев объясняется тем, что они побоялись нападения Ибн Убаййа со свежими силами, находившимися в его распоряжении в Медине.

Ночь в Медине прошла беспокойно, в мечети всю ночь дежурили ансары, а утром Мухаммад призвал всех участников битвы, и только их, преследовать Абу Суфйана. Далеко не все откликнулись на этот призыв. Вместе с ранеными набралось около 250 человек. Из этого следует, что поход должен был лишь реабилитировать авторитет Мухаммада.

Преследователи захватили двух оставших мекканцев, и стали лагерем недалеко от Медины. Простояв там четыре дня, Мухаммад вернулся в Медину. Мухаммаду, несомненно, пришлось выслушать в эти и следующие дни немало упреков. Они упоминаются в Коране и комментариях к нему. Основным доводом Мухаммада было то, что его решение, как и любое другое, исходит от Аллаха, который один знает, для чего все делается, а если искать виновных на земле, то виноваты только те, кто не проявил повиновения посланнику Аллаха и твердости веры.

В этом случае, как и с откровениями, возглашенными после Бадра, наблюдается одна закономерность: накануне сражения, когда так необходимо воодушевить бойцов, идущих на превосходящего их врага, Мухаммад не обращался к ним со словами, ниспосланными свыше, а довольствовался толкованием вещего сна, который он видел минувшей ночью. Соответствующие айаты Корана появляются после сражения как доказательства в споре. В конце концов, поражение не умалило авторитет Пророка, оно оказалось наказанием за ослушание лучников, нарушивших его приказ.

В это время отмечаются первые обращения соседних племен с просьбой прислать им наставников в исламе. В конце 3 или начале 4 г. х. в Медину прибыли несколько представителей племени хузайма, сказавших, что племя приняло ислам, и они просят прислать наставников в веру. Мухаммад направил 6 или 10 человек. По пути хузаймиты изменили решение, призвали бедуинов соседнего племени и вместе напали на мусульман. Трое сдались, а остальные пали с оружием в руках. Один из сдавшихся пытался бежать, но был забит камнями, а двух других продали в рабство курайшитами.

В начале 625 г. к Мухаммаду с той же просьбой обратился Амир ибн Малик, один из глав племени амир ибн са'са'а. К нему была послана группа в 14 человек. В дороге было получено какое-то настораживающее известие, и глава группы попросил у Мухаммада подкрепления. Вслед им были посланы еще 4 человека, в том числе Са'д ибн Абу-л-Ваккас. Первая группа без всяких опасений прибыла к колодцу Бир Ма'уна. Среди сулаймитов был брат убитого при Бадре, жаждавший отомстить мусульманам, по наущению которого сулаймиты напали на мусульман и всех перебили. Са'д ибн Абу-л-Ваккас и его спутники узнали об этом и возвратились в Медину.

Мухаммад был достаточно дипломатичен в отношении бедуинов, проявивших коварство. Показательно, что когда возвращавшиеся из Бир Ма'уны под горячую руку убили двух человек из амир ибн са'са'а (имевших гарантию безопасности от Мухаммада), и вождь этого

племени, допустивший избиение мусульман в Бир Ма'уне, потребовал платы за кровь, то Мухаммад уплатил виру и возвратил трофеи, хотя, казалось бы, это убийство можно было расценить как ответ на нарушение гарантий безопасности со стороны амиритов. Такой жест Мухаммада подчеркивал его моральное превосходство над вождем, не выполнившим своего долга.

Со сбором средств для уплаты виры каким-то образом связан конфликт с иудейским племенем бану надир, находившимся в союзнических отношениях с амир ибн са'са'а, который кончился их изгнанием из Медины. До этого момента они соблюдали условия договора с Мухаммадом и не проявляли враждебности даже в тяжелый для него момент, когда мекканцы подошли к Медине. Это не исключало контактов отдельных лиц с мекканцами, которые могли рассматриваться как нелояльные. Один из старейшин бану надир, Ка'б ибн ал-Ашраф, был казнен, за то, что принимал у себя Абу Суфйана. Все кончилось изгнанием бану надир. Мухаммад пришел с десятком близких сподвижников в дом собраний бану надир, чтобы договориться об уплате их доли виры за убитых амиритов. Старейшины ответили, что сейчас соберут, и предложили подождать. Мухаммад со своими спутниками присел к стене в тени одного из домов. Один из старейшин задумал сбросить с крыши жернов на Мухаммада и этим решить все проблемы. Тут же нашелся доброволец, но, когда он поднялся на крышу, Мухаммад получил откровение об этом и быстро ушел. Покушение сорвалось, а Мухаммад через посланца потребовал от бану надир в десятидневный срок покинуть Медину.

По другой версии бану надир предложили Мухаммаду провести диспут о вере, намереваясь при этом заколоть его и его спутников. Об этом узнала женщина из бану надир и предупредила своего брата-мусульманина. Как бы то ни было, Мухаммад узнал о готовящемся покушении, получил повод наказать изменников и выселить из Медины. В дело вмешался Ибн Убайй, пообещавший встать с 2000 воинов на их защиту. Бану надир понадеялись на это, ответили Мухаммаду отказом и приготовились к обороне.

Мухаммад с отрядом мусульман встал лагерем между Куба и поселением бану надир и начал постепенно, дом за домом, захватывать поселение, тут же разрушая захваченные дома. Схватки, происходившие при этом, видимо, не были серьезными, так как нигде мы не находим сведений об убитых мусульманах.

Длительность лагерного стояния, томительного для людей, привыкших к коротким схваткам, приводила к ослаблению дисциплины, вином стали злоупотреблять даже ближайшие сподвижники Мухаммада. Поэтому на шестой день осады последовало запрещение вина и азартных игр.

Надежда осажденных на помощь Ибн Убаййа оказалась напрасной. Когда осада затянулась, Мухаммад распорядился срубить лучшие пальмы, принадлежавшие осажденным. Эта крайняя мера сломила дух сопротивления, и на 15-й или 21-й день бану надир вступили в переговоры. Им была гарантирована личная безопасность и право вывезти все что угодно из имущества, кроме оружия, из расчета один верблюд на трех человек. Выселяемые разрушали дома, выламывали наиболее ценные деревянные детали, прежде всего двери, и грузили на верблюдов, которых будто бы оказалось 600. Караван переселенцев двинулся в сторону Хайбара. Часть бану надир вместе с их вождем осталась в Хайбаре, а остальные уехали в Палестину, оставив за собой в Медине одни развалины.

Мусульманам досталось значительное количество оружия: 50 кольчуг, 50 шлемов и 340 мечей, но главной добычей были обширные хорошо орошаемые земли. Мусульманская община впервые столкнулась с проблемой распоряжения таким имуществом. Можно понять участников осады, которые ожидали раздела и этой добычи в соответствии с установившимися нормами. Однако Мухаммад поступил иначе: разделил эти земли между первыми мухаджирами, из ансаров долю получили только двое совершенно неимущих. Это вызвало возмущение ансаров. Очередное откровение объяснило, что поскольку эта добыча досталась не

в бою, а по договору, на который неверующие пошли только по воле Аллаха, то распоряжение добычей – дело его посланника. «Ради того, что возвратил Аллах от них своему посланнику, вам не пришлось гнать [в бой] своих лошадей и верблюдов, ведь Аллах наделяет своих посланников властью над кем хочет. Аллах может все. Что возвратил Аллах своему посланнику от жителей селений, то принадлежит Аллаху и посланнику, и его близким, и сиротам, и беднякам, и путникам, чтобы это не было распределено между вашими богачами. То, что дает вам посланник, – берите» (Кор., пер., LIX, 6, 7).

Решение, принятое Мухаммадом, определило в последующем несколько важнейших принципов мусульманского государственного права. Поскольку все в мире – собственность Аллаха, как творца всего сущего, то люди только временно владеют тем, что им даровал Аллах. Если же он пожелает, то отнимет у недостойных и отдаст достойным. Глагол *фаа* («возвратить»), употребленный в начале цитированного отрывка, породил термин *фай* («возвращенное») – то, что возвращено от недостойных владельцев более достойным – Мухаммаду и следующим за ним главам мусульманской общины. *Фай* – это та часть добычи, которая не поступает в раздел, а становится общей собственностью всех мусульман. Но при жизни Мухаммада *фай* – недвижимая собственность побежденных, распоряжение которой принадлежит ему как посланнику Аллаха.

Это решение коренным образом изменило экономическую базу существования общины. Если до этого момента стремление к имущественному равенству и справедливости предполагалось решать личной благотворительностью, помощью богатых мусульман бедным, то теперь верховным распорядителем всей недвижимой собственности становился глава общины: с этого момента уже не приходится говорить о каких-то уравнилельных принципах, хотя наделы получили безземельные пришельцы – мухаджиры. Принцип большего вознаграждения тех, кто имеет большие заслуги перед религией, неминуемо должен был создать новую землевладельческую аристократию. Но все это было еще впереди, а пока можно было считать, что справедливость восторжествовала: изгнанники получили достойное вознаграждение за имущество, потерянное ради дела веры. Сам Мухаммад не стал собственником доставшейся ему земли – он довольствовался частью доходов, необходимых его разросшейся семье, остальное предназначалось на закупку оружия и верховых животных для мусульманского войска.

Большой проблемой оказалось право наследования. Насколько мы можем судить, в Мекке и Медине сохранялись значительные пережитки большесемейной собственности, распоряжение которой находилось в руках главы большой семьи: деда, старшего из дядьев, старшего из братьев; строгого правила, кто ее возглавлял, кажется, не было. Наследование шло по мужской линии. Дочери получали приданое и свадебный подарок от жениха, и это было их единственной собственностью. В случае смерти мужа вдова без собственных средств не могла прожить самостоятельно. Мы уже видели, как без средств к существованию оказалась мать Мухаммада. Да и сам Мухаммад, живя у деда, до женитьбы не имел собственного дома. Иначе, видимо, обстояло дело с денежным капиталом, который был более индивидуализирован, прибыль с личного капитала оставалась личной собственностью, в том числе и женщин. В Мекке они были независимее.

Сложнее обстояло дело в Медине, где важнейшим видом собственности, главным богатством была земля. Здесь, как кажется, существовало твердое правило: женщина не наследует своему мужу – она или выходит замуж снова, или какое-то время живет у родичей покойного.

Появление ислама внесло новые элементы в функционирование этой системы. До тех пор, пока среди мединцев были немусульмане, не исключены были случаи, что овдовевшая или разведенная мусульманка оказывалась без средств к существованию, так как не могла вернуться к родичам-язычникам. Поэтому в откровениях, появившихся в первые два года

после хиджры, в установлениях, касающихся вступления в брак и развода, имеются рекомендации относительно обеспечения вдов и разведенных: бывший муж при разводе не должен отбирать свой брачный дар, а вдове предоставляется право пользоваться имуществом мужа в течение года (Коран, II, 229, 241). После битвы при Бадре появились вдовы иного социального статуса – вдовы (и матери) павших за веру. По некоторым (не вполне надежным) сведениям, уже тогда возникли недоразумения, но число вдов было невелико. Со всей остротой эта проблема встала после Ухуда.

Формальным поводом для вынесения решения об изменении системы наследования было будто бы то, что вдова Са'да ибн Абу Раби'а, одного из накибов, назначенных в Акабе, беременная и с двумя маленькими дочерьми, обратилась к Мухаммаду с жалобой на деверя, который забрал все имущество ее покойного мужа. Мухаммад призвал брата Са'да и приказал в соответствии с новым откровением выделить вдове 1/8 наследства, дочерям – 2/3, а оставшееся (5/24) взять себе.

В Коране это положение сформулировано следующим образом: «Завещает вам Аллах относительно ваших детей: мужского пола – долю, подобную доле двух [детей] женского. А если их – женского пола – больше двух, то им – две трети того, что он оставил, а если одна, то ей – половина. А его родителям – каждому из двух по одной шестой того, что он оставил, если у него есть сын. А если нет у него ребенка и ему наследуют родители, то матери – одна треть. А если есть у него братья, то матери – одна шестая из того, что останется после завещанного по завещанию или долга.../ И вам – половина того, что оставили ваши супруги, если у них нет ребенка. А если у них есть ребенок, то вам – четверть того, что они оставили после завещанного по завещанию или долга.../ А им – четверть того, что оставили вы, если у вас нет ребенка. А если у вас есть ребенок, то им – одна восьмая из того, что вы оставили, после завещанного по завещанию или долга.../ А если мужчина или женщина будет наследником по боковой линии – и у него есть брат или сестра, то каждому из них обоим – одна шестая. А если их больше этого, то им всем вместе – треть после завещанного по завещанию или долга» (Коран, пер., IV, 10–15).

Важно то, что Мухаммад своим авторитетом посланника Аллаха утвердил последовательную систему индивидуального наследования, в которой учтены интересы вдов, родителей и детей умершего, а также его братьев и сестер. Новый порядок наследования признавал за женщинами половинный объем прав по сравнению с мужчинами, но он предоставил им право раздельного от мужа владения имуществом и самостоятельного распоряжения им, что было для того времени значительным шагом вперед.

Повседневная жизнь текла своим чередом, перемежая радости с печалью. В сентябре умерла жена Зайнаб, в октябре умер шестилетний внук, сын Рукайи и Усмана, после того как петух выклевал ему глаз. Зато в начале января у любимой дочери Фатимы родился другой внук – ал-Хасан, а в марте Мухаммад женился на молодой и красивой вдове старого соратника Абу Саламы. Эта свадьба тоже совершилась очень скромно: свадебные подарки стоили около 10 дирхемов, а на ужин Мухаммаду и всей семье новая жена наварила каши из ячменя, который только что намолотила на ручном жернове.

Мухаммад не терял зря времени и успешно использовал новые возможности, открывшиеся после изгнания бану надир. Это сказалось уже во втором походе на Бадр (начало апреля 626 г.) для обещанной вооруженной встречи с мекканцами. Если верить источникам, с Мухаммадом вышли 1 000 человек при 10 конниках. Абу Суфйан будто бы собрал 2000 человек при 50 конниках, но, пройдя меньше половины пути, вернулся, побоявшись трудностей похода в засушливую весну. Через месяц Мухаммад совершил поход против бану гатафан за 100 км северо-восточнее Медины, но столкновения не произошло.

Для укрепления своего войска Мухаммад закупил лошадей. В конце 626 г., отправляясь в поход против бану мусталик (из племени хуза'а), Мухаммад имел уже 30 конных воинов,

из них 10 мухаджиров и 20 ансаров. О том, какие перемены произошли в Медине на четвертом году хиджры, лучше всего говорит участие в походе Абдаллаха ибн Убаййа и «лицемеров», ранее отказывавшихся от военных экспедиций. Необычным было и то, что впервые Мухаммад взял с собой двух жен: Аишу и Умм Саламу, из-за чего произошли неприятные события, заставившие биографов говорить об этом походе подробнее, чем о многих других.

Колодец ал-Мурайси⁴, около которого собирались бану мусталик, находился где-то в средней части вади ал-Фур (ал-Фар). Мухаммад сумел подойти неожиданно для противника, схватив разведчика, посланного следить за его движением. Часть собравшихся, напуганная неожиданным появлением многочисленного мусульманского отряда, рассеялась по горам, а несколько десятков оставшихся не могли противостоять. После перестрелки мусульмане дружно атаковали противника, убили 10 человек (потеряв одного), а остальных взяли в плен. Победителям досталось все имущество, 2000 верблюдов, 5000 овец и 200 женщин с детьми, среди которых была Барра, дочь вождя племени, муж которой пал в битве.

Такой богатой добычи мусульманам еще никогда не доставалось. Согласно источникам, каждому участнику после выделения хумса досталось по 10 овец (и, добавим от себя, по 4 верблюда) и, видимо, по одному пленнику на двоих (во всяком случае, Барра оказалась долей двух братьев). Из всего этого можно сделать вывод, что мусульманский отряд имел численность около 340 человек.

Братья, получившие в свою долю Барру, назначили ей выкуп в 7 (или 9) укий золота (280 или 360 дирхемов) под письменное обязательство. Барра, как дочь вождя, обратилась за помощью к вождю же, Мухаммаду, чтобы он внес за нее выкуп (видимо, подразумевая, что потом соплеменники возвратят этот долг). «А была она, – как вспоминала Аиша, – женщиной поразительно красивой и каждого, кто ее видел, брала за душу». Не устоял и Мухаммад, в ответ на ее просьбу предложил: «А не хочешь ли ты лучшего? Я оплачу твоё обязательство и женюсь на тебе». Барра согласилась, Мухаммад в качестве свадебного дара освободил всех пленников, попавших в хумс, и дал ей новое имя – Джувайрийа. Произошло это все, видимо, уже в Медине.

Но благополучно начавшийся поход стал омрачаться всевозможными неприятностями. Едва войско ушло от ал-Мурайси⁴, как на стоянке произошла драка между наемным конюхом Умара и одним из ансаров; конюх ударил его по лицу, потекла кровь, ансар стал звать товарищей-ансаров, конюх – мухаджиров. Еще немного, и в ход пошло бы оружие. Мухаммеду и самым близким к нему ансарам едва удалось предотвратить схватку и уговорить обиженного простить обидчика. Ибн Убайй увидел в этом унижение мединцев и в сердцах сказал: «Как говорили старики, раскорми свою собаку – тебя же и съест. Ей-богу, когда вернемся в Медину, то могущественные выгонят из нее презренных!» – и добавил: «Вот что вы сделали самим себе, отдали им свою землю, разделили с ними свое имущество. Ей-богу, если не будете отдавать им то, что в ваших руках, то они уберутся в другие края». Один из присутствовавших юношей тут же передал его слова Мухаммаду. Умар посоветовал казнить Ибн Убаййа, но Мухаммад возразил: «А что, если люди будут говорить: "Вот, Мухаммад убивает своих сотоварищей"?» Одумавшийся Ибн Убайй сам пришел к Мухаммаду и поклялся Аллахом, что ничего подобного не говорил. Его поддержали ансары, сказав, что надо верить почтенному человеку, а не какому-то мальчишке. Конфликт до времени остался исчерпанным, хотя к Мухаммаду приходили люди, предлагая себя в убийцы Ибн Убаййа.

Сложение мусульманской семейной этики и дело о клевете на Аишу

С самого начала руководства мединской общиной Мухаммад неизбежно должен был разрешать всевозможные спорные вопросы семейных отношений. Одного указания на суетность мирских благ («Прельщаются люди иметь жен и детей и нагроможденные кинтары золота и серебра, меченых коней, скот и посевы. Это – блага мира сего, а у Аллаха – прекрасное прибежище» (Коран, пер., III, 14/12)) было недостаточно. Постепенно, по разным поводам, появляются высказывания относительно браков с иноверками, обращения с женами, о разводе, обеспечении разведенных, о наследовании и так далее. Их трудно построить в хронологический ряд (тем более что одни и те же фразы высказываются в различно датированных сурах), поэтому мы будем говорить о них суммарно, может быть даже забегая вперед относительно того момента, на котором остановилось наше изложение.

Представление о религиозной исключительности мусульман привело прежде всего к запрещению браков с иноверками и иноверцами (Коран, II, 221/220). Предписания, касающиеся развода, явления в ту пору очень частого, встречаются уже в первой мединской суре, но она настолько сборная, что поручиться за время их появления нельзя. Главным было установление для женщин обязательного четырехмесячного перерыва перед вступлением в новый брак и необратимости развода после трехкратного произнесения мужем формулы развода – вновь взять в жены возможно только после того, как она еще раз выйдет замуж (Коран, II, 228–230). Коран подтвердил существовавший обычай при разводе оставлять детей у отца, но оговаривалось, что матери выкармливают детей в течение двух лет и получают содержание (Коран, II, 233). Свадебный дар остается за женой. Муж стоит выше жены (II, 228) и может отказывать ей в общении и бить ее, если она непокорна (Коран, IV, 38).

После Ухуда наряду с предписаниями о наследовании появились указания на допустимость многоженства, при условии полного содержания жен, и женитьбы на рабынях (Коран, IV, 3, 2). Важным было точное определение круга родства, при котором брак недопустим (Коран, IV, 26–27). Кроме брака с ближайшими родственницами – матерью, дочерьми, сестрами, запрещался брак с племянницами и тетками, с тещами (в условиях ранних браков того времени теща могла оказаться моложе зятя), кормилицами, молочными сестрами, женами отца и сыновей и с воспитанницами жен.

Предписания этического свойства носили самый общий характер: жены должны с почтением относиться к мужьям, заботиться о них; те и другие – помнить, что Аллах все видит. Но когда Мухаммад на склоне лет обзавелся тремя молодыми, красивыми женами, то стал строже относиться к нравственности женщин. С одной стороны, надо было покончить с проблемой нравов первых двух лет, когда любой мусульманин из глупости мог без всякого предупреждения зайти к пророку (он мог застать Мухаммада или одну из его жен в самый неподходящий момент); с другой стороны, можно понять чувства пятидесятилетнего мужа молоденьких жен, когда во дворе мечети обретается полтора-два десятка «обитателей навеса», которые могут в любой момент войти в дом, то ли попросить напиться, то ли полюбезничать.

Так появляются предписания не входить в чужой дом без разрешения: «О те, которые уверовали! Не входите в жилище пророка, если только не будет разрешено вам [войти] для трапезы, не соблюдая ее времени. А если вас позовут, то входите, а когда поедите, то расходитесь, не вступая в разговоры. Это удручает пророка, но он стыдится [сказать] вам. А Аллах не стыдится истины. А если спрашиваете у них какую-нибудь утварь, то спрашивайте ее из-за завесы, так будет чище для ваших сердец и для их сердец...» (Коран, XXXIII, 53). Этому вторит несколько более поздняя сура: «О вы, которые уверовали, не входите в дома,

кроме ваших домов, пока не спросите позволения и пожелаете мира их обитателям» (Коран, XXIV, 27).

Введение этих общепринятых в развитом обществе правил поведения в чужом доме показалось Мухаммаду недостаточным. Появились призывы к соблюдению личной скромности. Отчасти это, видимо, вызывалось тем, что нравы в Медине были очень простыми, быть может, проще, чем мы их себе представляем. Так, в Медине в ту пору в домах не было отхожих мест, и с наступлением темноты женщинам, в том числе и женам пророка, приходилось выходить на пустырь за городом. По дороге молодые любезники и заговаривали с ними, и даже приставали.

Скромность предписывалась и мужчинам, и женщинам: «Скажи верующим: пусть не пьют глаза и берегут свои срамные части, это – благочестивее для них, ведь Аллах знает, что они творят. И скажи верующим [женщинам]: не пьют глаза и берегите свои срамные части пусть набрасывают покрывала на разрезы [платья] на груди...» (Коран, XXIV, 30–31). «О пророк, скажи своим женам, дочерям и женщинам верующих, чтобы они сближали [края] своих покрывал, так их не узнают и не испытают они оскорбления» (Коран, XXXIII, 59).

Особенно заботило Мухаммада поведение своих жен. «Сидите в своих жилищах, и не выставляйте свою красоту, как в прежнее [время] неведения» (Коран, XXXIII, 33). Коран напоминал им, что они не чета другим женщинам, что и награда им будет двойная, и наказание за грехи – вдвойне (Коран, XXXIII, 30–32).

И надо же было случиться, чтобы в эту пору повышенного беспокойства Мухаммада за своих жен и проповеди скромности на обратном пути из ал-Мурайси потерялась Аиша. Ночью, перед самым подъемом каравана в путь, она отлучилась по нужде, а вернувшись, обнаружила, что лопнула нитка ожерелья и оно рассыпалось. Она побежала его искать, а тем временем караванщики, как обычно, подняли с земли ее паланкин, поставили на верблюда, не заметив отсутствия хозяйки (как объясняет сама Аиша, «они считали, что я в нем, а женщины в ту пору были легкими, не покрывало их мясо, потому что они ели понемногу, и не почувствовали эти люди легкости паланкина»). Вернувшись, она никого не застала, закуталась в плащ, ожидая, когда за ней вернутся, и уснула. Аишу нашел один из мавлов сулаймитов, доставлявший воду, («а он видел меня до того, как ввели укывание») и довез на своем верблюде до следующей стоянки отряда. Это не осталось незамеченным. Ибн Убайй будто бы ехидно заметил: «Жена вашего пророка провела ночь до утра с мужчиной». И многие оказались в смущении. Отец осудил Аишу, она проплакала всю ночь, а Мухаммад обратился за советом к Усаме ибн Зайду и Али. Первый успокоил его, сказав, что все – клевета, но второй заметил: «Женщин много, и ты можешь найти замену» – и посоветовал с пристрастием допросить служанку Аиши. Вызвали служанку, Али побил ее для острастки, но служанка ответила, что ничего дурного за Аишей не замечала.

Наконец Мухаммад пошел к Аише, выплакивавшей свое горе у родителей, призвал покаяться (ведь Аллах милостив), а потом лег, закутавшись с головой, и впал в транс. «Когда я увидела все это, – вспоминала Аиша, – то я не очень испугалась и не беспокоилась, потому что знала свою невиновность и [знала], что Аллах не окажет несправедливость. А у моих родителей, пока не отпустило посланника Аллаха, чуть душа не улетела от страха, что от Аллаха придет подтверждение правоты того, что говорили люди. Потом посланника Аллаха отпустило, он сел, а с него катился пот, как град в зимний день. Он вытер пот со лба и сказал: "Радуйся, Аиша, Аллах ниспослал [весть] о твоей невиновности". По возвращении в Медину Мухаммад возвестил в мечети полученное откровение (начало 24-й суры): наказывать прелюбодеев 100 ударами бича, если проступок подтвержден четырьмя свидетелями; тех же, кто обвиняет в грехе, но не приводит свидетелей, считать клеветниками и наказывать 80 ударами бича (Коран, XXIV, 2, 4). Далее следовало обращение к присутствующим: «Отчего бы, когда вы это слышали, верующие мужчины и верующие женщины, не поду-

мали сами во благо и не сказали: "Это явная клевета"?.../ Отчего бы им не привести четырех свидетелей? А если они не привели свидетелей, то эти у Аллаха – лжецы.../ И если бы не щедрость Аллаха к вам и не его милость на этом и том свете, то коснулось бы вас великое наказание за то, о чем вы распространялись» (Коран XXIV, 12–14).

«Битва у рва»

Несколько оправившись от удара, нанесенного выселением, бану надир начали соби-
рать против Мухаммада широкую коалицию, обратившись, конечно, к курайшитам. Абу
Суфйан собрал все наличные силы и поднял в поход союзников курайшитов. К их свод-
ному отряду в 4000 человек при 300 конных воинах присоединились бану асад и 700 воинов
из бану сулайм. Вторую группу составили племена, обитавшие восточнее Медины, прежде
всего гатафан, давшие около 1800 воинов. Вожди бану надир подняли их обещанием отдать
весь урожай фиников Хайбара. Общая численность войска составила 10000 человек.

Мухаммаду удалось собрать около 3 000 человек. При такой разнице сил требовалось
использовать какие-то оборонительные сооружения. Выход указал Салман ал-Фариси, пер-
сидский мавла, посоветовавший выкопать ров на самом доступном для нападения месте.
Мухаммад вывел на работу все взрослое население и работал со всеми с утра до вечера.
Ров длиною около 6 км прикрыл город с запада, севера и северо-востока. Мекканцы, как
и в прошлый раз, обойдя Медину с запада, 8 зу-л-ка'да были неприятно удивлены не ожи-
данно возникшим препятствием, которое делало беспомощной их конницу. Мухаммад вывел
основную часть войска на западный и северный склоны горы Сал' и разбил свою палатку
на месте, где потом построили мечеть (Масджид ал-Фатх, «мечеть победы»). Женщины и
дети укрылись в укрепленных домах. Ров сослужил верную службу: кавалерии противника
не удалось сходу его преодолеть, и бои свелись к перестрелке через него, наносившей той
и другой стороне очень мало ущерба.

В один из первых дней группе мекканцев удалось найти узкое место и перескочить
через ров около горы Сал'. В единоборстве Али победил своего противника, остальные бро-
сились назад, но один сорвался в ров и был убит. На следующий день все объединенное
войско Абу Суфйана предприняло атаку с целью преодоления рва. Бой, вылившийся в пере-
стрелку, затянулся до вечера. Когда нападавшие выбились из сил и ушли в лагерь, ушли и
мусульмане на вечернюю молитву, оставив в охране 200 человек. Халид ибн ал-Валид
попытался воспользоваться этим, атаковал охранение, но, потеряв одного человека, тоже
вынужден был вернуться ни с чем. Затем в течение десяти дней союзники непрерывно бес-
покоили мусульман набегами мелких отрядов, но Мухаммад сумел дисциплинировать свое
войско, и оно постоянно было начеку.

На 13-й или 14-й день осады налетел холодный ураганный ветер, разметающий лагерь
осаждавших. Это бедствие окончательно сломило их боевой дух, и они решили снять осаду.
Мухаммад простоял лагерем еще два дня и на третий вернулся в Медину, убедившись, что
противник ушел бесповоротно. Так кончилось «великое стояние у рва», из которого Мухам-
мад вышел победителем почти без потерь.

Исход его оказался трагическим для бану курайза, не решившихся стать на ту или дру-
гую сторону: произошло именно то, что долго удерживало их от соглашения с курайши-
тами, – нарушив договор, они остались наедине с Мухаммадом, брошенные спровоцировав-
шими их союзниками.

Мухаммад решил расправиться с изменниками немедленно. Покинув лагерь у рва, он
в тот же день (24 зу-л-ка'да 5/16 апреля 627 г.) привел все войско на осаду поселения бану
курайза. Через две недели, осажденные стали искать возможности для переговоров и при-
гласили авторитетного человека из союзного им племени аус и спросили, советует ли он
сдаться на волю Мухаммада, то он ответил: «Да» – и выразительно провел ребром ладони
по горлу. Тем не менее на следующий день бану курайза сдались, рассчитывая на заступни-
чество ауситов.

Ауситы безуспешно пытались уговорить Мухаммада ограничиться изгнанием изменников, но человек из ауситов, уполномоченный Мухаммадом решить их судьбу, предложил их казнить. Были казнены все мужчины, а женщины и дети обращены в рабство. Все имущество бану курайза после выделения хумса было продано с аукциона, а деньги поступили в раздел. Пленники, попавшие в хумс, были проданы бану гатафан, и на эти средства купили коней.

Нечего и говорить, что победа над столь сильным противником еще больше укрепила авторитет Мухаммада. В Коране она была объяснена заступничеством Аллаха. (Коран, XXXIII, 8, 17).

Ответ следует искать в идеологической сфере. Индивидуалистической бедуинской психологии, не выходящей за рамки обязательств по отношению к узкому кругу лиц, было противопоставлено безоглядное служение идее, заставлявшее каждого отдельного человека отказаться не только от личных интересов, но и от складывавшихся веками моральных устоев. Одна сторона вела войну как набег, короткий, удалой, прекращающийся при сопротивлении, грозящем большими потерями, с постоянной оглядкой на возможные последствия кровной мести. Так, осаждавшие не тронули жилища в не защищенных рвом районах оазиса. У другой стороны все подчинялось великой цели, с которой несоизмеримы личные желания и существующие представления о добре и зле. Цель эта была неясна, но конкретные задачи ставились глашатаем высшей воли, и их надо было выполнять, не останавливаясь ни перед чем.

Нельзя сводить сущность происходивших изменений в сознании мусульманского общества только к желанию пострадать за веру, чтобы заслужить рай. Это слишком прямолинейно и однобоко. Идея вознаграждения и наказания за те или иные действия здесь была организована в примитивную, неразвитую, но систему, направленную к конкретной цели – распространению единственно правильной веры. Мухаммад отнюдь не собирался создавать новое государство или новые государственные институты. Его представление об общине (милла) истинно верующих было совершенно неконкретно, но объективно создание ее было невозможно вне государственного образования. На этом пути разрыв с традиционными представлениями о должном и недопустимом позволял Мухаммаду принимать нестандартные решения, ставившие в тупик его противников. Но это же рождало ощущение вседозволенности, следствием чего всегда бывает жестокость.

Глава 4. Победа ислама в Аравии

Поворот к наступлению

Шестой год хиджры отмечен увеличением числа военных предприятий Мухаммада. Многие из них, правда, были просто набегами небольших отрядов, не всегда кончавшимися даже соприкосновением с противником, их абсолютная и относительная датировка в разных источниках различна. Это, в конце концов, не так уж существенно, если рассматривать события с общей точки зрения.

Большая часть походов этого периода носит случайный характер; одни являлись обычными набегами с целью угона скота, другие вызваны необходимостью отомстить за ответные действия бедуинов. Чрезвычайно характерно, что ни один поход не связывается с пропагандой ислама. Вряд ли можно думать, что эта цель не отражена в источниках потому, что сама собой разумелась. Не похоже и на то, чтобы набеги были карой за отступление от ислама, такая причина была бы непременно отмечена. Создается впечатление, что распространение ислама пока еще происходило путем обращения отдельных лиц и семей, а не больших коллективов. До конца 6 г. х. нам не известен ни один оазис за пределами Медины, который был бы мусульманским. Зона, на которую распространялась власть ислама, южнее Медины ограничивалась верховьями мединских вади (около 6 миль = 10–12 км от Медины) или в самом крайнем случае верховьями Акика; на севере – до ал-Габа (8–12 миль = 15–25 км от Медины), по иракской дороге – на 7–10 миль (Хайфа или Бир Абу Рукана). Совершенно неясно, где кончалась граница мусульманских владений по мекканской дороге.

Если исходить только из этого, то можно сказать, что Мухаммад не слишком преуспел за шесть лет пребывания в Медине. Однако следует учесть, что Медина стала полностью мусульманской территорией, отпали сомнения в его особой миссии, позволяющей справляться с более многочисленным врагом. Экономическое положение Мухаммада неизмеримо окрепло. Выросло и стало лучше вооружено его войско. Изменение положения Мухаммада, не во всем ясное для нас, но вполне очевидное для современников, подтверждается неожиданным, казалось бы, решением Мухаммада совершить паломничество в Мекку.

Паломничество и договор в Худайбии

В конце шавваля 6 / начале марта 628 г.⁷ Мухаммад объявил, что совершит малый хаджж (умру) в Мекку. Сборы были окончены к 1 зу-л-ка‘да / 13 марта, и огромный караван – более тысячи человек – выступил из Медины. Мухаммад уже дома надел одежду паломника (ихрам): белую набедренную повязку и белую накидку. Паломники гнали с собой 70 жертвенных верблюдов, которым в Зу-л-Хулайфа были завязаны морды, чтобы и они постились перед торжественной церемонией. Как вызов мекканцам, Мухаммад гнал на заклятие верблюда Абу Джахля, захваченного при Бадре. Паломники были вооружены только мечами и не имели с собой кольчуг и щитов. С Мухаммадом вышли не только мединцы, но и часть бедуинов.

Когда караван прибыл в ал-Усфан, Мухаммад узнал, что мекканцы в ожидании его собрали войско и стали лагерем на подходе к Мекке, полные решимости не допустить мусульман к Ка‘бе. Мухаммад все же двинулся дальше, но в Кура ал-Гамим путь ему преградил Халид ибн ал-Валид с 200 конниками, тогда он свернул влево и обходным путем вышел к водопою Худайбийя, в 9 милях от Мекки, на границе харама. Котлован, в котором собиралась вода, оказался пуст, и тут, как рассказывают арабские историки, Мухаммад совершил чудо: дал стрелу из своего колчана, чтобы ею проткнули сухую корку дна котлована, и из отверстия забила вода. Возможно, это и не выдумка, Мухаммад мог знать особенность этого котлована и указать место, откуда потечет вода, если проткнуть засохшее дно водоема.

Мекканцы вступили в переговоры и прислали одного за другим переговорщиков. Мухаммад заверил, что единственная его цель – совершить паломничество, воевать он не собирается, но если потребуется, то с боем добьется своего. Курайшиты опасались не столько нападения, сколько того, что Мухаммад окажется руководителем хаджжа, узурпировав монополию курайшитской верхушки на руководство религиозными церемониями. Мекканцы пошли на переговоры и согласились принять Усмана ибн Аффана. Переговоры затянулись, все было в напряжении, и вдруг разнесся слух, что Усман убит. Мухаммад решился на крайнюю меру – напасть на курайшитов со своими не подготовленными к бою спутниками. Только безусловная уверенность, что все паломники будут стоять насмерть, давала надежду на успех. И Мухаммад призвал всех присягнуть ему, что готовы умереть за веру. Все присутствующие один за другим подходили к Мухаммаду, стоявшему в тени дерева, и, ударяя своей ладонью по его ладони, подтверждали свою клятву.

То ли узнав об этом акте отчаянной решимости, то ли все-таки благодаря дипломатическим усилиям Усмана мекканцы согласились признать Мухаммада равной стороной и заключить с ним договор. Подписание его было поручено главе рода амир Сухайлу ибн Амру (брату первого мужа Сауды, второй жены пророка), который когда-то, по возвращении Мухаммада из Таифа, отказался оказать ему покровительство, был одним из организаторов похода на Бадр, попал там в плен и был освобожден за выкуп в 4000 дирхемов.

Когда основные положения соглашения были выработаны и осталось только их записать, возникли сложности с вводной формулой. Мухаммад хотел начать с формулы «Бисмиллах ар-рахман ар-рахим» («Во имя Аллаха милостивого, милосердного»), но Сухайл воспротивился: «Мы знаем Аллаха, а что касается Аррахмана Аррахима, так мы его не знаем». Мухаммад сказал Али: «Пиши: "Во имя твое, о боже!"» Следующая заминка произошла с титулованием Мухаммада. Мусульмане настаивали на титуле «посланник Аллаха», а Сухайл возражал: «Если я засвидетельствую, что ты посланник Аллаха, то из-за чего мы тогда вое-

⁷ Так по синхронистическим таблицам. Если же исходить из того, что хаджж совершался в связи с зимним солнцезакатом, то шаввал должен был приходиться на октябрь.

вали с тобой?» – и потребовал вписать только имя и отчество. Мухаммад улыбнулся и согласился.

Мы приведем здесь текст договора по Ибн Исааку:

«Во имя твое, о боже!

Это то, на чем заключили мир Мухаммад, сын Абдаллаха, и Сухайл, сын Амра. Они договорились об устранении от людей войны на десять лет, в течение которых люди будут в безопасности и оставят друг друга в покое с [такими] условиями: того из курайшитов, кто придет к Мухаммаду без разрешения своего попечителя, он вернет им, а того, кто придет к курайшитами, из тех, кто с Мухаммадом, они не будут возвращать ему; между нами прекращается вражда, и не будет ни ограблений, ни козней; если кто хочет вступить в союз с Мухаммадом и [заключить с ним] договор – вступит в него, а кто хочет вступить в союз с курайшитами и [заключить с ними] договор – вступит в него; ты уходишь от нас в этом году и не войдешь к нам в Мекку, а когда наступит следующий год, мы уйдем от тебя, и ты войдешь в нее со своими товарищами и пробудешь в ней три дня, и будет с тобой [только] оружие путника – меч в ножнах, ни с чем другим не войдешь в нее».

Договор был подписан свидетелями обеих сторон: с мусульманской стороны Абу Бакром, Умаром, Абдаррахманом ибн Ауфом, Абдаллахом ибн Сухайлом ибн Амром (сыном Сухайля), Са'дом ибн Абу-л-Ваккасом и Мухаммадом ибн Масламой, из представителей другой стороны упоминаются только Микраз ибн Хафс и Хувайтиб ибн Абдал'уза.

Условие о беглецах пришлось исполнять в первый же день: сын Сухайла, мусульманин, которому во время переговоров удалось бежать из домашнего заточения, пришел искать прибежища у Мухаммада. Увидев его, Сухайл потребовал вернуть сына, так как он пришел после заключения соглашения. Мухаммаду пришлось вернуть беглеца, слезно молившего защитить его. Это произвело тяжелое впечатление на мусульман, многие из которых были вообще против переговоров с неверующими. Даже ближайшее окружение Мухаммада недоумевало, что же они выгадали, заключив этот договор, кроме проблематичной возможности посетить Мекку через год.

Но Мухаммад всеми действиями подчеркивал удовлетворение достигнутым. Сразу после подписания договора он обрился, как после совершения паломничества, и приказал резать жертвенных животных, показывая, что паломничество все-таки свершилось. Чтобы рассеять последние сомнения своих последователей, Мухаммад на обратном пути в ал-Усфана возвестил: «Мы даровали тебе явную победу» (Коран, пер., XLVIII, 1).

С этим можно согласиться, хотя на первый взгляд кажется, что договор в Худайбии был выгоден только мекканцам. Победой было уже одно признание Мухаммада равноправной договаривающейся стороной, а разрешение союзникам курайшитов присоединяться к любой из сторон фактически означало распад договорной системы, на которой держалось могущество Мекки. Сразу же по заключении договора хуза'иты перешли на сторону Мухаммада. Прекращение состояния войны не только обеспечивало безопасность мекканским караванам, но и развязывало руки Мухаммаду в борьбе с другими, более близкими врагами. Даже неравенство в судьбе перебежчиков было в значительной мере кажущимся, так как, во-первых, допускался переезд к Мухаммаду с согласия отцов и других попечителей, а во-вторых, Мухаммад вовсе не нуждался в возвращении ему отступников, если таковые вдруг нашлись бы, наконец, он, видимо, ощущал, что время работает на него и этот пункт договора, столь важный для старейшин Мекки, превратится в фикцию.

Так оно вскоре и вышло. К Мухаммаду по возвращении в Медину бежал Абу Басир Утба ибн Усайд, Мухаммад в соответствии с договором отослал его с сопровождающими, прибывшими из Мекки. Абу Басир убил одного из них, бежал и обосновался на большой караванной дороге около Вади-л-Кура, к нему присоединились еще несколько десятков таких же мекканских беглецов, и они вместе стали нападать на мекканские караваны. Мекканцы попросили Мухаммада забрать их к себе. В то же время Мухаммад отказал в выдаче нескольких курайшитов, бежавших под его покровительство, оформив этот отказ как повеление свыше (Коран, LX, 10).

Этим установлением все браки мусульман и мусульманок с язычницами и язычниками объявлялись недействительными, нужно было только возвратить махр, как это полагалось при разводе по инициативе женщин. В случае с мекканскими беглянками отступное выплатил Мухаммад из средств, образовавшихся из хумса. Многим мусульманам пришлось развестись с женами, отказавшимися принять ислам, в числе их были даже люди из близкого окружения Мухаммада, например Умар развелся сразу с двумя женами, уехавшими после этого в Мекку.

Завоевание Хайбара и Фадака

Теперь Мухаммаду предстояло расправиться с иудеями, выселенными из Медины, которые поселились в оазисах Хайдар и Фадак. Они были если не инициаторами нападения на Медину, то, во всяком случае, наиболее ожесточенными противниками Мухаммада в «битве у рва», не оставляя враждебной деятельности и после нее.

Еще до Худайбии Мухаммад послал в Хайбар группу мусульман убить главу бану надир, который подстрекал гатафан и их соседей к враждебным действиям против Мухаммада. При неясных обстоятельствах был убит и его преемник. Из рассказа Ибн Са'да, историка IX в., нельзя понять, погиб он в результате недоразумения или его заманили в ловушку и убили вместе со всеми спутниками (шаввал 6/13.11–12.11 628 г.) Через два месяца после возвращения из Худайбии Мухаммад решил расправиться со своими врагами в Худайбии. В поход были взяты только присягнувшие в Худайбии. Было объявлено, что это – борьба за веру, участие в которой добровольно, и поэтому не вознаграждается добычей. Всего набралось около 1400 человек при 200 конях, из чего можно видеть, насколько увеличилась ударная сила мусульман за минувший после Ухуда год.

Как утверждают арабские историки, появление армии Мухаммада под Хайбаром было совершенно неожиданным, но сами же приводят сообщения о том, что иудеи Хайбара призывали на помощь бану гатафан во главе с Уйайной ибн Хисном и бану асад во главе с Тулайхой ибн Хувайлидом. Однако, постояв под Хайбаром, они участия в военных действиях не приняли.

В оазисе было три главных укрепленных селения: аш-Шикк, ан-Натат и ал-Катиба – и в каждом имелись крепости и укрепленные дома, каждый из которых приходилось брать в отдельности. Хотя хайбарцы сражались упорно, памятуя о судьбе бану надир, все же замок за замком переходили в руки мусульман. Долше всех держалась ал-Катиба. Первым в ней пал ал-Камус, замок переселенцев из бану надир. Победленные обязались сложить оружие и сдать все ценности. Добыча оказалась огромной, но Мухаммад обнаружил отсутствие дорогих серебряных сосудов, о существовании которых знал, и потребовал у Кинаны ибн Абу-л-Хукайка (одного из вождей бану надир) сдать их. Кинана и его брат поклялись жизнью, что все израсходовали на подготовку к войне. Дело испортил их слабоумный племянник, ответивший Мухаммаду, что не знает, где спрятаны сокровища, но часто видел Кинану около развалин дома. Посланные туда люди нашли спрятанные сокровища, Кинана и его брат подверглись пыткам и были переданы для казни родственникам мусульман, убитых ими во время боев в Хайбаре, а их семьи – обращены в рабство. Жена Кинаны, Сафийа, досталась Мухаммаду, сделавшему ее своей восьмой женой.

Осажденные в других крепостях ал-Катибы предпочли прекратить борьбу и сдались на условии сохранения им жизни, если они отдадут все имущество. Потом Мухаммад разрешил им остаться в Хайбаре обрабатывать свои земли, отдавая мусульманам половину урожая, так как обрабатывать эти земли было некому. Все же вероятнее, что это условие сразу появилось в договоре, так как жители ал-Катибы с самого начала не собирались никуда выезжать, и даже скупали вещи из добычи, продававшейся на аукционе.

В этих боях погибло 93 хайбарца, но и мусульмане понесли самые тяжелые после Ухуда потери – не менее 25 человек убитыми и не менее сотни ранеными. Победленные попытались расквитаться с Мухаммадом, угостив его отравленной бараниной. Один из мусульман, проглотив кусок, умер, а Мухаммад, почувствовав привкус, выплюнул мясо и отделался недомоганием. Виновицу казнили, хотя она и отговаривалась тем, что знала – истинный пророк не съест отраву.

С завоеванием Хайбара и подчинением Фадака мусульманская община, замкнутая в пределах одного оазиса, стала превращаться в государство. Одновременно неизмеримо выросло богатство самого Мухаммада и его окружения, четко обозначился переход от проповеди равенства и нестяжательства к откровенному приобретательству. Раздел доходов Хайбара доказывает это самым недвусмысленным образом.

Добыча, захваченная в боях, была разделена в соответствии со сложившейся практикой, а наиболее ценное приобретение, земли оазиса, как полученные по договору, а следовательно, как дар Аллаха пророку, Мухаммад разделил по собственной воле. Весь оазис был разделен на 36 частей, половину из них он оставил в своем распоряжении, а вторую отдал участникам осады. Каждая из этих 18 частей состояла из 100 долей. Размер доходов, приходящихся на долю рядового участника осады, нигде не сообщается, но мы можем вычислить их косвенно и получить достаточно ясное представление о принципах раздела благ внутри зарождавшегося мусульманского государства.

Доходы с одной половины оазиса достались 1400 человекам, а с половины, оставленной Мухаммадом в своем распоряжении – 40–50 родным и приближенным к Мухаммаду людям; причем преимущество он отдавал своим женам и ближайшим родственникам. Фатима получила ежегодную ренту в 200 васков фиников (около 400 ц), Аиша – 200. Из всех сподвижников Мухаммада только Усама ибн Зайд получил большую ренту – 250 васков, Абу Бакр – только 100. Любопытно, что в эту привилегированную группу попал и Мистах ибн Усаса, которого, по сведениям того же Ибн Хишама, будто бы бичевали за клевету на Аишу.

Список Ибн Хишама позволяет составить представление об общем объеме поступлений из оазиса и о размере пожалования рядовым участникам похода. Общий объем поступлений с половины оазиса по этому списку 3020 васков, но, возможно, еще какая-то часть урожая поступала в непосредственное распоряжение Мухаммада. Остановимся на округленной цифре – 3 000 васков. Если вторая половина, разделенная между рядовыми участниками похода, была примерно равноценной, то на долю каждого из них придется $1\frac{2}{3}$ васка ($3\frac{1}{3}$ ц) фиников. Проще говоря, 120 рядовых участников сражения получали столько же, сколько одна Аиша, а доля всех жен Мухаммада равнялась доле 540 воинов. Вряд ли эти цифры нуждаются в дополнительных комментариях.

Из Хайбара Мухаммад двинулся на Вади-л-Кура. После четырехдневной осады и взятия одного из укреплений жители оазиса согласились признать власть Мухаммада и выплачивать ему определенную долю урожая. Услышав об этом, будто бы согласились платить дань и жители Таймы.

Победа в Хайбаре совпала с другим успехом, значение которого мы не можем достаточно точно оценить, – в эти дни из многолетней эмиграции в Эфиопии вернулась последняя партия мусульман во главе с Джа'фаром ибн Абу Талибом, братом Али. Согласно Ибн Хишаму, Джа'фар приехал прямо в Хайбар в день заключения договора, и Мухаммад, целуя его, сказал: «Не знаю, чему я больше рад: завоеванию Хайбара или приезду Джа'фара».

Вместе с ними к Мухаммаду приехала еще одна жена, Рамла, дочь Абу Суфйана, овдовевшая в Эфиопии. Сватать ее был послан специальный посланец, одновременно вручивший негусу письмо с предложением принять ислам. Единственной разумной причиной этого настойчивого заочного сватовства (если не предполагать странную страсть Мухаммада к вдовам) могло быть только ее происхождение – женитьба на ней могла быть своеобразным вызовом Абу Суфйану. Недаром последний, услышав о женитьбе Мухаммада на его дочери, с досадой сказал: «Вот необузданный жеребец!».

После взятия Хайбара военные акции Мухаммада снова ограничиваются набегами на со седей-бедуинов, в основном небольшими силами. Все они были направлены на север и восток от Медины.

Между тем подошло время паломничества в Мекку, обусловленного договором в Худайбии. 1 зу-л-ка‘да 7/2 марта 629 г. Мухаммад собрал всех присягнувших в Худайбии, к ним присоединились и некоторые язычники, так что всего набралось около 2000 человек. Вперед был выслан авангард из 100 кавалеристов, за ним – обоз с оружием, а следом двинулись паломники в ихрамах, одеждах для паломничества. Около Мекки обоз с оружием был оставлен под охраной 200 человек, а остальные вступили в Мекку с одними мечами. Мекканцы освободили им место около Дар ан-надва. После совершения семикратного обхода святыни Мухаммад остановился около ал-Марвы и совершил заклятие жертвенных животных. Затем часть совершивших обряд ушла, чтобы сменить отряд, охранявший оружие, а Мухаммад на несколько часов уединился в Ка‘бе. Мекканцы издали внимательно следили за происходящим.

Это паломничество, получившее название «предрешенного малого паломничества» (ал-умра ал-кадийа), закончилось еще одной женитьбой Мухаммада, на Маймуне, сестрице ал-Аббаса и Джа‘фара. Видимо, желание укрепить связи с этими двумя людьми было важнейшей целью брака.

Мирно закончившееся паломничество сыграло большую роль в укреплении позиций Мухаммада: все могли убедиться, что задуманное и обещанное им сбывается, а мекканцы, наблюдая в течение трех дней, как беспрекословно повинуются ему две тысячи человек, воочию убедились, какой реальной силой он обладает. Первым понял это Халид ибн ал-Валид, заявивший: «Теперь каждому умному человеку ясно, что Мухаммад не колдун и не прорицатель, а его речи – речи господа миров, и каждый, у кого есть соображение, должен следовать за ним». Несмотря на попытки отговорить его, Халид принял ислам. Однако, распространение ислама среди бедуинов не имело успеха: две экспедиции, посланные в разные районы, кончились трагически для мусульман.

Ряд средневековых мусульманских историков сообщают, что после Худайбии Мухаммад направил послания с призывом принять ислам Ираклию, Хосрову II, негусу, гассанидскому эмиру, наместнику Египта ал-Мукаукису, «царю» Омана, «царю» Йемена, правителям Бахрейна и Йамамы. Если такие послания и отправлялись, то значительно позднее, когда власть Мухаммада была признана во всей Аравии. Эти историки приводят текст некоторых из этих посланий, которые выдержаны в повелительном тоне. Сообщается что, Хосров II, услышав содержание письма, разгневался и разорвал его. И этому можно поверить.

Современные мусульманские историки подтверждают достоверность изложенного события и самого текста письма указанием на существование подлинника этого послания, написанного на коже со следом надрыва его Хосровом. В начале XX в. на антикварном рынке появились якобы подлинники этих писем на коже. Они опубликованы, и о них более столетия идет дискуссия. Наиболее рьяный защитник их подлинности М. Хамидуллах приводит в доказательство совпадение их текстов с текстами, фигурирующими в исторических сочинениях. С чисто текстологической точки зрения совпадение текстов этих документов с приводимыми в источниках является не доказательством их подлинности, а аргументом против, так как во всех других случаях, когда представляется возможность проверки, оказывается, что исходный текст (даже если он первоначально был точно скопирован) при переписках неминуемо искажается. Именно это и является наиболее убедительным опровержением подлинности этих пяти «документов», так как текст подлинного документа не мог воспроизводиться слово в слово в сочинениях, написанных через 200–300 лет после их отправки в разные страны. Наконец, древний облик почерка, на который ссылается Хамидуллах, воспроизводит не рукописный почерк, а арабские граффити и простейшие надписи на камнях VII–VIII вв.

Приходится смириться с тем, что в нашем распоряжении имеется лишь приблизительная передача содержания писем, направленных Мухаммадом в разные годы. Однако изве-

стен один случай несомненного серьезного контакта с правителем страны за пределами Аравии – с «ал-Мукаукисом», наместником Египта Георгием, который будто бы в начале 7 г. х. (май – июнь 628 г.) прислал Мухаммеду подарки: двух сестер-невольниц с евнухом, мула и одежды из коптских тканей. Одну из невольниц, Марию, Мухаммад взял себе в наложницы, а другую подарил одному из сподвижников. Во всяком случае, до конца 629 г., когда была завоевана Мекка, Мухаммад вряд ли обращался к кому-то, кроме ближайших соседей, с предложением принять ислам. Насколько можно судить по имеющимся сведениям, он отличался трезвым взглядом на ситуацию и, несмотря на убеждение в своей особой миссии, не ставил перед собой нереальных целей, тем более что до конца жизни считал, что его миссия касается вразумления одних только арабов.

Битва при Муте

Летом 629 г. Ираклий прибыл в Сирию для наведения в ней порядка после персидской оккупации. Предстояло торжественное водружение креста на храме Гроба Господня. Иерусалим готовился к празднику. Кто готовил императору подарки, кто ожидал их от него. Евреи, оказавшие помощь персам при взятии Иерусалима в 614 г., встретили императора богатыми подарками, испрашивая помилование. Помилование они получили, но им было запрещено жить в Иерусалиме и в радиусе трех миль от него.

Вести о событиях в Сирии и Палестине, несомненно, доходили до Медины, и Мухаммад интересовался ими. Возможно, в связи с этим он направил посла в Бусру, но по дороге, в Муте, того задержал и убил Шурахбил ибн Амр, местный гассанидский правитель. Узнав об этом, Мухаммад собрал большее, чем когда-либо, войско в 3000 человек и поставил во главе своего любимца Зайда ибн ал-Харису, с ним пошли Джа'фар ибн Абу Талиб, Абдаллах ибн Раваха и Халид ибн ал-Валид.

Шурахбил заранее узнал об этих сборах и сумел подготовиться. Его разведка встретила с мусульманами уже в районе Вади-л-Кура, в столкновении погиб брат Шурахбила, тем не менее цель была достигнута, неожиданность нападения, на которую надеялись мусульмане, была сорвана. Когда Зайд подошел к Ма'ану, то оказалось, что дальнейший путь преграждает многочисленный противник. Двое суток он стоял в нерешительности, некоторые советовали ему подождать подкрепления из Медины, наконец возобладало мнение Абдаллаха ибн Равахи – напасть на противника и победить или погибнуть во славу Аллаха.

В завязавшемся бою один за другим погибли Зайд, Джа'фар и Абдаллах ибн Раваха, знамя упало, и растерявшиеся мусульмане обратились в бегство. Один из ансаров поднял знамя, собрал вокруг себя небольшую группу ансаров и потом вручил это знамя Халиду, которому удалось привести войско в порядок. По некоторым сведениям, он наутро даже атаковал противника, а потом оторвался от него. Очевидцы и участники сражения, свидетельства которых зафиксированы историками, говорят о тяжелых потерях, хотя, если сложить имена убитых из разных перечней, окажется, что погибло четверо курайшитов и восемь ансаров; даже учитывая, что в эти списки не вошли имена бедуинов, погибших в сражении, приходится признать, что потери были не слишком велики для отряда в три тысячи человек. По-видимому, в сражении приняла участие только часть этого отряда, состоявшая в основном из сподвижников пророка, а остальные не пришли им на помощь.

Любопытно отметить, что в то же время, когда отряд под предводительством Зайда сражался, чтобы отомстить за казнь посланца Мухаммада, другой посланец, возвращавшийся из Сирии, проехал мимо Муты и первым привез Мухаммаду известие о поражении. Поэтому Мухаммад смог проявить дар ясновидения, когда прибыл гонец Халида ибн ал-Валида. Мединцы встретили возвратившихся насмешками, дети бросали в них грязью. Только вмешательство Мухаммада несколько защитило их от нападков.

Для наведения страха на бедуинов севернее Вади-л-Кура, враждебно настроенных против мусульман, Мухаммад послал две экспедиции, в которых приняли участие Абу Бакр и Умар ибн ал-Хаттаб. Но серьезных столкновений не произошло. Казалось, что за последний год мало что изменилось в положении Мухаммада, однако параллельно с мелкими акциями и даже военными поражениями происходило постепенное накопление сил, военного могущества и политического влияния, которые не замедлили проявиться в полном объеме.

В декабре 629 г. в районе Мекки неожиданно обострился давний конфликт между бану хуза'а и бану бакр ибн абдманат на почве кровной мести. Хуза'иты убили трех знатных бакритов, а в ответ вождь бану бакр Науфал ибн Му'авийа, получив поддержку курайшитов, ночью напал на группу хуза'итов, убил 20 человек, а остальных преследовал на свя-

щенной территории Мекки, пока им не удалось укрыться в домах мекканских сородичей. В ночном нападении участвовало и несколько видных курайшитов, среди которых были Сафван ибн Умаййа и Хувайтиб ибн Абдал'узза, подписывавшие договор с Мухаммадом, теперь нарушившие его. Пока Науфал осаждал дома, где укрылись беглецы, делегация хуза'итов помчалась в Медину заручиться поддержкой Мухаммада, одолев четырехсоткилометровый путь за трое суток, как раз в тот день, когда наиболее благоразумным мекканским вождям удалось уговорить Науфала оставить беглецов в покое. Мухаммад поклялся хуза'итам, что будет защищать их, как самого себя, а пока посоветовал им рассеяться по своей территории и ждать.

На шестой день в Медину выехал Абу Суфйан, чтобы успеть договориться с Мухаммедом о возобновлении мирного договора, прежде чем до Мухаммада дойдет известие о конфликте. Встретившись на следующий день в ал-Усфани с хуза'итами, возвращавшимися из Медины, он понял, что опоздал, но не оставил надежды погасить конфликт. Мухаммад принял его холодно. Абу Суфйан сказал, что отсутствовал при подписании худайбийского договора, и поэтому просит подтвердить ему договор. «Разве с вашей стороны что-то произошло, что изменило дело?» – спросил Мухаммад. «Избави бог!» – «В таком случае все остается по-прежнему». Абу Суфйан обратился за поддержкой к близким Мухаммаду людям, но родная дочь Рамла (Умм Хабиба) выдернула из-под него коврик Мухаммада, на который он хотел сесть, сказав, что посланник Аллаха не будет сидеть на нем после безбожника. Абу Бакр, Умар и Усман в той или иной форме отказались выступить посредниками. Только Али дал хоть какой-то совет: взять на себя, как сейида бану кинана, гарантию безопасности обеих сторон, – хотя и не поручился за успех. И в самом деле, когда Абу Суфйан объявил об этом в мечети, то Мухаммад заметил: «Это ты сказал так, Абу Суфйан!» Результат поездки Абу Суфйана разочаровал курайшитов, но они все-таки надеялись, что Мухаммад не решится пролить кровь на священной земле и оскорбить храм, который сам же почитал. И все же было ясно, что в ближайшее время Мекку ждут тяжелые испытания. Одним из первых это понял ал-Аббас, решившийся не полагаться на волю случая, а скорее ехать в Медину принимать веру удачливого племянника.

Мухаммад вел подготовку похода на Мекку в глубокой тайне. Скрыть сборы большой армии было невозможно, но для большинства указывалась ложная цель похода. Все эти старания едва не пошли прахом из-за попытки одного из старых и верных соратников (у которого семья оставалась в Мекке) известить мекканцев о подготовке похода на них. Женщину, которая повезла письмо, все-таки перехватили, и письмо нашли. Решительный Умар хотел собственноручно отрубить голову изменнику, но Мухаммад простил его, как участника битвы при Бадре.

Гонцы Мухаммада созвали в Медину к началу рамадана все союзные племена. Войско в несколько тысяч человек выступило из Медины 10 или 13 рамадана 8 г. х. (1 или 4 января 630 г.). По дороге к нему присоединялись другие отряды, примерно на полдороге, в Абве или ал-Джухфе, Мухаммада встретил ал-Аббас, наконец-то принявший здесь ислам.

Цель похода оставалась неясной. Только в ал-Джухфе, где отрядам были розданы знамена, стало ясно, что предстоит завоевание Мекки. Встав лагерем в Марр аз-Захран, в непосредственной близости от харама Мекки, Мухаммад не торопился вступать в переговоры с мекканцами даже с позиции силы и ждал посланцев из Мекки. Ал-Аббас решил опередить события и связаться с мекканцами, чтобы помочь им с наименьшими потерями выйти из создавшегося угрожающего положения.

Мекканцы также думали об этом и послали к Мухаммаду для переговоров Абу Суфйана и Хакима ибн Хизама, по пути к ним присоединился Будайл ибн Варка. Вечером они натолкнулись на ал-Аббаса, выехавшего на белом муле Мухаммада, чтобы найти человека для посылки к мекканцам. Под покровительством ал-Аббаса им удалось благополучно

добраться до палатки Мухаммада и начать переговоры. Наутро мекканским послам было предложено принять ислам. Будайл и Хаким отказались, а Абу Суфйан после некоторых колебаний согласился. Единственная привилегия, полученная за это Абу Суфйаном, заключалась в том, что его дом и все, кто в нем укроются, будут неприкосновенны. Впрочем, неприкосновенность была гарантирована всем, кто укроется в своих домах. Чтобы окончательно подавить волю мекканцев к сопротивлению, Мухаммад провел мимо Абу Суфйана все свое войско, и тот вернулся в Мекку совершенно подавленный.

Мекканцы встретили незадачливого посланца упреками и проклятиями, на которые он ответил: «Не обманывайте себя. На вас надвигается такое, с чем вам не справиться. Идет Мухаммад с десятью тысячами». Испуганные мекканцы стали искать убежище в доме Абу Суфйана или запирались в своих домах. Когда Мухаммад подтянул свою армию в Зу-Тува, город был пуст. В пятницу 21 рамадана 8/12 января 630 г. войска четырьмя колоннами с разных сторон беспрепятственно вошли в город, только правофланговой колонне Халида ибн ал-Валида, вступавшего в город с юго-запада, преградил путь отряд последних ревнителей былого величия курайшитов во главе с Сафваном ибн Умаййей, Икримой ибн Абу Джахлем и Сухайлом ибн Амром. В короткой схватке погибло полтора десятка мекканцев, а остальные разбежались. Потери мусульман составили два или три человека. В остальном вступление огромной армии в город обошлось без серьезных эксцессов, если не считать того, что с шеи младшей сестры Абу Бакра, выводившей отца на гору посмотреть на вступление войск, кто-то сорвал серебряное ожерелье. Абу Бакр напрасно пытался найти обидчика и в утешение сказал: «Эх, сестренка, смирись с утратой своего ожерелья, ей-богу, мало честности в людях в наше время». Впрочем, в этом случае претензий быть не могло, так как гарантия безопасности была дана только тем, кто укроется в домах. В дома же никто не врвался, имущество не трогал, из чего видно, как беспрекословно подчинялось пестрое племенное ополчение своему пророку.

После короткого отдыха Мухаммад в сопровождении Абу Бакра проехал через весь город вдоль строя своих воинов до Ка'бы. Любопытствующие горожане наблюдали за происходившим со склонов гор, окружающих Мекку. Совершив семикратный объезд Ка'бы, он слез с мула, совершил два земных поклона у Ка'бы, выпил воды из Замзама, поднесенной ал-Аббасом, и распорядился низвергнуть идолов, стоявших вокруг Ка'бы. Затем Ка'бу отперли, Мухаммад приказал разбить главного идола, Хубала, и стереть со стен росписи, оставив только изображение девы Марии с младенцем. В очищенном таким образом храме Мухаммад совершил молитву, а затем, встав на пороге Ка'бы, который в ту пору возвышался над землей в рост человека, обратился с речью к собравшимся перед Ка'бой мекканцам, начав ее такими словами: «Нет сегодня вам упреков! Простит вам Аллах, ведь он – милостивейший из милостивых» (Коран, пер., XII, 92). Далее он объявил об отмене всех прежних счетов кровной мести, непреднамеренное убийство (палкой, колом или кнутом) возмещается вирой в 100 верблюдов, 40 из которых стельные. Все языческие привилегии курайшитов, кроме охраны Ка'бы и снабжения паломников водой, также были объявлены аннулированными. «Аллах покончил с родовой гордостью: вы все происходите от Адама, а Адама Аллах сотворил из праха. Кто из вас благочестивее, тот и благороднее». В подтверждение своих слов Мухаммад тут же торжественно объявил, что право поить паломников водой из Замзама остается за ал-Аббасом и его родом. Ал-Аббас попробовал выговорить себе право хранить ключ от Ка'бы, но Мухаммад оставил это почетное право за прежними хранителями, родом абдаддар. Этим было подчеркнуто, что принятие жителями Мекки новой религии не меняет прежнего особого положения города и служителей культа его святынь.

Награждая достойных, Мухаммад не забыл о воздаянии виновным. Еще перед вступлением в Мекку, когда было приказано не убивать в Мекке никого, кроме тех, кто выступит с оружием, шестеро были объявлены вне закона: Абдаллах ибн Са'д, который записывал

откровения Мухаммада, а потом усомнился в нем и возвратился к язычеству; Абдаллах ибн ал-Хатал из бану тайм, которого Мухаммад послал собирать садаку, а тот сбежал с собранным скотом в Мекку; две его рабыни-певицы, распевавшие насмешливые песенки о Мухаммаде; ал-Хувайрис ибн Нукайз, грубо обошедшийся с Фатимой и Умм Кулсум, когда перехватил их на пути из Мекки в Медину; Микйас ибн Дубаба, бежавший в Мекку после того, как из мести за брата убил ансара; мавла Сара, у которой было отобрано письмо, извещавшее о выступлении Мухаммада в поход против мекканцев; наконец, Икрима, сын Абу Джахля.

Абдаллах ибн Са'д укрылся у своего молочного брата Усмана ибн Аффана, и тот, когда все успокоилось, привел его к Мухаммаду и попросил о помиловании. Мухаммаду не хотелось прощать вероотступника, но и ответить отказом на просьбу близкого и влиятельного человека тоже было трудно, и он долго молчал, ожидая, когда кто-нибудь из присутствующих убьет Абдаллаха во исполнение прежнего приказа, избавив его от трудного решения. Но никто не догадался это сделать, и Мухаммаду пришлось сказать «да». Этот эпизод показывает, насколько Мухаммад и в зените славы был связан существовавшими условностями, которые заставляли идти даже против возглашенных им принципов.

Хуза'итам было разрешено до полуденной молитвы безнаказанно свести счеты с бану бакр (ради чего формально был организован поход). Они воспользовались этим позволением, но вечером встретили на улице еще одного обидчика и убили его уже после окончания дозволенного срока. Мухаммад пришел к хуза'итам, объяснил, что ему было дозволено отменить заповедность Мекки только на короткий срок, а сейчас надо платить родичам убитого виру (дийа), которую он берет на себя.

На следующий день Мухаммад, сидя на вершине ас-Сафа, принял присягу повиновения от всех мекканцев, в том числе и от женщин. Последние должны были поклясться, что будут верить в единственность Аллаха, не будут красть, прелюбодействовать, убивать новорожденных, лгать и пренебрегать его распоряжениями (Коран, пер., LX, 12).

С разными чувствами встретили мекканцы неожиданный триумф Мухаммада. Большинство было радо благополучному исходу завоевания. Многие знатные мекканцы, опасавшиеся наказания за прежнюю вражду или не желавшие примириться с его властью поспешили покинуть Мекку.

Снисходительность Мухаммада к побежденным вызвала у ансаров подозрение, что он задабривает своих соплеменников, чтобы переселиться к ним. Мухаммаду пришлось уверить их, что не покинет их до самой смерти.

Покорение Мекки позволяло приступить к искоренению языческих верований в ее округе. Сначала было предписано уничтожить всех домашних идолов в самой Мекке, затем, утверждая свой статус верховного религиозного авторитета, Мухаммад распорядился поставить новые камни, отмечающие границу харама Мекки. Наконец, были отправлены отряды для уничтожения языческих святилищ в окрестностях Мекки. Безнаказанное уничтожение святилищ почитаемых божеств окончательно доказало превосходство ислама и могущество Мухаммада, окрестные племена последовали примеру курайшитов и хотя бы формально приняли ислам. Все же и здесь не обошлось без кровавых конфликтов.

Сражение при Хунайне и осада Таифа

Обеспокоенные успехом Мухаммада, племена хавазин и сакиф стали собирать свои силы в Аутасе (80 км севернее Таифа), чтобы нанести Мухаммаду упреждающий удар. Мухаммад стал срочно усиливать свое войско. Занял 130000 дирхемов и 100 кольчуг у мекканских богачей. К его десятитысячной армии присоединилось около 2000 мекканцев. Двигаясь навстречу друг другу, 30 января 630 г. они встретились в вади Хунайн, километрах в ста северо-восточнее Мекки. Мусульманам противостояло вдвое большее войско, к тому же молодой и горячий вождь хавазин Малик ибн Ауф для укрепления стойкости своих воинов распорядился взять с собой семьи и весь скот.

Он выстроил войско в боевой порядок: за первой линией, состоявшей из воинов, была поставлена вторая линия из женщин верхом на верблюдах, а за ними располагались стада, в боковых ответвлениях вади укрылись засады. На рассвете Мухаммад стал строить свое войско и выслал в авангард конницу под командой Халида ибн ал-Валида. На него набросились засадные отряды. Авангард не выдержал удара и побежал, увлекая за собой мекканцев. Лишь около Мухаммада непоколебимо стояла сотня мухаджиров и ансаров. Как водится, победители занялись грабежом лагеря, мусульмане восстановили порядок в своих рядах и опрокинули рассыпавшийся строй противника. Стойко держалось только племя Малика ибн Ауфа. Мусульманам досталась огромная добыча: 6000 пленных (женщин и детей), среди которых оказалась дочь бедуинской кормилицы Мухаммада, 24000 верблюдов, не менее 40000 овец и 4000 укий серебра (160 тыс. дирхемов). Все это богатство под надежной охраной отправили к Мекке, в ал-Джи'рану. Мусульманское войско пустилось за беглецами, основные силы во главе с Мухаммадом осадили Таиф. Осада Таифа оказалась делом непростым: основная часть города находилась на горе и была обнесена каменной стеной, которую невозможно было одолеть без осадных орудий. Таифцы держались уверенно и непримиримо, отвергали все попытки переговоров и даже убили парламентаря. Пришлось браться за осаду всерьез. Лагерь окружили рогатками, привезли катапульту и соорудили несколько «черепах», больших кожаных щитов, чтобы под их прикрытием вести подкоп. Таифцы забросали их раскаленными железными лемехами, «черепахи» загорелись, выскочившие из них мусульмане понесли потери от стрел. Мухаммад в отместку приказал вырубить виноградники вокруг Таифа – главное богатство горожан, но среди его сподвижников это распоряжение вызвало неодобрение, и приказ был отменен. Не принесло особого успеха и обещание освобождения рабам, которые перейдут на сторону мусульман: бежать удалось только десятерым. Один из них, спустившийся с помощью колодезного блока (бакра) и получивший прозвище Абу Бакра, стал мавлой Мухаммада. Мусульмане пришли в уныние, когда стало ясно, что осада Таифа сулит только тяготы, и в войске Мухаммада начался разброд. Мухаммад понял, что от взятия Таифа придется отказаться, и на двадцатый день снял осаду. Мусульмане понесли под Таифом серьезные потери. Общее число убитых не указывается, но показательно, что в битве при Хунайне погибло лишь четыре мухаджира и ансара, а при осаде Таифа – двадцать.

Однако печальный исход осады с лихвой компенсировался добычей, которая ждала возвращавшихся в ал-Джи'ране. После выделения хумса каждому участнику сражения досталось в пересчете на скот по 4 верблюда или 40 овец. Большой объем хумса позволил Мухаммаду широко одарить мекканскую аристократию и заглушить последние остатки ее сожалений об утрате независимости. Абу Суфйан получил 100 верблюдов и 40 укий серебра, по столько же – его сыновья Йазид и Му'авийа, кроме них по 100 верблюдов получили еще 8 курайшитов (а еще 5 – по 50) и вожди других племен тоже по 50. Все одаренные получили в мусульманской историографии название му'аллафа кулубихим («те, сердца кото-

рых стали дружественными», или, лучше, «прирученные»). Это название, употребленное Мухаммадом, точно передает суть дела. Сотня верблюдов для подавляющего большинства была более убедительным аргументом в пользу нового вероучения, чем самое тонкое логическое построение. Пленные в раздел не поступили, так как в таких случаях полагалось предоставить сородичам возможность выкупить их. Лишь несколько женщин, приглянувшихся кое-кому из верхушки, были сразу подарены им, да Мухаммад отпустил свою молочную сестру.

Прибывшие для переговоров делегаты хавазин, среди которых оказался и брат кормилицы Мухаммада, заявили, что они и те, кого они представляют, приняли ислам. Глава делегации напомнил о родстве через кормилицу. Мухаммад оказался в трудном положении: освобождение пленных, цена которых была не меньше всей остальной добычи, могло вызвать недовольство воинов. Отказ их освободить означал бы невозможность примирения с могущественным племенем. Мухаммад предпочел приобрести могущественного союзника и освободил пленников. Он пошел еще дальше: предложил сообщить Малику ибн Ауфу, отсиживавшемуся в Таифе, что если он примет ислам, то получит обратно свою семью и имущество, и 100 верблюдов в придачу. Малик не мог устоять перед такой поистине царской щедростью и, тайно покинув Таиф, предстал перед Мухаммадом, который будто бы одарил его кроме обещанного титулом «царя» бану хавазин. Его переход на сторону Мухаммада подорвал позиции сакифитов, и падение Таифа стало неизбежным.

Из этого дождя подарков, которыми Мухаммад осыпал прежних врагов ислама, ни одна капля не досталась верным сынам ислама – ансарам, которые стали поговаривать, что когда надо сражаться, то они нужны, а как раздавать подарки – все достается курайшитам. Если это основывается на откровении, то они готовы смириться, а если это исходит от самого Мухаммада, то они потребуют возмещения. От лица всех ансаров эти претензии изложил Мухаммаду Са‘д ибн Убада. Недовольство верной гвардии обеспокоило Мухаммада; он собрал ансаров в одной из оград, где недавно содержались пленные, и обратился к ним с прочувствованной речью. Он сказал, что помнит, чем он им обязан, что чувствует себя одним из них, и, наконец, задал коварный вопрос: с чем им больше хотелось бы вернуться – со скотом или с посланником Аллаха? Все закричали: «Хотим быть с тобой, о посланник Аллаха, и в счастье, и в несчастье». Мухаммад призвал милость Аллаха на всех ансаров, их детей и внуков, ансары расчувствовались («бороды их промокли от слез»), и обе стороны разошлись примиренными. Интересно, что, улаживая конфликт с ансарами, Мухаммад не пытался оправдать свои действия ссылкой на данное ему откровение, а ограничился обычными методами убеждения, из чего можно заключить, что он не фабриковал «откровения» в случае необходимости, а формулировал в них свои мысли, находясь в каком-то особом психическом состоянии.

В Мекке Мухаммад вспомнил свою старую любовь, дочь Абу Талиба, Факиту и предложил ей стать его женой (ее муж бежал, не желая принять ислам). Она ответила «Ей, богу, я любила тебя во времена язычества, а уж как [люблю] при исламе! Да только я женщина с малыми детьми и боюсь, что они будут тебе мешать».

Устранив все затруднения, Мухаммад позволил себе войти в Мекку простым паломником. До этого все полмесяца пребывания в Мекке он носил обычную одежду и краткой молитвой в два рака‘ата подчеркивал, что считает себя находящимся во вражеском стане. Теперь он облекся в ихрам, совершил трехкратный обход Ка‘бы, семь раз проехал от ас-Сафа до ал-Марвы, обрил голову у ал-Марвы в знак окончания паломничества и в тот же день через ал-Джи‘рану и Сариф двинулся в обратный путь. 18 или 19 марта Мухаммад со всем войском прибыл в Медину. В Мекке был оставлен наместник (он же предстоятель на молитве) и наставник в вере, оба из курайшитов.

В Медине Мухаммада ждало радостное событие – египетская невольница родила ему долгожданного сына, которого он не дождался от десяти своих жен после Хадиджи. Он

выбирал этих жен из уже рожавших вдов и разведенных, надеясь, что они не бесплодны. Сын получил необычное для арабов имя Ибрахим, в честь Ибрахима, которого Мухаммад признал родоначальником ислама.

Конечно, остальные жены возненавидели счастливцу. Особенно злилась Аиша. Она сама потом признавалась: «Ни одну из женщин я так не ревновала, как Марию, из-за того, что она была красива, с курчавыми волосами, и посланник Аллаха восхищался ею, и был дан ему от нее сын, а нам не было дано». Можно понять, что когда однажды Мухаммад, любуясь сыном, сказал Аише: «Смотри, как похож [на меня]», то она буркнула в ответ: «Не вижу сходства». Большая семья Мухаммада в том виде, в каком она сложилась к 629 г., просуществовала без изменений до его смерти.

Зарождение государственности

После завоевания Мекки и принятия ислама всеми племенами от Вади-л-Кура до Таифа мусульманская община, умма, постепенно начинает превращаться в государство. Принятие ислама и признание Мухаммада посланником Аллаха не меняло структуру племенной организации и отношений зависимости внутри племени, не привело к зарождению хотя бы примитивного административного аппарата. Появился лишь один новый элемент, не свойственный племенной организации, – налог.

Налоги в форме дани не были совершенно неизвестны кочевникам Аравии, они были первым признаком зависимости от всех государственных образований, в которые они входили, будь то княжества Киндитов, Лахмидов, государства Южной Аравии, или могущественных племен, подчинявших своих слабых соседей. Выплата дани сочеталась с представлением об унижении, частичном лишении независимости, господстве одного племени над другим.

Мухаммад в своей проповеди не касался вопросов организации государства, ограничиваясь сферой морали. Нет в Коране и определенных упоминаний необходимости налогового обложения. Это не случайно – Мухаммад был сторонником свободной беспошлинной торговли. И в то же время как глава общины, призванный не только наставлять свою паству, он во исполнение собственной же проповеди должен был материально поддерживать несостоятельных членов общины. Благотворительность и взаимная поддержка были развиты в ранней общине мусульман. Мы видели, что сам Мухаммад некоторое время жил добродетельными даяниями своих сподвижников.

Благотворительность, добродетельные даяния как средство получить благоволение Аллаха и «обелить» свое богатство ставятся в Коране на второе место после молитвы. Они выражаются в нем двумя терминами: закят и садака. Первый из них явно происходит от еврейского закят, что подтверждается даже самим написанием слова. В мекканских проповедях Мухаммад употреблял его в смысле «благочестие», «праведность». И только в Медине понятие закят приобретает терминологическую определенность, означая особую религиозную обязанность, благочестивое пожертвование.

Неопределенность и слабая датированность упоминаний заката в Коране не позволяют сказать, когда добровольное даяние превратилось в регламентированную религиозную обязанность отдавать часть дохода в общинную кассу. Обязанность устраивать праздничные трапезы после окончания рамадана (акат ал-фитр) традиция связывает с первым постом в рамадан 2 г. х. Однако от праздничного угощения, вполне в племенных традициях, еще далеко до обязательных отчислений.

Наряду с закатом в смысле благочестивой милостыни или благого даяния в Коране употребляется (хотя и несколько реже) термин садака в более узком смысле добровольного даяния, но тоже как индивидуальной милостыни: «Не делайте недействительными ваши милостыни (садакат) попреком и обидой» (Коран, II, 264/266); неискренняя милостыня не засчитывается Аллахом, а те, которые расходуют свои богатства на благие дела, добываясь благоволения Аллаха, «подобны саду на холме, который оросил дождь, и он принес плоды вдвойне» (Коран, II, 265/267).

Садакой назывались также раздачи из общественного фонда, образованного пятиной из добычи. Так, в ответ на упреки в несправедливой раздаче добычи, захваченной при Хунайне, Мухаммад объявил: «Среди них есть и такие, что клеветают на тебя за садаку. Когда им дают что-нибудь из нее, они довольны, а если им ее не дали, так вот, они и сердятся» (Коран, IX, 58). Далее разъяснялось: «Ведь садака для бедняков, нищих, для занимающихся ею, и тех, сердца которых привлечены, для выкупа рабов, и должников, и

[сражений] на пути Аллаха, и для путников – по установлению Аллаха. Аллах знающий, решающий!» (Коран, IX, 60). Только здесь, в самой поздней суре Корана, слово садака приобретает конкретное специализированное значение общественного фонда и раздач из него.

Впервые организованный сбор садаки начался после завоевания Мекки и возвращения Мухаммада в Медину. Закат или садака стал пятым «столпом религии» (аркан ад-дин), обязанностью мусульманина, без которой он не считался верующим наряду с признанием единственным божеством Аллаха и Мухаммада его посланником, пятикратной молитвой, постом в рамадане и обязательностью совершения хаджжа. 1 мухаррама 9 / 20.IV 630 г. сборщики садаки были разосланы во все племена, принявшие ислам. Они стали первыми звеньями рождающегося государственного аппарата. Как ни странно, никаких предписаний относительно размера садаки в Коране не имеется. В повествовательных источниках, начиная с 9 г. х., садака упоминается как первое условие правоверия всюду, где идет речь о принятии ислама, но размеры ее не указываются.

Если предполагать, что они были близки к каноническим нормам, известным нам по более позднему времени (1/40 имущества), то речь должна была идти о тысячах голов верблюдов и десятках тысяч голов овец. Их охрана и выпас сами по себе стали непростой задачей. Для этих целей была использована древняя система заповедных земель, хима. Для выпаса боевых коней и верблюдов были выделены специальные заказники. Сборщики садаки нередко сталкивались с враждебностью и даже с вооруженным сопротивлением. Многие из тех племен, которые согласились принять ислам, совсем не желали ради этого расставаться с частью собственности. Но в конце концов авторитет Мухаммада заставлял смириться с неизбежностью этой обязанности, но до полного торжества ислама Мухаммеду пришлось предпринять еще несколько военных акций, из которых более значительным был поход Али в июне 630 г. на восток от Медины в земли племени тайй с целью уничтожения святилища божества Фалс. Али разрушил святилище, захватил богатую добычу и привез в дар Мухаммаду три превосходных меча.

Поход на Табук

В разгар лета 630 г. сирийские торговцы принесли в Медину слух, что Ираклий готовит огромное войско для нападения на Аравию, и сирийские арабы собрались в Заиордании. В ответ Мухаммад стал собирать армию для нанесения упреждающего удара. Подготовка к походу требовала значительных средств, а садака, собранная в начале года, была или уже истрачена, или недостаточна. Поэтому Мухаммад обратился с призывом жертвовать, кто что может, для снаряжения армии. Абу Бакр отдал последние остатки своего состояния, вывезенного из Мекки, Умар – половину того, что имел, а самый богатый из мухаджиров, Абдаррахман ибн Ауф – 8 тыс. дирхемов, Усман будто бы снарядил за свой счет треть армии. Сборы начались, видимо, еще в начале сентября, в сильную жару. Перспектива отправляться в дальний поход по такой жаре не вызывала большого энтузиазма. Многие отпрашивались от похода под разными предлогами. Это отразилось даже в Коране. Мухаммад напомнил им, что адское пламя еще жарче (Коран, IX, 82).

Когда собранная с большими усилиями армия подошла к Табуку, то выяснилось, что известие о готовящемся походе византийцев на Медину ложно. Жители Табука сдались без сопротивления и обязались выплачивать подушную подать (джизья). Став лагерем в Табуке, Мухаммад разослал гонцов в соседние оазисы, а Халида ибн ал-Валида с отрядом из 420 кавалеристов послал на покорение Думат ал-Джандал (ныне Эль-Джауф). Ее правитель Укайдир, захваченный врасплох, вынужден был сдаться, отдав в виде дани 2000 верблюдов, 800 рабов, 400 кольчуг и 400 копий. Самого Укайдера и его брата Халид доставил к Мухаммаду, и Укайдир заключил с ним договор, по которому Укайдир и его подданные принимали ислам, уступали Мухаммаду в виде добычи 1/3 земель, обязывались уплачивать 1/10 урожая фиников и садаку (видимо, со стад). Взамен они получали гарантию неприкосновенности земель и стад, остававшихся в их собственности.

Затем в Табук явились епископ Айлы (Эйлата) Иоанн и представители Макны, Джарбы и Азруха, городков по берегу Акабского залива, также заключившие мирные договоры. Их условия были различны. Жители Айлы облагались подушной податью в 1 динар в год со взрослого мужчины (всего 300 динаров), жители Джарбы и Азруха – по 100 динаров в год, а жители Макны должны были отдавать 1/4 улова, урожая и пряжи. Взамен они получали покровительство (зимма) Аллаха и его посланника, полную гарантию безопасности и свободного отправления своего культа. Это первый достоверный случай договора с иноверцами, оставлявший за ними свободу вероисповедания при условии выплаты подушной подати.

Делегации племен

Мухаммад пробыл в Табуке 20 дней и вернулся в Медину к началу рамадана (середина декабря 630 г.). Вскоре после этого в Медину прибыла делегация сакифитов из Таифа. После осады сакифиты были очень враждебно настроены против ислама, но со временем пришло понимание, что не смогут просуществовать в мусульманском окружении и сохранить свою собственность.

Сакифиты сообщили, что готовы принять ислам, признать Мухаммада посланником Аллаха и покончить с поклонением ал-Лат, а взамен желали признания долины вади Ваджж харамом, сохранения права получать проценты (что было запрещено Мухаммадом) за ссуды и пить вино, платить не десятину, а только садаку, не участвовать в войнах за веру, не класть земные поклоны при молитве и сохранить статус ал-Лат еще на год. Мухаммад легко согласился на удовлетворение экономических требований, но просьба отменить земные поклоны (руку') вызвала решительное возражение. «Нет молитвы без земного поклона», – ответил им Мухаммад. После долгих переговоров наконец было решено, что долина Ваджжа объявляется хима сакифитов: иноплеменникам запрещалось охотиться и рубить деревья, но участки обрабатываемых земель, принадлежавшие курайшитам, оставались за ними с условием выплаты сакифитам половины урожая; прежние долги можно получить с процентами, но более ссуду под проценты не давать, налоги пока было разрешено не платить (в год заключения договора (?)). Относительно святилища ал-Лат сакифиты получили единственную льготу – не разрушать его собственными руками, для этого были посланы ал-Мугира ибн Шу'ба и Абу Суфйан, но последний показал себя плохим мусульманином: предпочел отсидеться в своем саду под Таифом, предоставив ал-Мугире одному справляться с этим опасным заданием. Вопреки ожиданиям разрушение святилища не вызвало открытой враждебности сакифитов.

В то же время, когда шли переговоры с сакифитами, в Медину прибыли делегации от кайлей различных районов Йемена, что свидетельствовало о признании авторитета Мухаммада даже в Йемене, находившемся до тех пор в стороне от его сферы деятельности. За ними последовали другие племена Йемена. До весны 631 г. Медину посетило несколько делегаций от племен Центральной Аравии, из Бахрейна и Йамамы. На последней стоит остановиться подробнее.

Этой делегации средневековые авторы уделяют особое внимание из-за присутствия в ней Абу Сумама Муслима ибн Кабира, уничижительно называемого Мусайлимой, который тоже претендовал на пророчество и призывал поклоняться ар-Рахману. Он будто бы согласился принять ислам с условием, что после смерти Мухаммада власть перейдет ему. Мухаммад проклял его, и делегация уехала из Медины. Но сообщается, что один из руководителей делегации, Раххал, принял ислам и даже выучил часть Корана.

Хаджж Абу Бакра

Минул год с тех пор, как Мухаммад победителем совершил паломничество в Мекку, всячески подчеркивая при этом, что не покушается на привилегии мекканской верхушки и не отнимает у мекканцев прежних выгод от паломничества, сохраняет прежний обряд, лишь очищая его от скверны идолопоклонства. Теперь предстояло сделать последний шаг на пути полной исламизации культа Ка'бы. Как мы видели, оба паломничества Мухаммада совершались не в период большого хаджжа и каждый раз в отсутствие паломников-немусульман, видимо из опасения столкновений с ними. Теперь положение изменилось, и он решил организовать посещение Мекки во время большого хаджжа в зу-л-хиджжа, лишний раз демонстрируя возросшее могущество ислама. И все-таки полной уверенности в своих силах еще не было, потому что Мухаммад не сам возглавил паломничество, а поручил это Абу Бакру.

Караван из 300 паломников со стадом жертвенных животных выступил из Медины без всякой торжественной речи Мухаммада. Конкретные наставления относительно обряда паломничества были даны лично Абу Бакру. Но через день или два Мухаммад вдруг послал вдогонку им Али с текстом нового откровения, который он должен был огласить в Мина. Абу Бакр совершил обычный обход Ка'бы, а на следующий день посетил со своими спутниками места паломничества от Мина до Арафата, делая остановки в иное время и в ином порядке, чем это практиковалось до тех пор. Наконец, в Мина во время жертвоприношения Али огласил новое откровение Мухаммада (Коран, IX, 1–5, 28) и разъяснил, что ни один многобожник не войдет в рай, что ни один из них не будет допущен к Ка'бе в следующем году; все договоры Мухаммада с неверующими остаются в силе, а остальным предоставляется четыре месяца отсрочки, после чего им объявляется война.

Этой декларацией Мухаммад впервые объявил войну язычеству в Аравии. До сих пор он считал ислам делом совести каждого, убеждал принять ислам, но не заставлял. Даже в Медине, как мы видели, долго оставалось много немусульман. Запрет жениться на язычниках не означал объявления язычников вне закона. Прибытие делегаций различных племен, изъявляющих желание принять ислам, не означало принятия его всеми соплеменниками, а было прежде всего политическим актом. Только теперь Мухаммад ощутил себя в состоянии заставить принимать ислам (по крайней мере тех, кто поклонялся Ка'бе). Нужно отдать должное политическому и дипломатическому такту Мухаммада. Решительно выступив против язычников, он не начал немедленного истребления их в зоне досягаемости, а предоставил длительную отсрочку для раздумий, возможность для племенной аристократии принять ислам и признать власть пророка по самостоятельному решению, а не силой оружия.

Следующим шагом в обособлении ислама как совершенно самостоятельной религии стало размежевание с «людьми Писания», иудеями и христианами, религии которых до тех пор пользовались уважением Мухаммада. По-видимому, после завершения хаджжа 9 г. х. появились айаты, призывающие бороться с ними, как с язычниками: «Сражайтесь с теми, которые не уверовали в Аллаха и в последний день, и не считают запретным то, что запретил Аллах и его посланник, и не исповедуют религию истины, – с теми, кому было дано Писание, до тех пор пока они не отдадут своими руками джизйу, будучи униженными... Они сделали своих книжников и монахов своими божествами кроме Аллаха, и Мессию, сына Марии, хотя им было повелено поклоняться только богу единому, кроме которого нет божества» (Коран, пер., IX, 29, 31).

В Медину то и дело прибывали посланцы различных племен и групп, изъявляя покорность и принимая новую веру. Одновременно с той же целью были посланы отряды в горную часть Йемена. Несколько позже отряд в 400 человек во главе с Халидом ибн ал-Валидом был послан для обращения в ислам в область Наджрана. Обращение произошло без сраже-

ний, и Халид вернулся вместе с делегацией бану ал-харис в Медину в конце шавваля / конце января 632 г.

Важнейшим этапом на пути исламизации Йемена было заключение договора с Наджраном, крупнейшим торговым и политическим центром Северного Йемена. Для переговоров в Медину прибыла делегация из 14 человек, во главе которых стояли вождь киндитов Абдалмасих и епископ Наджрана. Мухаммад принял делегацию в мечети и предложил перейти в ислам, но наджранцы сопротивлялись этому. Наконец, после долгих споров, Мухаммад сказал: «Раз вы отвергаете то, что я вам предлагаю, то давайте проклянем друг друга». На следующий день Абдалмасих предложил: «Зачем нам проклинать друг друга? Наложим на нас какую хочешь [дань], и заключим договор».

Текст этого договора, по-видимому, близкий к подлиннику, мы приводим ниже.

«Во имя Аллаха милостивого, милосердного!»

Это то, что написал пророк, посланник Аллаха Мухаммад, наджранцам, когда ему принадлежало право решать о (судьбе) любого плода, и желтого (золота), и белого (серебра), и черного (?), и любого раба (ракик). Но он оказал им милость и оставил (им) это (за) две тысячи одежд (хулла), каждая ценой в укийу; в каждый раджаб – тысячу одежд, и в каждый сафар – тысячу одежд, каждая одежда – в укийу.

Если одежды, которыми платят харадж, будут ценой больше укийи или меньше ее, то тогда – согласно пересчету; а что предложат взамен из кольчуг, коней, верблюдов и снаряжения, то будет принято согласно пересчету.

На наджранцев возлагается постой моих посланцев в течение месяца и меньше, но не будут они содержать их более месяца. На них обязанность – ссудить тридцать кольчуг, тридцать лошадей и тридцать верблюдов, если в Йемене случатся предательские козни. И все, что пропадет из того, что возьмут на время мои посланцы, то это гарантировано и будет им возмещено.

Наджран и его округа получают покровительство Аллаха (дживар Аллах) и опеку Мухаммада, пророка, посланника Аллаха, над самими жителями, над их религиозной общиной, над их землями и скотом, над отсутствующими из них и присутствующими, и над их караванами, и над храмами их, и над изображениями. Не будет изменено положение, в котором они были, не будет изменено ничто из принадлежащих им обычаев и изображений, не будет лишен ни один из епископов своего сана, ни один из монахов своего монашества, ни один из священников из священничества своего того, чем он обладал, большого или малого.

С них снимаются тяготы (-долги ростовщикам) и плата за кровь джахилийского времени; с них не будет набора в войско и десятины, и не ступит войско на их землю. Кто же из них потребует свое законное, то (должно быть) между ними по справедливости, чтобы не было ни обижающих, ни обиженных в Наджране. Если кто из них возьмет лихву за прошлый долг, то с него снимается моя опека. И не будет отвечать никто из них за зло, (которое совершил) другой.

На основании того, что в этой грамоте, им даны покровительство Аллаха и опека Мухаммада, пророка, навечно, пока не придет (срок) решения Аллаха. Пока они искренни и соблюдают это, не будет им никакого притеснения.

Свидетельствовали: Абу Суфйан ибн Харб, Гайлан ибн Амр, Малик ибн Ауф ан-Насри, ал-Акра ибн Хабис ал-Ханзали и ал-Мугира, и написал (Али ибн Абу Талиб)».

Этот договор явно касался только самого города Наджрана, поскольку джизья (названная здесь хараджем) уплачивалась не продукцией земледелия или скотоводства, а одеждой, изготавливаемыми в городе. После этого добровольно принял ислам и сасанидский наместник Йемена Базан. Упорно сопротивлялось исламизации только могущественное йеменское племя масхидж. Против них был послан Али ибн Абу Талиб с отрядом в 300 всадников. Потерпев поражение в бою, масхиджиты приняли ислам.

«прощальное паломничество»

Принятие ислама почти всеми племенами Аравии после паломничества Абу Бакра позволило Мухаммаду впервые возглавить чисто мусульманский большой хаджж в зу-л-хиджжа. Мухаммад взял с собой всех жен и гнал 100 верблюдов для жертвоприношения. Караван выступил из Медины в субботу 25 зу-л-ка‘да 10/25 января 632 г. и на девятый день, во вторник утром 5 зу-л-хиджжа/3 февраля, вступил в Мекку. Он совершил обход Ка‘бы и ритуальный бег между ас-Сафа и ал-Марвой и накрыл Ка‘бу покрывалом. В четверг, совершив семикратный обход Ка‘бы, Мухаммад со своими спутниками поехал в Мина, пробыл там до захода солнца, двинулся оттуда к Арафату и пробыл там до захода солнца. Прежде Арафат посещали все племена, почитавшие Ка‘бу, кроме курайшитов, которые считали это ниже достоинства постоянных обитателей священной территории. Включив обязательное посещение Арафата в мусульманский обряд паломничества, Мухаммад сделал шаг в сторону сближения обрядов всех племен, почитавших святыни района Мекки.

В Мина Мухаммад лично забил 36 жертвенных верблюдов и наголо обрился в знак завершения паломничества. После жертвоприношения и полуденной молитвы Мухаммад обратился к паломникам с речью, разъясняющей основные установления ислама, которая является более пространством вариантом речи в Мекке после ее завоевания. Мухаммад будто бы начал ее словами: «Эй, люди! Слушайте мою речь! Я ведь не знаю, может быть, я не встречу вас никогда больше на этом месте после этого года!», которые дали основание называть это паломничество «прощальным». Далее он напомнил, что жизнь и собственность мусульман неприкосновенны (харам), что ростовщичество запрещается, отменяются доисламские счета кровной мести: все мусульмане – братья друг другу и должны заботиться о взаимном благе. В году должно быть только 12 месяцев по 29 и 30 дней, вставные месяцы – грех; следует стеречься возрождения поклонения шайтану в святых местах. Супруги несут взаимные обязанности относительно друг друга, жены не должны пускать в свою постель чужих мужчин, муж имеет право побить за это свою жену (но не опасно) или временно отказать ей в сношениях. Жены находятся в полной власти мужей, которые за то должны о них заботиться. В заключение Мухаммад призвал не отступаться от истинной веры и после его смерти. К сожалению, Коран здесь также не может быть подспорьем.

Важно понять, действительно ли Мухаммад считал свою речь прощальной, или же такой характер она приобрела у передатчиков, естественно воспринимавших ее после смерти Мухаммада как прощальную. Даже у некоторых современных исследователей проскальзывает тенденция видеть в ней предчувствие близкой кончины.

Однако физически Мухаммад во время хаджжа был совершенно здоров, не давал себе никакой поблажки, спал под открытым небом, отдыхал, прислоняясь к скале, и т. д. Труднее сказать, что было у него на душе: в начале июля полутора лет от роду после болезни умер любимый и единственный сын, с которым связывались все его надежды. Мухаммад тяжело переживал эту утрату, и когда сподвижники, утешая его, сказали, что уж он-то лучше других знает истину, что все возвратятся к Аллаху, то он ответил: «Глаза плачут, и сердце тоскует». Возможно, это горе надломило Мухаммада, и он стал чаще думать о своей смерти, что и прорвалось в проповеди.

Мухаммад со своими сподвижниками не стал задерживаться в Мекке и сразу после окончания обрядов хаджжа отправился в обратный путь.

Соппротивление «лжепророков»

Легкий успех распространения ислама после завоевания Мекки объяснялся не военно-политическими причинами, а тем, что Мухаммада признавали носителем воли высшей божественной силы. Серьезное сопротивление возникало только там, где появлялись другие претенденты на роль пророков. В начале 10/631 г. восстание мазхиджитов, возмущенных необходимостью отдавать часть скота в виде садаки, возглавил один из их кахинов (прорицателей) Абхала по прозвищу ал-Асвад, проповедовавший от имени ал-Рахмана. На десятый день восстания ал-Асвад занял Наджран, а на 25 день вступил в столицу Йемена Сан'а. Ее правитель Шахр, сын Базана, пал в бою, и ал-Асвад поселился во дворце и женился на вдове Шахра. Сборщики садаки бежали из Йемена. Мухаммад также не мог набрать войско, достаточное для покорения Йемена. Ему оставалось только действовать дипломатическим путем, рассчитывая на разногласия, которые неминуемо должны были возникнуть в пестром лагере ал-Асвада.

Не лучше складывалась ситуация и в Йамаме, отсекавшей от Мухаммада Бахрейн и Оман, принявшие у себя его посланцев. В ней также поднялась оппозиция исламу на почве монотеистического учения, пророком которого был уже упоминавшийся Мусайлима. Вероятно, до этого Мусайлима, претендовавший на то, что он является рупором какой-то высшей силы, не имел особого успеха у соплеменников, пока не появилась угроза утраты независимости и когда свой пророк-соплеменник представился надежным средством противостоять претензиям курайшитов (Мухаммада воспринимали как проводника интересов курайшитов).

Об учении Мусайлимы мы знаем только по карикатурному изображению его мусульманскими авторами, приписывающими ему пародирование Корана, разрешение своим последователям всего, что запрещалось исламом. Как и Мухаммад, Мусайлима впадал в состояние транса, и появлявшиеся в этом состоянии словесные и зрительные образы принимал за откровения, ниспосылаемые ар-Рахманом. Оплотом Мусайлимы была восточная Йамама, где находилось его родное селение Хаддар, отсюда в последние годы он перебрался в ал-Хаджр, столицу Йамамы. По не вполне бесспорным сведениям, Мусайлима в конце 10 г. х. направил Мухаммаду послание с предложением разделить Аравию пополам, но Мухаммад с гневом отверг его.

В то же время с претензией на пророчество в районе между Мединой и Йамамой выступил асадит Талха ибн Халид, пренебрежительно называемый Тулайхой ибн Хувайлидом.

Кончина Мухаммада

В этой трудной ситуации Мухаммад вместо того, чтобы отправить подкрепление в районы напряженности начал собирать войско для похода в Заиорданье, чтобы отомстить жителям Муты за гибель Зайда. Видимо, распоряжение о походе на Муту было чисто эмоциональным: Мухаммад чувствовал ухудшение здоровья, еще незаметное для окружающих, и решил, пока не поздно, сквитаться с убийцами своего любимца Зайда.

Через два дня после приказа о походе Мухаммаду стало плохо, начались головные боли и лихорадка. Но он еще держался: руководил молитвой и даже соблюдал очередность посещения жен. Затем, видимо, начали отказывать почки, так как к головным болям и лихорадке прибавился еще отек ног, он не мог передвигаться без посторонней помощи и стал терять сознание. Мухаммад стойко переносил страдания, уверенный, что через них он войдет в вечную жизнь без грехов, и не позволял себя лечить. Когда же Маймуна во время обморока дала ему какое-то лекарство, то он, очнувшись, заставил ее съесть оставшееся.

Наиболее достоверные сведения о последних днях пророка мы узнаем из рассказов Аиши, к которой напоследок перебрался Мухаммад, извинившись перед остальными женами.

Утратив возможность руководить молитвой, Мухаммад поручил обязанности имама Абу Бакру. Естественно, что сподвижники пророка в этой обстановке не торопились выступать в поход, тем более что многие не хотели подчиняться 19- (или 17-) летнему юнцу, Усаме ибн Зайду, назначенному командовать походом. Когда Мухаммад узнал об этом, то нашел силы выйти в мечеть и публично осудить противников назначения Усамы. Это напряжение совершенно истощило Мухаммада. Когда на следующий день, в воскресенье, Усама с некоторыми участниками похода пришел его навестить, Мухаммад не мог говорить, а только положил ему руку на голову. Наутро Мухаммаду стало значительно лучше. Он даже вышел к утренней молитве, сидел рядом с Абу Бакром и, как сообщают некоторые, произнес короткую речь, в которой призвал помнить о потустороннем наказании и о том, что он разрешал им и запрещал только то, что разрешено и запрещено Кораном.

Поворот к выздоровлению всех обрадовал. Усама отправился в лагерь поднимать войско в поход, Абу Бакр поспешил к своей семье в другой конец города, а жены пророка начали прихорашиваться. Аиша, которая, по ее словам, никогда не видела, как умирают, осталась с Мухаммедом. Он попросил ее помочь ему сесть. «Я посадила его так, чтобы он опирался на меня, и положила на него руку. Голова его повернулась, и моя рука упала с нее, изо рта его мне на грудь упала холодная капля, и он повалился на постель. Мы прикрыли его тканью. Тут пришел Умар и попросил разрешения войти, а с ним ал-Мугира ибн Шу'ба, я им разрешила и накинула на себя покрывало. Умар сказал: "О посланник Аллаха!" Я сказала: "Уже час, как у него обморок". Умар открыл его лицо и сказал: "Да, это самый сильный обморок, какой был у посланника Аллаха" – и закрыл его. А ал-Мугира ничего не сказал и, только дойдя до порога, промолвил: "Умер посланник Аллаха, да благословит его Аллах и да приветствует, о Умар!" Умар ответил: "Врешь! Не умер посланник Аллаха и не умрет, пока не получит повеления истребить лицемеров. А ты – человек, преследуемый соблазном". Пришедший в это время Абу Бакр подтвердил правоту ал-Мугиры». Этот рассказ подкупает достоверностью деталей, отсутствием патетических предсмертных сцен и поучительных наставлений и завещаний, которые позднее появились в рассказах других лиц. Как ни странно, но у мусульманских историков нет единства в отношении даты смерти пророка. Одни называют понедельник 1 или 2 раби I, другие – 12 раби I 11/8 июня 632 г., отмечая, как особую печать святости, что он умер в тот же день, что и родился. Видимо, более достоверна вторая дата, в которой совпадают число и день недели, который все сторонники разных дат называют одинаково.

Так кончил свои дни основатель новой религии, не претендовавший на сверхчеловеческие способности и чудеса, которые были потом приписаны ему его последователями в следующих поколениях.

Мухаммад оставил своим преемникам достаточно индивидуализированную и законченную религиозную систему, включающую все необходимое для самостоятельного религиозного учения, от общей концепции взаимоотношений человека и бога до четко регламентированной обрядности, выраженных на родном языке верующих в привычной для них системе образов и представлений. Но дальнейшее развитие общины его последователей могло пойти по-разному: стать религией обитателей Аравийского полуострова или, как это и произошло, выйти за его пределы и стать одной из трех мировых религий.

Однако ни один из этих путей не был задан сущностью самой религии: как религиозное учение ислам в диспуте на равных вряд ли смог бы вытеснить христианство, располагавшее мощным арсеналом античной философии и логики, поставленных на службу теологии. Монотеизм в аравийском варианте, удобный для восприятия обитателями Аравии, отнюдь не был столь же близок людям стран древних цивилизаций. Чтобы пойти по пути экспансии за пределы Аравии и преуспеть в ней, ислам должен был стать государственной религией.

Мухаммад положил начало созданию новой надплеменной общности, не связанной с подчинением одного племени или области другим племенем (хотя многие племена все-таки расценивали принятие ислама как подчинение курайшитам), скрепленной внутренним сознанием необходимости принадлежать к этой общности. Но это еще не было государством с организованной финансовой системой, административным аппаратом и армией. Никаких предписаний относительно руководства мусульманской общиной как государственным образованием не существовало, было несколько разрозненных прецедентов и политический опыт языческих племен, который еще надо было переосмыслить в духе новых идей.

Религиозно-политическое объединение племен и областей Западной Аравии, сложившееся в 630–631 гг., было скреплено прежде всего личностью Мухаммада, присягами, которые приносили ему, лично ему, а не общине, отдельные лица и вожди племен. Принятие новой религии для большинства ее последователей было формой вступления в новый политический союз, глава которого обладал особым, отсутствующим у других вождей, исключительным могуществом. Признание этого облегчало Мухаммаду создание новой общности, но в признании этой исключительности таилась ее слабость – с исчезновением носителя этого могущества исчезали и прежние связи, и обязательства.

Преемнику Мухаммада предстояло сохранить эту общность, созданную религиозным вдохновением, политическими методами.

Глава 5. Рождение халифата и борьба с отступничеством

Выборы первого халифа

Невероятность события – смерть посланника Аллаха, как обычного человека, должна была потрясти всю мединскую общину. Пока послали за Абу Бакром и тот пришел, новость уже распространилась, и в мечети собралось немало народу. Умар стал поносить «лицемеров», поверивших в смерть пророка, и убеждать, что он только на время призван к Аллаху и вернется к общине, как Моисей.

Абу Бакр, вышедший из комнаты Аиши, остановил его и обратился к присутствующим: «О люди! Кто поклонялся Мухаммаду, так [знайте, что] он умер, а кто поклонялся Аллаху – так он вечен и не умрет». И продекламировал: «А Мухаммад – только посланник, до которого были посланники. Неужто, если он умрет или будет убит, вы повернете назад? Кто поворачивает назад, ничем не повредит Аллаху, а благодарным – Аллах воздаст».

Эти слова обнажили ужасную истину – община неожиданно осталась без вождя. Страх перед всеведущим Аллахом не позволил ближайшим сподвижникам Мухаммада измыслить его завещание относительно преемника, а может быть, они просто были так поражены неожиданной бедой, что в первый момент даже и не думали об этом.

Мухаммад объединял в своем лице вероучителя и руководителя общей молитвы – имама, и политического вождя – амира, и верховного судью. Функцию руководства общей молитвой он передал в последние дни Абу Бакру, и никто не оспаривал это его право. И прежде бывали случаи, когда не Мухаммад руководил общей молитвой, но это не превращало такого имама в главу общины.

Спор мог идти только о преемнике Мухаммада как носителя высшей политической власти в общине, об амире, на что с полным правом могли претендовать ансары, без которых Мухаммад может быть и не смог бы сформировать свое государство.

Не успела верхушка мухаджиров принять какое-то решение, как пришло известие, что группа ансаров собралась под навесом в квартале бану са'ида, к которым принадлежал вождь хазраджитов Са'д ибн Убада, чтобы решить вопрос о преемнике Мухаммада. Умар, Абу Бакр, Абу Убайда и еще несколько мухаджиров поспешили на это собрание. Когда они прибыли туда, Са'д уже обратился к ансарам с речью, перечислив их заслуги перед исламом, дающие им преимущества перед курайшитами. Присутствовавшие в большинстве склонялись к избранию Са'да.

Прибывшим мухаджирам ансары предложили: «Из нас – амир, из вас – вазир». Абу Бакр спокойно выслушал горячую речь хазраджита Сабита ибн Кайса, согласился, что заслуги ансаров велики, но подчеркнул, что в Коране отдано предпочтение мухаджирам, к тому же остальные арабы не согласятся признать над собой власть не курайшита, поэтому он предлагает присягнуть Абу Убайде или Умару. Когда Сабит спросил ансаров, согласны ли они, то большинство сказал «да». Сабиту оставалось только предложить со своей стороны кандидатуру Абу Бакра, как человека, отмеченного особым доверием Мухаммада. Среди хазраджитов нашелся только один решительный защитник прав ансаров – Хубаб ибн ал-Мунзир, воевавший вместе с Мухаммадом, начиная с Бадра. Но как ни кричал он, хватаясь за меч, как ни пытался провести компромиссное решение избрать по амиру для мединцев и для курайшитов, собрание все-таки присягнуло Абу Бакру. Так в очень конкретной форме борьбы за личную власть была решена большая общая проблема, быть ли светской и духов-

ной власти, объединенной в одних руках. Общая присяга жителей Медины, состоявшаяся на следующий день, прошла без всяких колебаний и затруднений.

Так община обрела нового главу, «заместителя посланника Аллаха», халифа расули-лах, или просто халифа.

В тот же день, после общей присяги, мусульмане Медины пришли прощаться с телом вероучителя; все желающие – не только мужчины, но и женщины и дети – входили в комнату Аиши, где около тела сидели ближайшие родственники и вдовы, произносили несколько благочестивых слов и выходили в другую дверь. После захода солнца Мухаммад был погребен по настоянию Абу Бакра на том же месте, где было его последнее ложе, и Аиша осталась жить в той же комнате.

Отступничество и борьба с ним

Абу Бакр с первых своих шагов в сане халифа всячески подчеркивал, что он лишь исполнитель предначертаний Мухаммада. Поэтому первым его серьезным распоряжением был приказ об отправке Усамы ибн Зайда на Муту, которого так жаждал Мухаммад. Но и на сей раз обстоятельства не позволили сразу же выступить в поход.

Как только весть о кончине Мухаммада разнеслась по Аравии, многие племена, и прежде неохотно платившие садаку, сочли, что смерть пророка аннулировала все заключенные с ним договоры и лишила силы данные ему клятвы: они отказались платить садаку, изгнали сборщиков и вернули себе то, что уже было собрано. Произошло «возвращение» к язычеству, ридда, как именуют мусульманские источники эти события.

Помимо желания не платить налог, известную роль играло и то, что Абу Бакр, не был достаточно авторитетен за пределами Медины.

Племена между Мединой и Красным морем остались верны исламу, но была неясна позиция жителей Мекки и Таифа. Мекканцы, узнав о смерти Мухаммада, отказались платить садаку, и мусульманский наместник бежал оттуда, но один из знатных курайшитов, получивших после Хунайна щедрый дар от Мухаммада, уговорил уплатить садаку. Известие об этом могло прийти в Медину 17–18 июня 632 г. Получив это известие, Абу Бакр все же решился отправить Усаму ибн Зайда в поход к Муте.

Опаснее всего было положение на востоке от Медины, где вокруг Тулайха ибн Хувайлида, провозгласившего себя пророком, стала собираться многочисленная антимусульманская коалиция племен гатафан, сулайм, музайна и др. Отправлять отряд Усамы с лучшими воинами в дальний поход в этой обстановке было чрезвычайно рискованно.

Вскоре после этого прибыло сообщение из Йемена, что арабо-персидская оппозиция организовала заговор против ал-Асвада, главными действующими лицами которого были Кайс ибн ал-Макшух и глава персов (абна) Файруз, которому удалось заручиться содействием жены ал-Асвада (вдовы убитого им сына персидского наместника Йемена). Они пробрались в спальню ал-Асвада, который находился в трансе или был мертвецки пьян, зарубили его, отрубили голову, показали со стен дворца и возгласили мусульманский символ веры в знак возвращения к исламу. После этого в Сан'а вернулся мусульманский наместник.

В то же время в районе ар-Рабазы стали собираться племена са'лаба ибн са'д, мурра, абс и некоторые из кинанитов. Они также предложили Абу Бакру вариант ислама без уплаты садаки и получили тот же ответ, что без садаки нет ислама. После этого они перебили своих соплеменников-мусульман и подошли к Зу-л-Касса, угрожая непосредственно Медине. Абу Бакр решительно вышел им навстречу с сотней мухаджиров и ансаров. После первой неудачной стычки, к Абу Бакру подошло подкрепление. Этими силами удалось нанести противнику серьезный удар и занять Зу-л-Касса. Авангард мятежников был опрокинут. Все эти события укладываются в сорокадневный промежуток между выступлением Усамы и возвращением его в Медину. В результате этого похода были приведены к покорности племена от Зу-Марвы до Акабского залива, которые отпали от ислама.

С его возвращением Абу Бакр мог начать решительное наступление на восток, где положение еще больше осложнилось с появлением Саджах, дочери одного из вождей христианского племени таглиб (кочевавшего по среднему течению Евфрата), объявившей себя пророчицей. Достигнув ал-Хазна, где обитали родственные ей бану йарбу', Саджах вступила в переговоры с их вождем Маликом ибн Нувайрой и убедила его и других вождей тамимитов, что с их помощью создаст тамимитское царство. Этот замысел провалился из-за распрей тамимитов между собой. Не имели успеха и другие попытки Саджах собрать вокруг себя сильное объединение племен. В поисках последователей или союзников Саджах с отря-

дом своих таглибитов дошла до Йамамы и встретила с Мусайлимой. Небывалая встреча лжепророкицы с лжепророком породила в средневековой исторической литературе немало легендарных рассказов, которые должны были показать их безбожность и аморальность. Мусайлима будто бы согласился отдать Саджах половину урожая Йамамы, получив который она удалилась в Приевфратье. Это событие никак не датировано, можно только сказать, что она ушла до начала активного наступления мусульман на Центральную Аравию.

Стабилизация положения в районе Зу-л-Касса – ар-Рабаза позволила Абу Бакру начать решительную борьбу с отступниками. Этому способствовало добровольное согласие части племени тайй возвратиться к исламу. На борьбу с Тулайхой был послан отряд во главе с решительным Халидом ибн ал-Валидом. Он прошел через земли племени тайй, получил там дополнительно 1000 всадников и направился против Тулайхи. Сражение произошло в местности Бузахе, расположенной где-то южнее Самира (рис. 5). Численность войска обеих сторон составляла 3–4 тыс. человек.

Сражение было чрезвычайно упорным. Сначала Тулайхе, маневрируя отрядами отборных воинов из 40 гулямов (воинов-рабов), удалось найти слабое место на правом фланге мусульман, где стояли таййиты, и обратить его в бегство. Личное участие Халида в битве остановило это бегство. Затем ему удалось убить знаменосца Тулайхи, его красное знамя упало, началось замешательство, закончившееся полным поражением. В переломный момент битвы Тулайха уединился в своей палатке, закутался с головой в плащ и стал ждать откровения, а затем, увидев бегство своих воинов, сел с женой на заранее подготовленного коня и бежал с поля боя. Его племянник Хибал и один из вождей мятежников Уйайна ибн Хисн были настигнуты мусульманами и взяты в плен. Хибал предпочел позору плена казнь на месте.

В землях бану асад Халид провел около месяца, расправляясь с противниками ислама. Разобраться в последовательности событий очень трудно, так как одни авторы рассказывают об одних событиях, другие – о других, даты отсутствуют.

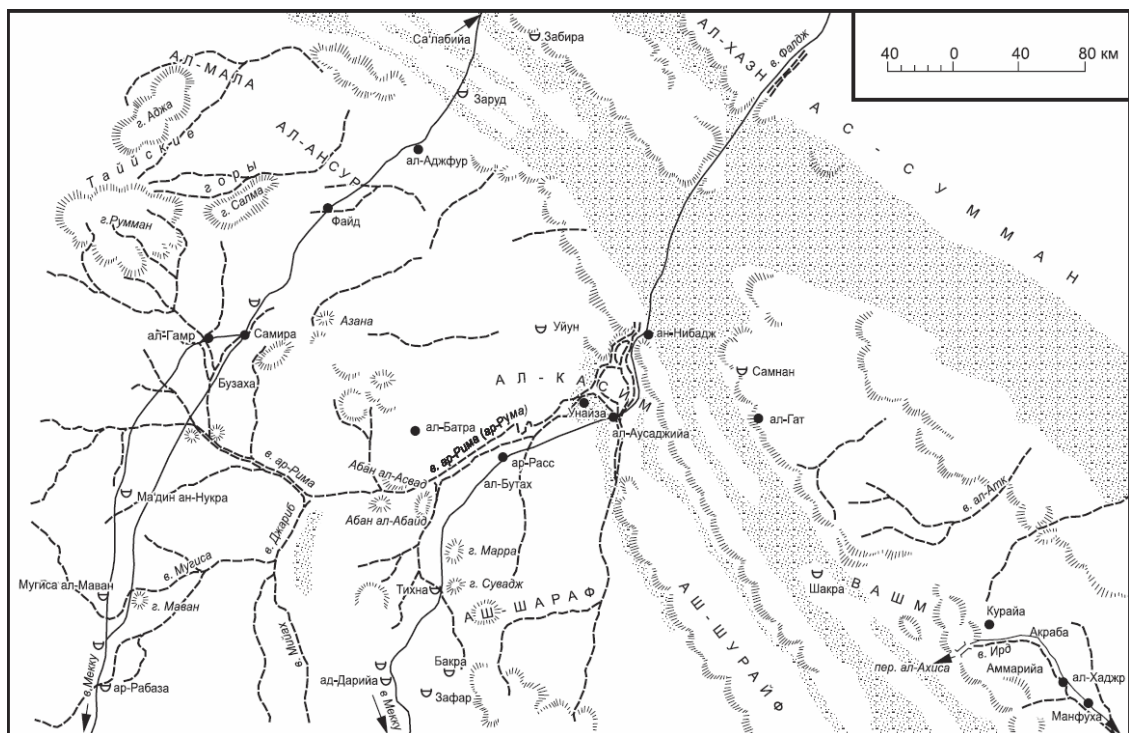

Рис. 5. Центральный Неджд в начале VII в.

По-видимому, сразу после сражения при Бузахе Халид перешел к усмирению гатафанцев. Оно велось самым жестоким образом, вплоть до того, что в одном месте он сжег несколько рьяных противников. Решительность действий Халида убедила гатафанцев в неизбежности принятия ислама и уплаты садаки. Часть отступников пришла с повинной к нему, часть – в Медину к Абу Бакру. Важных пленников Халид отправил в Медину к Абу Бакру, который всем им даровал помилование.

Бану йарбу рассеялись по своим землям, Малик ибн Нувайра был найден и взят в плен вместе с семьей и группой родственников. Малик уверял, что не отступал от ислама, но далее произошло какое-то недоразумение, и Малик вместе со своими людьми неожиданно был убит ночью.

Подозрительно, что при этом избиении осталась в живых красавица жена Малика, на которой тотчас женился Халид. Но, говоря об избиении пленников, очевидцы могли иметь в виду только мужчин-воинов, а не женщин. Впрочем, поступок Халида может иметь и иной смысл, он женился, чтобы загладить свою вину, если убийство Малика действительно было трагическим недоразумением. Халида стали обвинять в том, что он проливает кровь мусульман, что он нарушил предписания ислама относительно вступления в брак. Особенно горячился Умар, питавший к нему давнюю неприязнь. Но Абу Бакр будто бы ответил ему, что не может вкладывать в ножны меч, вынутый Аллахом против многобожников. Халид оставил войско в ал-Бутaxe, прибыл в Медину, имел объяснение с Абу Бакром и получил прощение. Его прибытие в Медину, скорее всего, относится к концу 632 г., судя по тому, что во время пребывания в ал-Бутaxe уже стало холодно (с точки зрения жителей Аравии).

Пока Халид восстанавливал власть ислама в Северном Неджде, Абу Бакр послал для борьбы с Мусайлимой Икрима ибн Абу Джахла. Он напал на сторонников Мусайлимы и потерпел поражение. Абу Бакр понял, что с Мусайлимой не справиться малыми силами, и отправил Икриму в Хадрамаут, а борьбу с Мусайлимой поручил Халиду и его проверенному в боях войску, которое подкреплялось отрядом Усамы ибн Зайда с 400 воинами, и Халид двинулся на Йамаму вдоль пустыни Нефуд.

Около Акраба, в верховьях вади Ханифа, мусульманское войско столкнулось с противником. У Халида было несколько более 4000 человек, у Мусайлимы примерно такое же число.

Сражение началось рано утром и шло с необычайным ожесточением. Оба предводителя воодушевляли своих воинов напоминанием о том, что они защищают истинную веру. Сначала Халид спокойно сидел на возвышении, наблюдая за ходом битвы, но вскоре натиск противника заставил мусульман отступить до лагеря, и ему пришлось повести за собой отступивших с мечом в руках. Трижды ханифиты прорывались к мусульманскому лагерю, и трижды мусульмане отбрасывали их и, в свою очередь, гнали ханифитов до их лагеря. Несколько знаменосцев Халида пали, защищая знамя. В этом жестоком бою был ранен и Халид.

Лишь к концу дня мусульмане опрокинули противника. Часть отступавших бросилась врассыпную, а часть вместе с самим Мусайлимой пыталась найти убежище на участке, огороженном стеной. Сначала мусульмане обстреливали их, потом один из храбрецов перелез через стену, открыл ворота и пустил своих товарищей. Внутри ограды на небольшом пространстве сошлись сотни три непримиримых врагов, и завязался самый беспощадный и кровавый бой за все время борьбы с отступниками в Аравии. У сторонников Мусайлимы не было надежды спастись, и они сражались с яростью отчаяния, им не уступали и сподвижники Мухаммада, воодушевленные желанием присоединиться к своему пророку в награду за смерть в бою с врагами ислама. Все сторонники Мусайлимы были поголовно перебиты; в рукопашной схватке даже не заметили, как и кто убил Мусайлиму. Мусульмане тоже недо считались очень многих, в том числе многих старых сподвижников Мухаммада, сражав-

шихся еще при Бадре. Здесь погиб ал-Бара ибн Малик, командовавший конницей. Это место осталось в памяти поколений под названием «сада смерти».

После вечерней молитвы, проведенной здесь же среди убитых и раненых, Халид со свитой объехал поле боя. Победа досталась мусульманам дорогой ценой, хотя сейчас выясняется, у них было не 700–1700 убитых, как полагали прежде на основании имевшихся источников, а значительно меньше: 400–500 человек, но и это составляет примерно 10 % численности войска. Особенно велики были потери среди мухаджиров и ансаров, у которых из 400 человек было убито не менее 58 (15 %) и около 200 ранено. Среди убитых был брат Умара Зайд ибн ал-Хаттаб, многие другие знатные мухаджиры и 30 человек, знавших Коран целиком. Естественно, потери сторонников Мусайлимы были больше.

Тяжелые потери не позволили Халиду продолжать военные действия в густонаселенной Йамаме, где пришлось бы с боем брать укрепленные селения, и он вступил в переговоры с попавшим к нему в плен Муджжа'а ибн Мураром о заключении мирного договора. Противники этому нашлись в обоих лагерях: мусульмане считали недостойным мириться с врагами ислама, некоторые ханифиты упрекали Муджжа'а за слабодушие и нежелание защитить независимость ради освобождения из плена.

Условия договора были тяжелыми: ханифиты обязывались отдать половину золота и серебра, коней, оружие и четверть рабов. Жители многих селений отказались подписать договор и были завоеваны силой оружия. Кроме того, Халид потребовал от Муджжа'а выдать за него свою дочь. Поспешность этого брака, совершившегося в окружении раненых и искалеченных воинов, когда не остыли воспоминания о павших товарищах, покорила очень многих, в том числе и халифа, приславшего возмущенное письмо.

Мусульманские историки датируют битву при Акраба раби 112/16.V-14.VI 633 г. Но эта дата вызывает сомнение уже хотя бы потому, что предполагает почти четырехмесячный перерыв между событиями в ал-Бутaxe и прибытием в Йамаму, которого, судя по совокупности всех сведений, все-таки не было. Это опровергает и хронология последующих событий. Видимо, следует исходить из более ранней даты, так как в одном случае указывается, что Халид выступил в поход на Ирак в мухарраме 12/18.111–16.IV 633 г. Тогда убийство Малика ибн Нумайры в ал-Бутaxe придется на декабрь – начало января, а битва при Акраба – на март 633 г. (когда в этих краях начинается уборка урожая).

События подавления отступничества в периферийных областях Аравии арабские источники относят к 11 г. х. без всякого уточнения. В Омане, где после ухода Амра ибн ал-Аса, собравшего садаку, наместником стал местный мусульманин Джайфар, против него выступил местный царек Лакит ибн Малик ал-Азди, который загнал Джайфара в горы и стал хозяином Омана. Абу Бакр послал на помощь Джайфару два отряда из Хадрамаута и Икриму ибн Абу Джахля, который находился в Йамаме с отрядом в 2000 человек. Икрима осадил Даба. По мере развития успеха мусульманское войско росло за счет присоединения к нему аздитских племен. После месячной осады восставшие сдались на милость победителя и вышли из города без оружия. Икрима казнил сотню знатных аздитов и выслал в Медину хумс из добычи и пленных – 300 мужчин и 400 женщин и детей. Абу Бакр будто бы хотел перебить всех воинов, но за них заступился Умар, и пленные остались жить в Медине.

Борьба за установление власти халифа в Хадрамауте описывается значительно подробнее. Хадрамаут был заселен многочисленным племенем киндитов, создавшим в конце V – начале VI в. в центре Аравии могущественное государство кочевников. Память об этом была еще жива в умах племенной верхушки, которая особенно болезненно воспринимала необходимость подчинения внешней силе. Признание особого могущества посланника Аллаха не было столь болезненным для их гордости, как подчинение наместникам безвестного Абу Бакра. Поэтому и сбор садаки сталкивался здесь со значительными трудностями.

Осложнение возникло с момента призыва к присяге Абу Бакру. Один из вождей киндитов, ал-Аш'ас ибн Кайс, отказался присягнуть Абу Бакру и в ответ на увещевания родичей отвечал: «Мухаммад, да благословит его Аллах и да приветствует, ушел своим путем, и арабы вернулись к тому, чему поклонялись прежде. Мы обитаем дальше всех арабов от Абу Бакра, так неужто он пошлет на нас войска, как на других?».

Часть киндитов согласилась с ним и отказалась присягнуть и платить садаку, часть осталась верна исламу, причем раскол шел не только между отдельными племенами, но и внутри их и сопровождался ссорами между сородичами. Зийад ибн Лабида, посланный собирать садаку, требовал ее, не признавая никаких компромиссов. Наконец, в предельно накаленной обстановке совершенно ничтожный повод привел к взрыву: Зийад заклеил верблюдицу, которая была особенно дорога хозяину, тот предложил заменить ее другой, но Зийад решительно отрезал – верблюдица с клеймом садаки не может быть возвращена. Расстроенный владелец обратился за посредничеством к влиятельному сородичу, ал-Харису ибн Сураке. Но Зийад не уважил и его ходатайство, кровно обидев этим человека, привыкшего к уважению. Харис поехал прямо к загону и выпустил верблюдицу, сказав хозяину: «Мухаммаду мы подчинились бы, человеку из его рода – тоже, а этому сыну Абу Кухафы⁸ не будет от нас ни повиновения, ни присяги».

Зийад схватил ал-Харису ибн Сураку как мятежника, что вызвало бурю негодования. В начавшихся вооруженных столкновениях Зийад потерпел поражение. Удовлетворившись этим, киндиты рассеялись по своим пастбищам, и это позволило Зийаду напасть ночью на крупную стоянку, и захватить много пленных, и убить четырех вождей киндитов. Дальнейшее излагается средневековыми авторами весьма противоречиво. Нам достаточно будет сказать, что после прибытия нескольких подкреплений Зийад осадил ал-Аш'аса в крепости ар-Нуджайр и вынудил сдаться. Ал-Аш'ас выговорил право свободного выхода с имуществом членам своей семьи и семьям родных и двоюродных братьев, а также 9 или 10 человекам по его выбору – всего около 70 человек. Мусульмане вошли в крепость и перебили всех воинов (якобы 700 человек). Несколько сотен женщин и детей и 80 знатных киндитов вместе с ал-Аш'асом были отправлены в Медину. По дороге ему пришлось пережить немало неприятных моментов, выслушивая упреки пленных, обвинявших его в предательстве.

Абу Бакр встретил ал-Аш'аса сурово и грозил казнью за отступничество, но в конце концов помиловал его и выдал за него свою младшую сестру, просватанную ему еще при посещении Мухаммада. Ал-Аш'асу удалось выговорить право выкупа всех пленных киндитов по 400 дирхемов за каждого. Искушая свою вину, он, как истинный вождь, взял расходы на себя, заняв деньги у мединских купцов.

В это время в Йемене разгоралась борьба между Файрузом, которого Абу Бакр назначил наместником, и обиженным этим Кайсом ибн ал-Макшухом, использовавшим неприязнь местных арабов к персам, которые поддерживали Файруза. Абу Бакр прислал войска, которые поддерживали Файруза, разгромили и взяли в плен Кайса ибн Макшуха. Его привезли в Медину, и Абу Бакр помиловал его.

Возвращаясь к нашей реконструкции хронологии событий в Южной Аравии, мы можем только сказать, что покорение Омана и подавление восстания Кайса ибн ал-Макшуха происходили примерно одновременно, в последние месяцы 11 г. х., т. е. зимой 632–633 г. Умирение Хадрамаута, скорее всего, приходится на начало 12 г. х.

⁸ Абу Кухафа – отец Абу Бакра.

Первое столкновение с Ираном и иракский поход Халида ибн ал-Валида

Распространение ислама и борьба с отступниками после смерти Мухаммада происходила за пределами двух великих держав, Византии и Ирана, не затрагивая непосредственно их интересов. Впервые непосредственное столкновение с ними произошло в конце 632 – начале 633 г. в Бахрейне, области на побережье Персидского залива, гораздо более обширной, чем то островное государство, которое носит это название в наши дни. Бахрейн находился в вассальной зависимости от Ирана, но принял ислам, когда в Ктесифоне началась борьба за престол, и за три года сменилось 8 царей и цариц.

После смерти Мухаммада часть арабов Бахрейна отсеклась от ислама, но часть осталась ему верна. Раскол произошел по племенному принципу – кайситы остались мусульманами, а бакриты, отрекшись от него, обратились к Йездигерду III, с которым прекратилась чехарда на престоле, с просьбой назначить правителем царевича из потомков ан-Ну‘мана, которые имеют больше прав, чем Абу Бакр. Йездигерд предложил ал-Мунзира, сына последнего лахмидского правителя ан-Ну‘мана и послал в помощь отряд иранских конников. Абу Бакр в конце 632 г. прислал на помощь мусульманам ал-А‘ала ал-Хадрами, которому удалось разгромить бакритов и персидскую кавалерию, и овладеть всем Бахрейном вместе с островами.

Борьба за власть в Ктесифоне ослабила внимание иранских властей к своим южным границам, тем более что оттуда прежде никогда не исходила угроза. Воспользовавшись этим, бедуины стали совершать набеги на пограничные районы Месопотамии от Убуллы до Хиры. Одним из организаторов этих набегов был вождь бакритского племени шайбан ал-Мусанна ибн Хариса. В начале 633 г. ал-Мусанна обратился к Абу Бакру с просьбой признать его главой племени (или, по другой версии, «тех, кто принял ислам из моего племени») и обещал за это охранять границу с Ираком. Абу Бакр охотно послал ему просимую грамоту. С такой же просьбой обратился к халифу сосед и соперник ал-Мусанны, Ма‘зур ибн Ади ал-Иджли, и тоже получил грамоту, подтверждающую его власть над мусульманами своего племени. Но, по-видимому, одной словесной поддержки ал-Мусанне оказалось недостаточно, и на подкрепление ему был послан Халид ибн ал-Валид, находившийся в Йамаме.

Наиболее достоверной датой выступления Халида из Йамамы является мухаррам 12/18. III-16. IV 633 г. С двухтысячным отрядом он двинулся наиболее удобной дорогой, через ан-Нибадж. По пути небольшое войско Халида постепенно обрастало отрядами бедуинов, принимавших ислам при его приближении. Как рассказывал впоследствии один из участников завоевания Убуллы и Хузистана, Кутба ибн Катада ас-Садуси: «Напал на нас Халид ибн ал-Валид со своей конницей, и мы сказали: "Мы мусульмане!" Тогда он оставил нас в покое, и мы вместе с ним совершили поход на Убуллу и завоевали ее». В конце концов, у Халида ибн ал-Валида собралось до 10000 человек.

Появление такой армии на границе Ирака обеспокоило сасанидского наместника Нижнего Евфрата, и он вышел навстречу Халиду. Халид будто бы предложил ему принять ислам, но тот отказался. Хурмуз двинулся навстречу Халиду и расположился у ал-Казимы, где узнал, что Халид намеревается идти через ал-Хафир, и поспешил захватить этот колодец. Халид также узнал о маневре противника и свернул к ал-Казиме, но опытный персидский полководец снова опередил его, и занял ал-Казиму. Отряд Халида оказался в безвыходном положении: кони устали и могли погибнуть в безводной пустыне, оставалось одно – с боем, любой ценой пробиться к воде. Решительный Халид приказал оставить вьюки и идти к ал-Хафиру пешком на изготовившегося к бою противника. К счастью для мусульман, прошел дождь, подкрепивший их и убедивший их в поддержке Аллаха.

Мусульмане дрались ожесточенно, Халид убил в поединке Хурмуза, и персидское войско бежало, бросив весь обоз, который достался мусульманам, в том числе целый верблюжий выюк цепей, из-за которых эта битва осталась в памяти участников как «день цепей». Упомянутый в сообщениях об этой битве Ал-Хафир соответствует одноименной станции IX–X вв. в 18 милях (36 км) от Басры по дороге в Мекку.

При появлении Халида около Убуллы глава бакритов в этом районе Сувайд ибн Кутба попросил Халида помочь нанести удар персидскому гарнизону Убуллы, который контролировал низовья Евфрата. Халид, постояв на месте будущей Басры, сделал затем вид, что уходит со всем войском, но, отойдя немного, тайно остановился. Утром убуллцы, ободренные уходом Халида, предприняли нападение на бакритов, в решительный момент были атакованы Халидом с тыла и потерпели сильный урон. Из этого эпизода затем возникло ошибочное представление, что Убулла была взята еще Халидом.

От Убуллы Халид двинулся к Хире, бывшей столице Лахмидов, к району, заселенному арабами-христианами, которых следовало обратить к истинной вере. Средневековые историки упоминают на этом пути несколько сражений, локализация которых вызывает сомнение. Несомненным является только положение Ал-Валаджи, в районе Айн Захадж, в 50 км ниже Хиры. Битва при ал-Валадже велась с большим упорством, и исход ее решило своевременное введение Халидом в бой двух засадных отрядов, с тыла напавших на персидское войско, возглавляемое Андарзугаром. В пыли, поднятой сражающимися, управление войсками стало невозможным, небольшие группы сражались самостоятельно, все решала индивидуальная стойкость бойцов: естественно, что окруженные должны были дрогнуть раньше. И на этот раз Халид одержал решительную победу. Андарзугар бежал в степь и погиб там от жажды.

В битве при ал-Валадже погибло много арабов-христиан из племени бакр ибн ваил, и это восстановило против Халида их соплеменников-христиан, которые вошли в большую армию, возглавленную Джабаном и Абдаласвадом ал-Иджли. К ней должны были присоединиться сасанидские войска во главе с Бахманом Джазавайхом.

Халид сумел опередить противника и подойти к Уллайсу, где собрались бакриты, раньше, чем пришел Бахман. Разгорелась жестокая битва, в которой с обеих сторон сражались в основном арабы, и даже – соплеменники. Арабов-христиан поддерживало в их упорстве ожидание прибытия Бахмана, мусульмане были возмущены наглостью своих соплеменников, осмелившихся не принять ислам и выступить на стороне язычников. Этим взаимным ожесточением и объясняется бессмысленная жестокость Халида по отношению к пленникам. Как только перевес оказался на стороне мусульман, Халид приказал не убивать бегущих, а брать их в плен, затем их подвели к каналу и отрубили им головы, так что в канале потекла красная от крови вода. Эта казнь запечатлела в памяти потомков битву при Уллайсе под названием «кровавый канал».

Халид не ограничился казнью пленников, следующей карательной акцией было уничтожение селения Амгишйа, откуда происходили многие участники битвы при Уллайсе, заодно эта операция принесла изрядную добычу.

Теперь всем стало ясно, что мусульманская армия движется на Хиру. Персидский наместник Хиры Азадбех отправил сына с передовым отрядом навстречу Халиду приказав перекрыть Евфрат, а сам стал в укрепленном лагере вне Хиры. Халид впервые решил использовать водный путь: конница шла вдоль протока Евфрата Фурат Бадакла, а пехота (и весь груз) плыла на судах. Внезапно вода спала, и суда оказались на мели – это сын Азадбега перекрыл плотину около Макра. Халид с кавалерией бросился к плотине, застал персидский отряд врасплох и перебил его. Плотина была открыта, и суда продолжили путь.

Халид после победы над Азадбехом (вернее, над его сыном) остановился в Хаффане, от которого до Хиры около 30 км, и здесь было удобно остановиться перед последним броском,

чтобы дать отдых кавалерии после форсированного марша (рис. 6). На его пути у монастыря Хаварнак находился лагерь персов, но сражаться с ними Халиду не пришлось. Их командующий Азадбех узнал о серьезных переменах в Ктесифоне и ушел без боя за Евфрат, оставив Хиру без прикрытия. Городской стены у нее не было, а имелось несколько больших укрепленных усадеб-замков (каср) и монастырей, обеспечивавших оборону города. Халид, мастер быстрых переходов и умелого маневрирования в степи, оказался в затруднении: опыта осады крепостей у него не было, а здесь еще приходилось распылять силы на несколько пунктов и действовать среди садов и полей, перерезанных каналами и оградами. Мусульмане предложили жителям Хиры принять ислам или, сохранив прежнюю религию, платить подушную подать, угрожая в противном случае начать военные действия. Хирцы ответили отказом, но Халид предоставил им еще день на раздумье и снова получил отказ. Пришлось начать военные действия.

Мусульманам скоро удалось захватить несколько церквей и монастырей, священники обратились к оборонявшимся в замках с призывом прекратить сражение и начать переговоры. Это обращение в сочетании с решительным приступом мусульман склонило хирцев к переговорам. Арабские историки сохранили несколько вариантов беседы Халида со старейшинами Хиры, которые вряд ли можно считать достоверными. И все же один из них показателен для иллюстрации настроения Халида. Пришедшего к нему старца Абдалмасиха он спросил: «Горе тебе, кто вы? Арабы? Тогда что же вы злобитесь на арабов?» Абдалмасих ответил, что они самые чистокровные арабы, какие только есть, но от принятия ислама отказался, сказав, что предпочитает остаться христианином и платить подать. Это еще более рассердило Халида, который заявил, что надо быть последним дураком, чтобы, заблудившись в пустыне неверия, отказаться от проводника-араба и предпочесть проводника-чужака.

Относительно содержания договора у арабских историков нет единодушия. В сообщении, вызывающем наибольшее доверие, говорится, что каждый взрослый мужчина облагался джизьей в размере одного динара, что равнялось 14 дирхемам, весом в 5 данников. Это составляло общую сумму в 84000 дирхемов, так как в Хире было 6 000 взрослых мужчин. В одном сообщении о договоре с Хирой, в подлинности текста которого нет уверенности, приводится дата: раби I (16.V-14.VI).

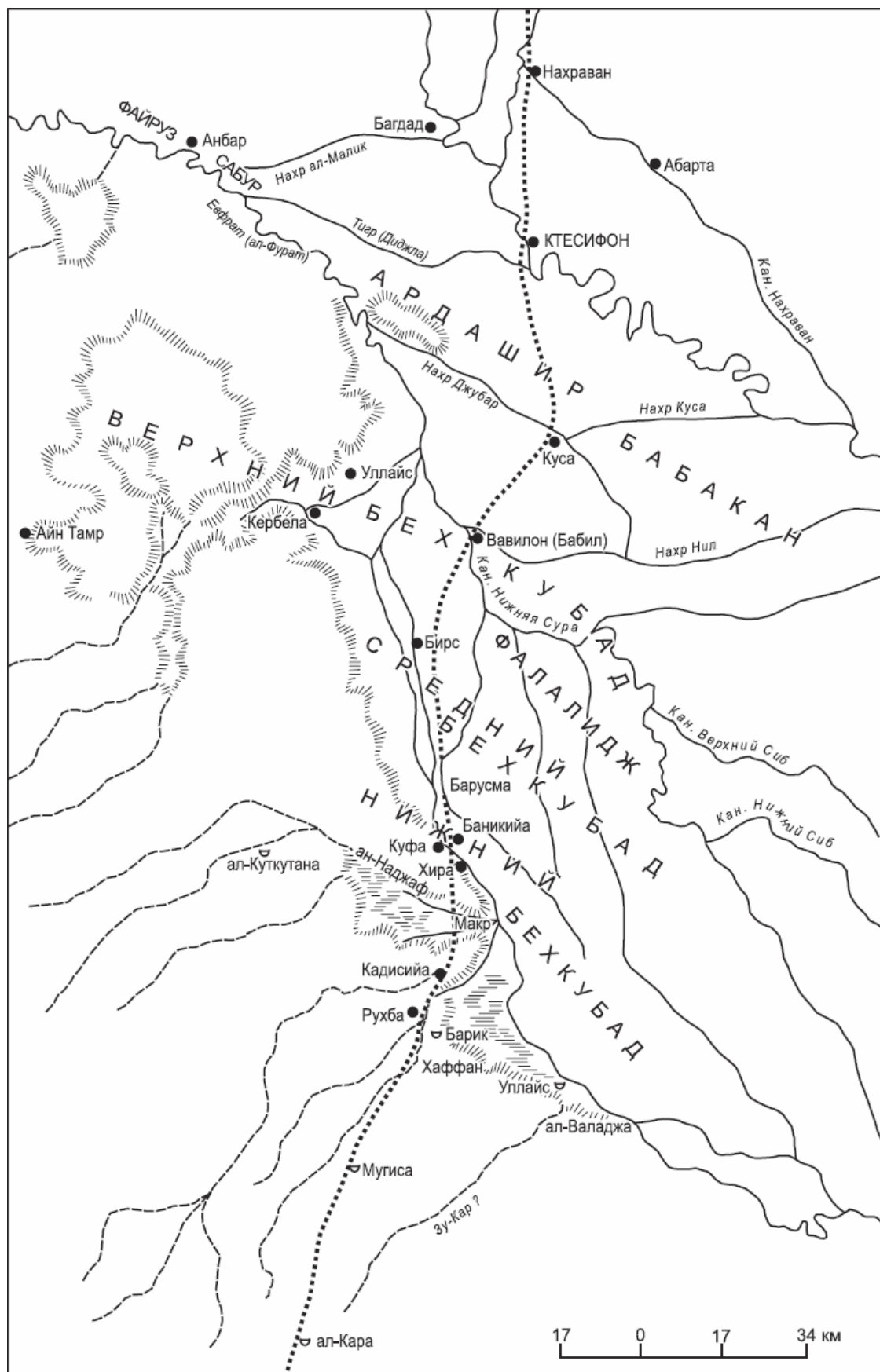

Рис. 6. Центральный Ирак в начале VII в.

Вскоре был заключен договор с жителями селений Баникийя и Барусма (Басма) о ежегодной выплате ими по 1000 дирхемов и отдельно со всеми округами Среднего Евфрата. Текст договора, приведенный у ат-Табари, гласит:

«Во имя Аллаха милостивого, милосердного! Это – грамота Халида ибн ал-Валида Заду, сыну Бухайша, и Салубе, сыну Настуна: вам – защита, а на вас – джизья, и вы ручаетесь за выплату жителями Нижнего и Среднего Бехкубада, которых вы представляете, двух тысяч тяжелых [дирхемов] каждый год со всех имущих кроме того, что лежит на Баникии и Басма. Вот вы договорились со мной и мусульманами, а мы согласились [признать] за вами и жителями Нижнего Бехкубада и теми жителями Среднего Бехкубада, которые вошли с вами [в договор], вашу собственность, кроме принадлежавшей роду Хосроев и их сторонников. Засвидетельствовали: Хишам ибн ал-Валид, ал-Ка'ка ибн Амр, Джарир ибн Абдаллах ал-Химйари, Башир ибн Абдаллах ибн ал-Хасасийа и Ханзала ибн ар-Раби'. Написано в году двенадцатом, в сафаре». Эта дата соответствует 17.IV-15.V 633 г. Но эта дата явно не достоверна, так как оказывается, что договор с Нижним Бехкубадой был заключен раньше, чем с Хирой. Наиболее достоверной представляется дата сражения при Уллайсе, приводимая одним из старейших историков Халифой ибн Хаййатом, суббота 3 раджаба (13 сентября 633 г.). Из этого следует, что договор с Хирой мог быть заключен в конце сентября.

Последним походом Халида в 633 г. был поход на крепость Айн ат-Тамр с большим арабо-персидским гарнизоном. При его приближении предводитель арабской части гарнизона Акка ибн Абу Акка решил встретить Халида в поле, но был разгромлен, попал в плен и был казнен, а остатки его отряда бежали в Айн ат-Тамр. Персидский комендант Михран вывел свой гарнизон из крепости, оставшиеся в крепости арабы после непродолжительного сопротивления сдались на милость победителя. Халид казнил предводителей и часть рядовых пленных. В одном из монастырей были захвачены 40 арабских юношей, монахов или учащихся монастырской школы, которые были обращены в рабство. После захвата Айн ат-Тамра безопасность мусульманских владений в районе Хиры была гарантирована.

Была ли посылка Халида к границам Ирака началом задуманных заранее планов мирового распространения ислама? Проблема сводится прежде всего к выяснению взглядов Мухаммада относительно пределов распространения ислама. В Коране засвидетельствованы только утверждения о том, что Мухаммад послан к арабам, его задача – откровение, ниспосланное им на их родном языке. Если верить мусульманской исторической традиции, то та же мысль в несколько иной форме – в Аравии должна быть только одна вера – высказывалась им в последние дни во время смертельной болезни. Ранняя мусульманская историческая традиция не пыталась вложить в его уста идею завоевания мира, хотя в начале VIII в., когда она бурно развивалась, непрерывное расширение границ мусульманских владений представлялось естественным и закономерным процессом. И это больше убеждает в отсутствии у него такой идеи, чем рассказы историков о призывах Мухаммада к владыкам мира принять ислам.

Иное дело, конечно, что последователи всякого учения, претендующего быть единственно верным, в конце концов считают своей священной обязанностью распространить его как можно шире. Поэтому для всех последователей Мухаммада, от халифа до простого воина, мысль о необходимости всемерного распространения ислама стала господствующей, как только для этого появилась реальная возможность.

Пока Халид одерживал победу за победой, Ийад ибн Ганм безуспешно пытался подчинить земли племен калб, тамим и танух с центром в Думат ал-Джандал. Поэтому, когда от Халида прибыл в Медину обоз с пятой долей добычи, Абу Бакр приказал Халиду идти на Думу. Приближение Халида, несколько лет назад вынудившего владельца Думы признать верховенство Мухаммада и уплатить джизью, заставило многих задуматься. Один из вождей

предложил вступить в переговоры и, получив отказ со стороны большинства, ушел со своим отрядом.

Союзники решили не допустить соединения двух мусульманских отрядов и разбить их по отдельности: одна часть двинулась против Ийада, другая – навстречу Халиду, однако и те и другие потерпели поражение, а их предводители попали в плен. Беглецы до отказа заполнили крепость Думы и закрыли ворота перед отставшими товарищами, оказавшимися под угрозой поголовного истребления. И действительно, Халид приказал перебить всех пленных, только калбиты были спасены своими бывшими союзниками-тамимитами из мусульман, заявившими, что они им сдались и получили обещание сохранения жизни. Халид разгневался, но не мог пойти против значительной части своего войска. Когда, наконец, ворота были проломлены, то и в крепости были перебиты все воины, остальные – обращены в рабство, а девушек продали с аукциона; предводитель мусульман купил славившуюся красотой дочь владетеля Думат ал-Джандал.

Этот разгром, изменивший соотношение сил в Северной Аравии, произошел, по-видимому, в первой половине октября 632 г. Бросается в глаза, что с наибольшей жестокостью Халид расправлялся не с чужаками, а со своими братьями – арабами, не желавшими принять ислам. Религиозное учение, выросшее из желания установить равенство и справедливость, превратилось в неумолимую и беспощадную силу, как только стало идеологией государства, а не горстки гонимых идеалистов. Для нее теперь требовались не богомольцы и аскеты, а суровые воины типа Халида ибн ал-Валида. Тот путь от наивных религиозных идей человеколюбия и равенства до проповеди собственной исключительности и жестокой нетерпимости, на который христианству потребовалось около трех веков, ислам, став государственной идеологией, проделал за двадцать лет.

По возвращении в Хиру Халид узнал, что на нее готовятся одновременно напасть таглибиты, кочевавшие в Среднем Приевфратье, и персы. Халид не дал персам, двигавшимся двумя группами, соединиться, разгромив их, напал ночью на лагерь таглибитов севернее Анбара. Все мужчины были перебиты, а их семьи взяты в плен. Среди убитых христиан и язычников случайно оказались два таглибита-мусульманина с грамотой от Абу Бакра. Умар, не любивший Халида, обвинил его в предумышленном убийстве мусульман, но халиф охладил его, сказав: «Так и бывает с теми, кто живет среди неверующих в их стране», и взял на себя уплату виры и заботу о сиротах.

Халид не довольствовался этим разгромом таглибитов и двинулся вверх по Евфрату к Джебел Бишр, где в византийских пределах собиралась вторая группа таглибитов. Это было рискованное решение, но в случае успеха их сопротивление было бы сломлено на всем правобережье Евфрата. Снова мусульманское войско подошло незамеченным и ночью напало с трех сторон на спящий лагерь, расположенный на юго-восточном склоне Джебел Бишр. На этот раз никому не удалось уйти, чтобы предупредить соплеменников в другом лагере о появлении Халида, и он также был разгромлен в ночной атаке. Отсюда Халид пошел еще дальше на запад, к ар-Рудабу (около Русафы), стоявшие там таглибиты при известии об этом ушли дальше, не приняв боя. Дальнейшее преследование на территории Византии грозило мусульманам окружением, и Халид предпочел повернуть назад.

На обратном пути в ал-Фираде, около впадения Хабура в Евфрат, Халиду преградила путь смешанная арабо-византийско-персидская армия из остатков разгромленных таглибитов и частей гарнизонов приграничных крепостей. Мусульманам удалось разбить этот смешанный, и потому неустойчивый заслон. Только теперь можно было считать, что этот опасный рейд закончился благополучно: дальше до самой Хиры не было серьезного противника.

Поход против таглибитов датируется вполне надежно рамаданом 12 г. х. (9.XI-8.XII 633 г.), перепутать этот месяц с другим участники сражений не могли из-за приходящегося на него поста. После ал-Фирада Халид дал отдых своему отряду, не знавшему передышки

в течение почти трех месяцев, и только 25 зу-л-ка‘да 12/31.І 634 г. приказал возвращаться в Хиру.

Этот заключительный поход 633 г. как нельзя лучше характеризует полководческий талант Халида и его тактику. Как бы ни были преувеличены успехи мусульман в передаче престарелых очевидцев и их потомков, остается бесспорным, что в сложнейшем 800-километровом рейде по вражеской территории от ал-Хусайда до ар-Рудаба и обратно Халид ни разу не потерпел неудачи. Его успехи объяснялись быстротой маршей, позволявшей каждый раз появляться неожиданно, опережая распространение известий о его движении. Одним из приемов ускорения марша было комбинированное использование верблюдов и лошадей, когда последние большую часть пути шли налегке и только перед решительным броском или атакой воины пересаживались на коней.

Глава 6. Выход в свет

Начало завоеваний

Арабские завоевания по своему размаху и степени влияния на мировую культуру условно, были одним из важнейших событий средневековья. Естественно поэтому стремление нескольких поколений исследователей найти их причины, выявить те силы, которые подтолкнули арабов выйти с оружием в руках далеко за пределы исконных мест обитания.

Не раз высказывались предположения, что причиной исхода арабов из Аравии стал засушливый период, заставивший жителей полуострова искать новые места обитания. Но подобные причины сказываются постепенно, а здесь происходит настоящий взрыв, за какие-то двадцать лет изменивший ситуацию на огромной территории от Амударьи до Туниса. Несомненно, в этом определенную роль сыграло появление ислама, объединившего жителей Аравии и обеспечивавшего их уверенностью в собственном превосходстве над остальными.

Однако роль его определялась не какой-то особой агрессивностью этой религии, объявившей войну с инаковерующими священной обязанностью ее последователей и тем самым обусловившей завоевательную политику. Ислам, как любая религия и любое идеологическое учение, неоднозначен и сильно менялся с течением времени. В эпоху, когда начинались арабские завоевания, идеология ислама находилась в стадии формирования, и учение о войне за веру было не только двигателем завоеваний, но и их продуктом, рожденным в атмосфере головокружительных успехов.

И все же, признавая ислам важнейшей причиной арабских завоеваний, можем ли мы считать, что они были предопределены уже самим фактом его возникновения? На это приходится ответить: и да, и нет. Без ислама не было бы завоеваний – в этом нет сомнений; но само его появление не предопределяло их неизбежность.

Развитие человеческого общества определяется таким множеством объективных и субъективных факторов, в том числе и личными качествами участников событий, что предопределенное развитие событий невозможно. В каждый данный момент существует неисчислимое количество вариантов их продолжения (в пределах самых общих закономерностей, реализующихся в этом разнообразии), и каждый раз на реализацию той или иной возможности влияет ничтожный перевес одного из факторов, какая-то совершенно случайная по сравнению с остальным причина, особенно ничтожная при сопоставлении со значительными последствиями. Они в целом определены не этой причиной, а всей совокупностью действующих сил, но на первый взгляд может показаться, что именно случай правит историей. Наша собственная история истекшего столетия дает нам богатую пищу для мучительных раздумий: насколько неизбежным было все то, что довелось испытать нашим народам, где был поворотный пункт, за которым трагический ход событий стал неизбежным?

Для руководителей мусульманской общины необходимость вторжения на территорию двух великих держав совсем не была очевидной.

Мысль об отправке войска в византийские владения появилась у Абу Бакра в самом конце 633 г., несомненно, под влиянием успехов Халида ибн ал-Валида в Приевфратье. Но она была встречена ближайшим окружением халифа без всякого энтузиазма. Только Умар поддержал его безоговорочно, а Абдаррахман ибн Ауф, один из ближайших сподвижников Мухаммада, предостерег Абу Бакра от посылки войска в глубь византийской территории, учитывая храбрость и силу византийцев. Он считал, что следует начать с набегов мелких отрядов на пограничные районы и, только лучше обеспечив себя за счет добычи и собрав войска со всей Аравии, решаться на вторжение. Решительно поддержал идею похода Али.

Заручившись обещанием старейшин по крайней мере не противиться решению о походе, Абу Бакр обратился к более широкому кругу мусульман. Они тоже не спешили одобрить рискованное решение. «Люди молчали, и не ответил ему никто из-за страха похода на византийцев, так как знали их многочисленность и степень их храбрости. Умар возмутился их безразличием и закричал: "Эй, мусульмане! Что же вы не отвечаете заместителю посланника Аллаха, когда он призывает вас к тому, что даст вам [вечную] жизнь?"» – и процитировал слегка измененные слова Корана, обращенные Мухаммадом к мусульманам, не желавшим идти в трудный поход на Табук.

Эти слова чуть не испортили все дело. Амр ибн Са'ид ибн ал-Ас, один из старейших мусульман, вскочил с места и возмущенно спросил: «Это нам ты приводишь притчи о лицемерах?!» и предложил Умару самому отправиться в поход. В перепалку вмешался Абу Бакр, опасавшийся, что за Амром, а более того, за его старшим братом Халидом (принявшим ислам шестым, сразу за Абу Бакром) могут пойти часть старых мусульман и многие из недовольных избранием его халифом. Он охладил пыл Амра и сказал, что Умар не хотел его обидеть.

Его поддержал и брат Амра. Абу Бакр, обрадованный поддержкой, назначил его командующим (амиром) и распорядился принести в его дом знамя – символ его власти. Правда, знамени в нашем смысле слова еще не существовало: амиру, отправляемому в поход, Мухаммад, а после – халиф привязывал к копыю платок, чалму или просто кусок ткани, который и становился боевым знаменем.

Халид не долго оставался командующим. Против него выступил Умар, и Абу Бакру пришлось отменить свое распоряжение и отобрать знамя. К этому времени собралось много добровольцев. Абу Бакр назначил трех независимых амиров: Йазида ибн Абу Суфйана, Шурахбила ибн Хасану и Абу Убайду ибн ал-Джарраха.

Добровольцы продолжали прибывать, и самое примечательное, что среди них было много представителей племен, которых недавно усмирять Халид ибн ал-Валид. Прибыл отряд и из Йемена. С их прибытием общая численность войска достигла примерно 9000 воинов, и Абу Бакр счел эти силы достаточными для отправления в поход.

Сообщается, будто бы приказ о выступлении («привязывание знамен») последовал в четверг 1 сафара 12 г. х. /6.IV 634 г., однако, как мы увидим дальше, ход событий свидетельствует о том, что войска выступили месяца на три раньше.

Первым отправился Йазид ибн Абу Суфйан. Провожая, Абу Бакр будто бы долго шел у его стремени и дал наставление, как вести себя в походе, как относиться к врагам и мирному населению. Поручиться за достоверность этого наставления очень трудно, тем более что почти дословно такое же наставление он будто бы давал Усаме ибн Зайду. Скорее всего, подобные религиозно-этические наставления халифов, рассыпанные в исторических сочинениях, в подавляющем большинстве случаев не более чем шаблон, обязательный для облика праведного халифа, каким он представлялся в период формирования мусульманской историографии. Все же, поскольку в них в какой-то мере отражены представления, существовавшие в раннем исламе, имеет смысл воспроизвести наставления Абу Бакра полностью.

Призвав в начале быть богобоязненным и не забывать Аллаха, Абу Бакр наставлял: «Когда встретишь врага, и Аллах даст тебе победу, то не злобствуй и не уродуй [тела врагов], не будь вероломным и не трусь. Не убивай ни ребенка, ни старого старика, ни женщину. Не сжигайте пальм и не обдирайте с них кору, не срубайте деревья и не режьте скота больше чем надо для еды. Вы будете проходить мимо людей в кельях, которые говорят, что они посвятили себя Аллаху, оставляйте же в покое их и то, чему они себя посвятили. А есть другие, в головах которых рылся шайтан, так что стали их макушки как гнездо куропатки. Ударяйте их [мечом] по этим местам, чтобы обращались в ислам или платили собственными руками, унижаясь».

Три дня спустя следом отправился отряд Шурахбила ибн Хасаны, а Абу Убайде пришлось дожидаться прихода из Йемена отряда йеменцев. Провожая Абу Убайду, Абу Бакр рекомендовал ему советоваться с Халидом ибн Са'идом, так как он «сайид тех мусульман, что с тобой», и Кайсом ибн Макшухом – «лучшим витязем арабов». Из этой рекомендации следует, что Абу Убайда отнюдь не был на самой вершине руководства мусульманской общины, как это иногда утверждается. По мере прибытия добровольцев Абу Бакр формировал новые отряды и, поставив во главе кого-нибудь из сподвижников пророка, посылал то к одному, то к другому амиру. Еще до первого сражения к Йазиду подошли Са'ид ибн Амир с отрядом в 700 человек и около 1000 йеменцев. В результате к моменту начала военных действий каждая из трех групп насчитывала примерно по 5 000 воинов.

Ни один из трех амиров, возглавивших поход, не имел опыта командования такими большими и пестрыми по составу группами и до той поры не проявил ни полководческих талантов, ни личной доблести. Вот им-то и предстояло помериться силами с опытными византийскими военачальниками и профессиональной армией.

Общая ситуация на Ближнем Востоке благоприятствовала вторжению. Пограничные крепости после войны с персами находились в забросе, разоренная тяжелой многолетней войной имперская казна опустела и экономила на субсидиях пограничным арабским племенам, а те не горели желанием сражаться с арабами-мусульманами ради интересов империи задаром.

Первое столкновение с византийскими войсками произошло в Гамрат ал-Арабе, вероятно, там, где большой караванный путь из Хиджаза в Газзу пересекало вади ал-Араба. Разгромив этот отряд, группа Йазиды продвинулась к Газзе. В 12 милях от Газзы у селения Дасин или Тадун путь ей преградил подошедший из Кесарей трехтысячный (по арабским сведениям) или пятитысячный (по византийским сведениям) отряд под командованием патриция Сергия. Византийцы снова потерпели поражение, оставив на поле боя 300 убитых, в том числе и командующего. Мусульмане разграбили район и убили 4 000 жителей селений.

Точную дату сражения под Газзой приводит только сирийская хроника: пятница 4 шебота 945 г. селевкидской эры, в седьмой год индикта, т. е. 4 февраля 634 г.

Шедшие вслед за Йазидом Шурахбил и Абу Убайда вышли в направлении Аммана. В районе Зизы отряд Абу Убайды столкнулся с объединенными силами арабов-христиан Заиорданья, потерпел неудачу, но это не остановило ни его, ни Шурахбила в движении на Южную Сирию.

За это время в Медине был сформирован большой отряд под командованием Амра ибн ал-Аса. Чтобы набрать для него воинов, Абу Бакр объявил, что добровольцы будут освобождены от садаки, кроме того, участвовать в походе было разрешено мекканцам, хотя в глазах старой гвардии Мухаммада они были сомнительными мусульманами. Из Мекки прибыло 500 человек и из Таифа 400 сакифитов, к которым затем присоединилось еще несколько тысяч бедуинов. С его прибытием в Палестину численность мусульманской армии перевалила за 20 тысяч, но отсутствие единого командования и неопытность командующих лишали их возможности добиться серьезного успеха. Видя это, Абу Бакр принял единственно правильное решение – перебросить в Сирию действительно талантливого полководца Халида ибн ал-Валида и назначить его главнокомандующим.

Халид встретил приказ покинуть Хиру и расстаться с завоеванным положением с большим неудовольствием. Но непререкаемый в ту пору авторитет халифа примирил его с новым назначением. Халид оставил вместо себя в Хире ал-Мусанну ибн Харису, отобрал 850 лучших воинов, элитой которых были 300 мухаджиров и ансаров, и форсированным маршем по начинавшейся жаре пересек Сирийскую пустыню (ас-Самава) кратчайшим путем. На нем лежал отрезок в пять переходов, совершенно лишенный воды. Чтобы преодолеть его, пришлось использовать несколько десятков верблюдов в качестве живых емкостей для воды: на

каждом привале пятую часть их резали, водой из желудков поили лошадей, а мясо шло в пищу воинам.

Пройдя обычно непроходимый участок пути, Халид через несколько дней оказался в местности Мардж ар-Рахит, восточнее Дамаска, где собрались арабы-гассаниды, чтобы отметить какой-то христианский праздник, по сведениям арабских авторов – Пасху, напал на них, а затем краем степи дошел до Бусры, которую безуспешно осаждали объединенные силы Абу Убайды, Шурахбила и Йазида.

Первые победы

Прибытие Халида изменило ситуацию. Вскоре гарнизон Бусры, совершивший вылазку, был разгромлен в поле, и горожане поспешили заключить договор с мусульманами, по которому обязывались выплачивать подушную подать по динару со взрослого мужчины и по джерибу пшеницы с джериба земли. Победители, видимо, не вступали в город, так как сообщается, что жители устроили им базар, иначе говоря, организовали торговлю в лагере. Договор был заключен 25 раби 1/30 мая 634 г. Падение Бусры подтолкнуло к соглашению с мусульманами некоторые другие города той же области. Затем Халид и Абу Убайда, оставив Шурахбила под Бусрой, продвинулись до Дамаска и осадили его.

Арабы и христиане Южной Сирии, сердца гассанидских владений, не оказывали сопротивления, но и не выказывали желания присоединиться к своим соплеменникам-арабам. Начавшаяся осада была прервана подходом византийской армии под командованием брата Ираклия Феодора, сформированной в Эмессе (Химсе). Но направлялась она не к Дамаску, а в Палестину. Видимо, византийцы намеревались прикрыть приморские районы и затем оттеснить мусульман в степи Аравии.

Халид, обеспокоенный реальной опасностью обхода, решил снять осаду и соединить все мусульманские силы в один кулак. Произошло это через двадцать дней после начала осады. Гарнизон Дамаска, воодушевленный вестью о подходе императорской армии и снятием осады, вышел из города и в 20–30 км от него на равнине Мардж ас-Суффар напал на арьергард, которым командовал Абу Убайда, прикрывавший обоз с имуществом и семьями. Халид, шедший в авангарде, повернул конницу и успел прийти на помощь. Отразив нападение, он продолжил путь. Эту схватку датируется четвергом 19 джумады 1/20 июля 634 г. Мусульманская армия встретилась с византийцами в субботу 29 джумады 1/30 июля 634 г. у Аджнадайна, в 10 км севернее Бейт Джибрина.

Объединенная мусульманская армия насчитывала в это время около 20000 человек. Византийская армия, по самым скромным оценкам мусульманских источников – 40 000, эту цифру можно считать преувеличенной, но, как ни странно, она фигурирует и в византийском источнике.

Мусульманская армия встретила противника не как беспорядочное сборище разнородных отрядов, а была сведена в боевые единицы, принятые военным искусством того времени: в центре стояла пехота (под командой Абу Убайды), фланги позиции охраняли четыре группы (левый и правый фланг – майсара и маймана, левое и правое крыло – джанах), кавалерия была выделена в особую группу, кроме того, имелся засадный отряд. Командовал армией Халид ибн ал-Валид.

Битву начали византийцы. После интенсивного обстрела, нанесшего мусульманам ощутимый урон, они атаковали сначала правый, потом левый фланг, но мусульмане устояли в рукопашной схватке. Когда наступательный порыв византийцев иссяк, Халид дал сигнал к контратаке. Гибель византийского командующего сломила боевой дух византийцев, они обратились в бегство, мусульманская конница преследовала и перебила множество бегущих.

В бою пало 1700 или 3000 византийцев (возможно, во втором случае учитывались и убитые при преследовании), 800 человек, взятых в плен, Халид приказал казнить. Потери мусульман называет только один источник – 475 человек, из которых 30 мекканцев, 20 ансаров и 20 химйаритов. Сохранилась и дата отправки донесения Халида Абу Бакру о победе «четверг, когда прошли две ночи джумады второй». Второй день этого месяца приходился на среду, но если считать ночи после первого дня, то эта дата будет соответствовать 3 джумады II/четвергу 4 августа 634 г. Разрыв в три-четыре дня между битвой и донесением о

ее результатах не должен удивлять, так как требовалось подсчитать своих убитых, провести раздел добычи и выделить из нее пятину.

Естественно, возникает вопрос о причинах победы мусульманской армии, в которой не было профессиональных военачальников и которая, по существу, впервые была сведена воедино из разрозненных племенных и локальных отрядов и никогда до этого не действовала как единое целое в большом сражении. Во-первых, византийская армия, по-видимому, насчитывала меньше 40000 человек, а во-вторых, против мусульман были посланы не лучшие византийские войска, к ним присоединилась городская милиция, выучка которой была не выше, чем у арабов. Наконец, гибель командующего, особенно если она произошла в переломный момент сражения.

В то же время мусульманское войско, при всех его недостатках, имело стойкое ядро из 2–3 тыс. сподвижников пророка, сильных сознанием правоты своего дела, а порой и фанатическим рвением заслужить райскую награду ценой смерти в бою. Наличие такого ядра помогло выдержать удары византийцев. Вторым преимуществом мусульманского войска была хорошая легкая кавалерия, которая нанесла сильный ответный удар и довершила разгром, преследуя противника. Не исключено также, что Халид как полевой командир превосходил византийского командующего. Хотя битва при Аджнадаине и не была решающей с участием основных сил византийской армии, значение ее нельзя преуменьшать. Благодаря этой битве мусульмане уверились в своей способности побеждать грозных «румов» и, кроме того, значительно пополнили свое вооружение за счет трофеев.

Отдохнув и приведя себя в порядок, мусульманская армия возвратилась к Дамаску. По-видимому, вторая осада Дамаска началась в двадцатых числах августа 634 г.

Смерть Абу Бакра

Радостная весть о победе при Аджнадайне застала Абу Бакра тяжело больным: 8 августа он помылся, его продуло, и началась сильная лихорадка, все более и более изнурявшая его. Родные и близкие предлагали позвать врача, но Абу Бакр отказывался от лечения. Почувствовав приближение кончины, он решил заранее подумать о преемнике, чтобы избавить общину от того кризиса, в котором она оказалась после кончины Мухаммада. Выбор его пал на Умара ибн ал-Хаттаба, который все дни болезни руководил молитвой и был его ближайшим советником. Своим решением Абу Бакр поделился с Абдаррахманом ибн Ауфом, тот заметил с сомнением: «Конечно, он достойнее других, но – груб». Абу Бакр успокоил: «Это оттого, что ему казалось, что я слишком мягок, а когда все ляжет на него, то он оставит многие свои привычки».

Талха, с которым он говорил о том же, был более резок: «Ты оставляешь вместо себя Умара, хотя и видел, что испытывают люди от него, [даже] когда ты с ним, а что будет, когда он останется с ними один? Ты встретишься с Господом твоим, и он спросит тебя о твоей пастве». Абу Бакр помолчал и ответил: «Что ты стращаешь и запугиваешь меня Аллахом? Когда я встречу господа моего Аллаха, и он спросит меня, то я отвечу: "Я оставил вместо себя лучшего из твоих людей"».

Добившись поддержки верхушки мухаджиров, Абу Бакр продиктовал Усману краткое распоряжение о преемнике, которое затем было передано Умару. Несомненно, что воля умирающего стала известна за пределами узкого круга доверенных лиц, но на этот раз ансары не заявили претензий на верховную власть в общине, может быть потому, что наиболее активные и авторитетные из них находились в это время далеко от Медины.

На следующий день, в понедельник 22 августа, после захода солнца первый халиф скончался, дожив, как и Мухаммад, до 63 лет, в чем правоверные усматривали знак особой милости Аллаха за благочестие. Мусульманская традиция подчеркивает чрезвычайное бескорыстие и скромность жизни Абу Бакра: став халифом, он продолжал пасти своих овец и торговать одеждами на базаре, пока не оказалось, что это отвлекает от руководства общиной; после смерти он не оставил «ни динара, ни дирхема» – ничего, кроме одного раба, водовозного верблюда и поношенной одежды ценой в пять дирхемов. Разобраться в истинности этих сообщений очень трудно. Мы знаем, что свой капитал в 40000 дирхемов, нажитый в Мекке, Абу Бакр истратил постепенно на помощь мусульманам-беднякам, на помощь самому Мухаммаду и на общественные нужды, но в то же время трудно поверить в нищенскую бедность бывшего купца средней руки. Во-первых, мы знаем, что для возмещения убытков от прекращения торговли община назначила халифу две или две с половиной тысячи дирхемов в год, но он потребовал добавить еще пятьсот, и получил эту добавку. Конечно, эта сумма должна была показаться следующим поколениям ничтожной, но она не была настолько мала, чтобы дом был совершенно пуст даже при трех женах, – она равнялась жалованью советника второго ранга в префектуре Африка при Юстиниане I или заработку десяти квалифицированных ремесленников. Во-вторых, известно, что Абу Бакр составил завещание относительно своего имущества, отец, переживший его, которому досталась 1/6 наследства, уступил ее сыновьям Абу Бакра, вряд ли в этом случае речь шла только о поношенной одежде и водовозной кляче. Можно объяснить даже, откуда родились слова о том, что после Абу Бакра не осталось «ни динара, ни дирхема»: при обследовании общественной казны, хранившейся в отдельной камерке в доме Абу Бакра, действительно не было обнаружено ни того, ни другого – все деньги, поступавшие в казну, он сразу же делил между мусульманами Медины. Словом, по сравнению со многими мухаджирами-богачами Абу Бакр был беден, но представлять его нищим нет оснований.

Похороны халифа свершились без всякой пышности и торжественности. Хоронили его той же ночью в присутствии узкого круга близких, положив рядом с пророком. Могила сровняла с землей, не оставив ни могильного холмика, ни памятного камня. Женщины пытались устроить в доме традиционное оплакивание, но Умар пресек этот языческий обычай. Наутро Умар в мечети принял присягу. Воспоминаний о содержании первой речи нового халифа не сохранилось.

Умар был значительно моложе Абу Бакра – ему только-только перевалило за пятьдесят. Это был крупный, высокий человек, в любом окружении возвышавшийся над остальными, «словно был верхом», с лысой головой, обрамленной венчиком седых волос, и с бородой, рыжей от хны. Быстрая, решительная походка отвечала его характеру, скорому на решения и не теряющемуся перед неожиданностями. Как и Абу Бакр, он был богомолен и благочестив, скромен в пище и одежде, но его благочестие было активным: он требовал соответствующего поведения и от других, а, став халифом, не только показывал, но и наказывал. Именно такой человек и нужен был молодому, становящемуся государству, когда каждый день требовал от его главы неординарных решений.

По единодушному утверждению всех источников, первым распоряжением Умара было смещение Халида ибн ал-Валида с поста главнокомандующего и назначение на его место Абу Убайды. Это единодушие настолько гипнотизирует современных исследователей, что они следуют за источниками, не замечая некоторых косвенных свидетельств, опровергающих господствующее мнение. Не следует забывать, что вся информация об этом времени прошла период устного бытования и, соответственно, подверглась характерной фольклорной обработке. А фольклор не любит полутонов, его герои должны быть однозначны: щедрый – щедр без меры, злой – злым всегда и во всем. В данном случае известно было, что Умар не испытывал симпатии к Халиду и когда-то сместил его. Однако Умар, хотя и был человеком решительным, не опускался до самодурства и не мог отстранить от командования лучшего полководца ислама.

Сражение под Фихлем и сдача Дамаска

Вторая осада Дамаска также окончилась безрезультатно. Поздней осенью в Южной Сирии появилась большая византийская армия, и мусульманам пришлось снять осаду. Военные действия перенеслись в Северную Палестину и на территорию Иордании. Они кончились сражением под Фихлем 28 зу-л-ка‘да 13/23 января 635 г.

После поражения византийцев на Иордане жители Фихля поспешили заключить договор с победителями, обязавшись в обмен на гарантию неприкосновенности жизни и имущества платить джизью; греки (румы) могли в течение года беспрепятственно покинуть страну, а оставшись, тоже обязывались платить джизью. Не стали испытывать судьбу и жители Табарии, также заключив договор. Видимо, тогда же решилась судьба остальных городков по Иордану и вокруг Тивериадского озера. В конце февраля соединенная мусульманская армия снова двинулась на Дамаск. 1 мухаррама 14/25 февраля 635 г. на равнине Мардж ас-Суффар путь ей преградили крупные силы византийской армии, состоявшей из остатков войска, разгромленного под Фихлем, гарнизона Дамаска и подкреплений из Химса. Подробности этого сражения неизвестны. Почему-то начать осаду Дамаска удалось только 16 мухаррама 14/12 марта 635 г. Две самые большие группы стали у главных ворот: западных (Баб ал-Джабийя) и восточных (Баб аш-Шарки), командовали ими Абу Убайда и Халид ибн ал-Валид; северную сторону блокировали войска Шурахбила и Амра ибн ал-Аса. С юга город осаждали войска Йазид а-бн Абу Суфйана. Передышка, полученная дамаскинцами при уходе мусульман к Фихлю, позволила им пополнить запасы и хорошо подготовиться к обороне. Мусульмане не предпринимали попыток штурма, так как не имели осадной техники, а осажденные не подпускали их близко к стенам, засыпая стрелами и градом камней из камнеметных машин. Во время затянувшегося стояния под Дамаском отдельные мусульманские отряды совершали рейды в соседние области, порой на значительные расстояния. Византийские власти, со своей стороны, предпринимали попытки деблокировать город.

26 мая десяти тысячная армия, возглавляемая сакелларием, вышла из Химса, чтобы навести порядок в области и освободить Дамаск, но 10 августа потерпела поражение около Дамаска. Последняя надежда дамаскинцев на вызволение извне была развеяна, а продолжение обороны в осаде не могло быть бесконечным, так как зерно нового урожая в город не поступило. Понятно, что у арамейского и арабского населения не было желания переживать ужасы голода или резню при штурме ради сохранения верности греческим властям, и какие-то представители города вступили в переговоры с Халидом. Большинство источников называет представителем епископа, что вполне соответствует его роли в византийских городах. Лишь один арабо-христианский историк середины X в., Евтихий, сообщает, что инициатором переговоров выступил правитель (амил) города по имени Мансур.

Договор был подписан в воскресенье 14 раджаба 14/3 сентября 635 г. Пересказ его содержания дают (с очень небольшими разночтениями) два источника, взаимно дополняя друг друга. Поскольку это первый из подробно изложенных текстов договоров с сирийскими городами, мы приведем его полностью по ал-Балазури:

«Во имя Аллаха, милостивого, милосердного.

Это то, что даровал Халид ибн ал-Валид жителям Дамаска, когда вступил в него. Даровал неприкосновенность им самим, их имуществу, их церквям; их городская стена не будет разрушена, и ни в одном из домов не будут селиться. Им в этом покровительство (зимма) Аллаха и покровительство его посланника, да благословит его Аллах и да

приветствует, и халифов, и верующих. Не окажут им ничего, кроме добра, если они платят джизью».

В другом варианте названы имена всех свидетелей: Амр ибн ал-Ас, Йиад ибн Ганм, Йазид ибн Абу Суфйан, Абу Убайда ибн ал-Джаррах, Му'аммар ибн Гийас, Шурахбил ибн Хасана, Умайр ибн Са'д, Йазид ибн Нубайша, Убайдаллах ибн ал-Харис, Кудат'а ибн Амир. Этот список явно подлинный даже по порядку подписей: поздние редакторы, конечно, поставили бы имя Абу Убайды первым.

Перед нами не полный текст договора, а перечень его принципиальных положений, так как отсутствует имя представителя горожан, не указаны сумма дани или ставки джизьи и иные конкретные обязательства, о которых мы узнаем по другим сведениям: контрибуция в 100000 динаров и джизья в 1, 2 или 4 динара с мужчины и джериб пшеницы.

Под влиянием более поздних представлений о том, как должны были обращаться с побежденными иноверцами герои раннего ислама, появились утверждения, что по договору жители Дамаска должны были уступить мусульманам половину недвижимого имущества и церквей. Уже в конце VIII – начале IX в. историк ал-Вакиди вынужден был опровергать это утверждение: «Я читал грамоту Халида ибн ал-Валида жителям Дамаска и не видел в ней ничего о разделе пополам жилищ и церквей. Об этом сообщают, но я не знаю, откуда взял это тот, кто сообщает».

Падение Дамаска явилось важным этапом в завоевании Сирии мусульманами: впервые после долгой осады был взят крупный, хорошо укрепленный и подготовленный к обороне город с сильным гарнизоном. Оно означало окончательное решение судьбы области к югу от него и открывало простор для дальнейших завоеваний.

После короткой передышки Амр ибн ал-Ас и Йазид ибн Абу Суфйан возвратились со своими войсками в Палестину, а Халид ибн ал-Валид и Абу Убайда, оставив в Дамаске полутысячный гарнизон, направились в Северную Сирию через долину Бекаа. Главный город этого района, Баальбек, сдался после непродолжительной осады и заключил договор, подробный пересказ содержания которого сохранил для нас ал-Балазури:

«Во имя Аллаха, милостивого, милосердного.

Это – охранная грамота (киتاب ал-аман) такому-то сыну такого-то и жителям Баальбека, его ромеям, его персам и арабам, им самим, их имуществу, их церквям и их домам внутри города и вне его и их мельницам. Ромеям [дозволяется] пасти их стада на расстоянии до пятнадцати миль от них, но они (ромей) не будут останавливаться в обжитых селениях. А когда пройдет месяц раби и джумада вторая, то они уйдут куда захотят, А тем из них, кто примет ислам, – то же, что и нам, и на них те же [обязанности], что на нас. А их купцам разрешается ездить куда хотят, по областям, с которыми мы заключили договор; те же из них, кто поселится постоянно, должны платить джизью и харадж».

Как мы видим, в тексте договора не хватает имени лица, которое представляло горожан, не упомянуты имена свидетелей, нет даты и, главное, нет имени амира, заключившего договор. Тем не менее он дает нам любопытные сведения, например о наличии в Баальбеке значительной персидской колонии (оставшейся со времени последней ирано-византийской войны?), важно для нас и хронологическое указание, позволяющее косвенно судить о времени заключения договора. Как мы знаем по договору с Фихлем, желающим уехать представлялся льготный годичный срок, в течение которого они не платили подушную подать; исходя из того, что грекам позволялось остаться до джумады II включительно, можно предположить, что договор был заключен в раджабе предыдущего года, точнее – в конце раджаба, так как до 14 раджаба еще не был взят Дамаск.

Естественной следующей целью после Баальбека была столица епархии Ливанская Финикия, Эмесса (Химс). На пути к ней, в Джуси произошло столкновение с византийским войском. Разгромив его, арабы в шаввале 14/18.XI -16.XII 635 г. появились под стенами Химса.

Арабская армия стала лагерем у северных ворот, отрезая пути подхода подкреплений с севера. Химсцы надеялись, что легко одетые, привыкшие к теплу бедуины не выдержат зимних холодов и скоро снимут осаду. Но те держались стойко, плотно обложили город и не думали уходить. Воля горожан к сопротивлению была ослаблена, и на восемнадцатый день осады они сдали город, по договору. Он был заключен в зу-л-ка'да 14/ 17.XII 635–15.1 636 г. сроком на год при условии выплаты 170000 динаров.

Вслед за Химсом сдались Эпифания (Хама) и Ларисса (Шайзар). Жители этих городов будто бы встречали завоевателей с музыкой. Верится этому с трудом, поскольку и христианские источники пишут о грабежах и порабощении сельского населения, и сами арабские источники не делают из этого тайны – мусульманские войска вели себя не беспощаднее других, но и не лучше – во всяком случае, не настолько лучше византийцев, чтобы сирийцы оказывали им явное предпочтение. Хотя, конечно, нельзя исключить, что нашелся какой-то магистрат или иной знатный горожанин, который страха ради мог устроить подобную встречу, чтобы задобрить грозных завоевателей. Далее завоеватели направились в сторону Бeroи (Халлеб) через Халкис (Киннаsrин). Есть одиночное сообщение, что Халид ибн ал-Валид в зу-л-хиджжа 14/16.I-13.II 636 г. заключил договор с Киннаsrином.

Византийские источники ничего не говорят нам о том, когда Ираклий осознал серьезность положения и начал сбор сил для решительного отпора мусульманскому завоеванию. Вряд ли это могло произойти раньше сдачи Химса. Собранные войска возглавил сакелларий (казначей) Феодор и армянский военачальник Ваган/Вахан (в арабской транскрипции – Бахан, в некоторых источниках вследствие искажения первой буквы – Махан). Сборным пунктом была Антиохия или Эдесса. Как распределялись функции этих двух военачальников, сказать трудно, арабские источники на первый план выдвигают Бахана. Возможно, что группа Бахана формировалась в Эдессе и состояла в значительной части из армян, а группа Феодора – в Антиохии и состояла из регулярного императорского войска. Численность всей армии, по наиболее трезвым оценкам, достигала 40–50 тыс. человек, в то время как все мусульманские силы в Северной Сирии вряд ли превышали 15 тысяч.

На совещании в Химсе было решено не удерживать город, а отойти к Дамаску. При этом будто бы мусульмане вернули собранную жителями Химса дань, поскольку не могли выполнить свое обязательство обеспечить безопасность города.

Византийские полководцы, видимо, не пытались навязать мусульманам крупное сражение. Лишь к маю византийская армия подошла к Дамаску и стала лагерем на реке Бараде. Мусульмане не решились оставаться в Дамаске с недружественным населением, и отошли к Джабии. По свидетельству ал-Вакиди, епископ Дамаска перед уходом мусульман из города попросил Халида подтвердить договор о неприкосновенности жизни и имущества дамаскинцев. Новый договор был датирован раби II 15/13.V- 10.VI 636 г., и этим временем принято датировать оставление Дамаска мусульманами.

Византийцы удовлетворились занятием Дамаска и не стали преследовать мусульман, надеясь медленным продвижением вытеснить их из Сирии и Палестины. Такую тактику можно объяснить только пренебрежением к противнику; да и как могла армия, недавно одолевшая такого грозного врага, как сасанидский Иран, всерьез относиться к ополчению аравитян, которых все в империи считали дикарями. Эта медлительность была на руку мусульманам: они получили возможность спокойно собрать воедино все силы и подготовиться к контрудару.

Борьба за Хиру

Первые военные успехи в Сирии настроили Умара на организацию похода в Сасанидские владения. Но призыв его был встречен без энтузиазма: наиболее энергичные и воинственно настроенные мединцы уже ушли в Сирию. Лишь на четвертый день нашелся один доброволец, да и тот не из ансаров или мухаджиров, а из племени сакиф, некий Абу Убайд ибн Мас'уд. Постепенно набралось около 1000 человек. Умар назначил командующим этого безвестного сакифа за то, что он первым отозвался на его призыв.

В Ктесифоне после длительного периода смут и частых дворцовых переворотов положение, наконец, стабилизировалось. За год, прошедший после провозглашения в Истахре десятилетнего Йездигерда царем, его покровителю, испехбеду Хорасана Рустаму, удалось утвердить его власть над большей частью Ирана, и теперь он мог заняться аравийским пограничьем, которому Сасаниды никогда не придавали серьезного значения: опасность обычно грозила с запада или востока, но только не отсюда. Рустам разослал уполномоченных в захваченные арабами районы и условился о дне общего выступления, к которому была бы готова армия, собираемая в Ктесифоне Джалинусом (Галеном?). В Нижний Бехкубад (куда входила и Хира) был послан бывший наместник Уллайса Джабан, а Нарсе, двоюродный брат Хосрова Парвиза, прибыл в свой родовой удел в Каскаре (Кашкаре) около Зандаверда.

В распоряжении ал-Мусанны, оставленного Халидом в Хире, было несколько тысяч воинов. Выступление знати (азатов) сразу во всех руствах в сочетании с ударом регулярного войска по основным силам ал-Мусанны, безусловно, сразу уничтожило бы их. Но Джабан не дождался обусловленного срока и начал восстание, его примеру последовали в других руствах.

Мелкие арабские отряды ретировались за Евфрат, к главным силам в Хире, но и здесь ал-Мусанне не удалось организовать сопротивление, ему пришлось оставить Хиру без боя и отступить к Хаффану, ближе к своим кочевьям, где не грозила опасность окружения, и можно было не бояться преследования. Действительно, Джабан продвинулся из Хиры на юг до границы оазиса и встал лагерем около крепостцы ан-Намарик.

Сконцентрировав все силы в Хаффане, ал-Мусанна не предпринимал никаких действий в ожидании подкреплений из Медины. Абу Убайд подошел через несколько дней, став по распоряжению Умара командующим объединенным войском. Численность отряда Абу Убайда определяется различно: от одной тысячи до четырех или пяти тысяч (не исключено, что последняя цифра относится к объединенному войску). Этих сил было достаточно, чтобы начать активные действия.

Дав своему отряду несколько дней отдыха в Хаффане, Абу Убайд всеми силами нанес удар по лагерю Джабана в ан-Намарике. Сражение окончилось победой мусульман. Сам Джабан попал в плен, но освободился за скромный выкуп, так как человек, захвативший его, не знал, кто попал в его руки.

Часть разгромленного войска Джабана бежала к Нарсе, вокруг которого концентрировались повстанцы из округов Барусма, Заваби и Джубар. Восставшие надеялись на скорый приход армии Джалинуса, но Абу Убайд опередил ее и в степи, в местности с арабским названием ас-Сакатийа, находившейся, по-видимому, между Хирой и Зандавердом, разгромил Нарсе. Нарсе бежал, оставив лагерь со всем имуществом, а в амбарах его поместья победители захватили большие запасы зерна. Его раздали обитавшим в этом районе арабам и местным крестьянам. Зандаверд был основательно разрушен и после этого не восставился. Арабы стали хозяевами значительной части Вавилонии: владельцы Барусма, Джубара и Заваби поспешили изъявить покорность и обязались по-прежнему платить джизью по четыре дирхема с человека.

Абу Убайд вышел навстречу персидскому войску, столкнулся с ним где-то в районе Вавилона и вынужден был отступить за Евфрат у современной эль-Куфы. Персы, следуя за ним, остановились на другом берегу. Противников разделял наплавной мост. Персидский командующий, следуя принятому обычаю, предложил Абу Убайду как слабейшему выбрать место сражения. Абу Убайд из гордости выбрал худшую позицию, переправившись на сторону персидской армии.

На восточном берегу мусульманская армия оказалась в затруднительном положении: перед ней стоял превосходящий по численности противник, а возможности маневра были ограничены.

В субботу 26 ноября началась ожесточенная битва, исход которой долгое время был неясен. Арабы отбивали все атаки, нанося противнику значительный урон, но много хлопот им причинял боевой слон. Абу Убайд сам вышел против него и отрубил хобот, но был затоптан обезумевшим от боли животным (по другим данным, слон упал и задавил его). Один за другим брали знамя и гибли назначенные перед боем заместители из его родного племени сакиф, в том числе брат и сын. В момент, когда арабы стали подаваться под натиском противника, один из мусульманских воинов, желая заставить своих собратьев биться до конца, перерубил канат, связывавший суда, и мост распался. Однако результат получился обратным – началась паника, мусульманские воины, давя друг друга, стали бросаться в воду и тонуть, персы избивали бегущих. Только мужество ал-Мусанны спасло их от полного истребления: с небольшой группой храбрецов он прикрыл бегущих, дал возможность восстановить мост и до последнего прикрывал отступление.

Арабская армия потеряла убитыми и утонувшими от 1800 до 4000 человек, среди оставшихся в живых было много раненых. Такое жестокое поражение после нескольких легких побед и богатой добычи повергло в уныние мединских добровольцев, и они, не заботясь о дальнейшей судьбе раненого ал-Мусанны и других товарищей по оружию, бежали в Медину. Всего ал-Мусанну покинуло около 2000 человек, у него осталось только 3000 воинов (видимо, в основном соплеменников), и он ушел из Хиры в родные кочевья Зу-Кара и Барика. Мусульманскую армию спасло от окончательного уничтожения только то, что Бахман в первый момент не стал ее преследовать, дав отдых своей также сильно пострадавшей армии, а потом получил из столицы неблагоприятные известия и вынужден был возвратиться.

Прибытие беглецов с печальной вестью о гибели многих мединцев повергло город в траур. Умар, желая ослабить впечатление от поражения, сделал вид, что ничего особенного не произошло. Поражение отбило у всех охоту искать славы и богатства в походах. Прежний ореол непобедимости Сасанидов расцвел свежими, яркими красками. Около полугода никто не откликался на призывы халифа помочь братьям в Ираке, хотя для участия в военных действиях в Сирии, где мусульмане одерживали верх, добровольцы находились.

Через несколько месяцев Умару удалось сторговаться с Джариром ибн Абдаллахом, вождем племени баджила, который принял ислам незадолго до кончины Мухаммада, остался верен исламу во время ридды, участвовал в походе Халида на Ирак, а после его ухода в Сирию возвратился в родной ас-Сарат. Какая-то часть племени не признавала его главенства, и ему было важно получить от халифа назначение амиром племени. Сначала Джарир отказывался идти куда-нибудь, кроме Сирии, и согласился идти в Ирак только тогда, когда Умар пообещал ему кроме обычной доли добычи еще и четверть хумса. Понятно, что после этого авторитет Джарира у его соплеменников значительно возрос.

Джариру удалось собрать под свое знамя около 700 баджилитов, а Умар присоединил к нему еще 700 аздитов и кинанитов, собиравшихся идти в Сирию. Второй фигурой, вокруг которой группировалось разнородное войско, был Исма ибн Абдаллах ад-Дабби, также участвовавший в иракском походе Халида. Крупнейшей племенной группой были тамимиты

– около 1000 человек, но не они, а именно баджилиты были организующим ядром войска. Всего набралось 3–4 тыс. воинов, командование которыми Умар поручил Джариру.

Основные силы ал-Мусанны в это время находились в степи у Хаффана (Мардж ас-Сабах), а в Хире, остававшейся в руках мусульман, располагался передовой отряд во главе с Баширом ибн Абдаллахом, одним из военачальников Халида. После подхода подкреплений из Медины общая численность мусульманского войска удвоилась и достигла 7–8 тыс. человек, но единства в нем не было, так как Джарир претендовал на верховное командование, а ал-Мусанна справедливо считал себя хозяином положения. Поэтому Джарир и Исма стали отдельными лагерями.

Усиление арабов беспокоило Ктесифон. Рустам, фактический хозяин положения в столице при несовершеннолетнем Йездигерде III, выслал против арабов двенадцатитысячную армию под командованием Михрана, подкрепленную тремя боевыми слонами.

Узнав от разведчиков о приближении Михрана, ал-Мусанна распорядился о соединении всех отрядов севернее Хиры. Сюда на помощь ал-Мусанне пришли еще отряды арабов-христиан из бану таглиб и ан-намир. Михран на правах более сильной стороны предложил арабам выбирать место боя. Наученные горьким опытом предыдущего сражения, они предпочли остаться на месте и предоставить Михрану переправиться через Евфрат. Сражение начали мусульмане, но персы устояли, отбросили нападавших и опрокинули центр. Ал-Мусанна, стоя в потоке бегущих, кричал: «Ко мне! Ко мне! Я – ал-Мусанна!» В этой схватке, где обе стороны перемешались, а горячий ветер из пустыни затянул желтой пылью, поднятой сражающимися, все поле битвы, лишив командующих возможности управлять войсками, когда был смертельно ранен брат ал-Мусанны, командовавший пешими, – Мас‘уд, ал-Мусанне все-таки удалось остановить бегство. Исход сражения решил прорыв ал-Мусанны к мосту, лишивший персидскую армию возможности отступления. Несмотря на это, персы не бросились к реке в паническом бегстве, а продолжали сражаться. В бою погиб сам Михран, и, видимо, только это решило исход сражения в пользу мусульман, но остатки персидской армии не бежали, а отошли в порядке. Битва закончилась к вечеру, и мусульмане возвратились в свой лагерь. На утро мусульмане начали преследование и дошли до канала ас-Сиб, примерно в 50 км от Евфрата. Это сражение датируется сафаром 14/27.111–24.IV 635 г., что подтверждается упоминанием сильного ветра из пустыни, характерного в этих местах начиная с апреля. Отступление разгромленной персидской армии открыло мусульманам возможность совершить несколько дальних рейдов за Анбар и даже до Тигра у селения Багдад.

Военные действия в Месопотамии в 634–636 г.

Теперь, когда мусульмане твердо встали на Среднем Евфрате, Умар решил овладеть низовьями Тигра и Евфрата. Из Медины был послан небольшой отряд из трехсот с небольшим воинов во главе со старейшим сподвижником Мухаммада, Утбой ибн Газваном. По дороге отряд вырос за счет бедуинов до 500 человек и продолжал пополняться.

Утба подошел к Убулле в конце мая или в июне 635 г. и остановился на галечном плато Басра, возвышавшемся над болотистой низиной в 20 км к югу от реки. Стояла влажная жара, тяжелая для жителей пустыни, низменность перед Убуллой, заросшая камышом, раскисла во время паводка, и Утба в течение всего лета не начинал военных действий. Когда спала жара и низина подсохла, Утба со своим небольшим отрядом подошел к самой крепости, но не решился на нее напасть. Он дождался, когда персы вышли из крепости, чтобы уничтожить горстку мусульман, и в поле разгромил их. Укрывшиеся в крепости остатки гарнизона не стали обороняться дальше и через несколько дней тайно покинули крепость. Арабы потеряли в битве 70 человек и захватили в Убулле очень скромную добычу:

Успех Утбы привлек к нему новых воинов, без которых он не смог бы разгромить отряд марзбана Майсана около Мазара. Персы понесли большие потери, а марзбан попал в плен. Его золотой пояс, знак высокого ранга, вместе с пятой частью добычи повезли халифу как вещественное доказательство большого успеха.

Лагерь арабов расположился на плато Басра, где находились семь усадеб и развалины укрепления (Хурайба, т. е. «развалина»), большинство устроилось в камышовых шалашах и хижинах. Сюда свозили добычу, здесь была устроена площадь для моления и жила часть семей (но нередко жены сопровождали воинов в походах). Трудно определить территорию, завоеванную в этом году Утбой. Вероятнее всего, в эту кампанию Утба овладел всем Шатт ал-Арабом и прилегающей к нему частью низовий Тигра и Евфрата.

В конце 14 или 15 г. х. Утба отпросился в хаджж, оставив своим заместителем Муджаши, а имамом (предстоятелем на молитве) – сподвижника Мухаммада Мугиру ибн Шу‘бу. В отсутствие амира часть Майсана восстала, Муджаши не оказалось в Басре, и Мугира, возглавив мусульман, подавил это восстание. Как было заведено, он тотчас известил халифа о победе. Умар с удивлением спросил Утбу, кого же тот оставил заместителем. Утба объяснил положение и получил выговор за назначение «человека войлока над людьми глины» (т. е. бедуина над оседлыми арабами). Умар приказал ему немедленно возвратиться в Басру. В пути Утба умер, и эмиром стал Мугира.

Фортуна переменчива. Стоило добиться успеха в низовьях Тигра и Евфрата, как на Среднем Евфрате мусульманам пришлось оставить Хиру. Арабские историки умалчивают, как это произошло. Можно только догадываться, что соперничество между ал-Мусанной и Джариром не позволило им объединить силы для защиты, и они отошли в степь и стали двумя разными лагерями далеко друг от друга.

Умару пришлось вновь собирать войско для исправления положения. Под впечатлением неудачи он решил лично возглавить поход на Ирак и объявил сбор добровольцев. Но его отговорили от личного участия, и командующим был назначен человек, не менее заслуженный в исламе, чем Умар, – Са‘д ибн Абу Ваккас, из первой десятки последователей Мухаммада. Из района Медины набралось около 1000 добровольцев, и 3000 пришли из ас-Сарата и Йемена. С этим четырехтысячным войском Са‘д вышел из Медины в конце осени или начале зимы.

Зима 635/36 г. застала Са‘да на полпути в Хиру, между Зарудом и Са‘лабией, где он простоял три месяца, дожидаясь подхода возможно большего числа воинов и наступления

весны, когда большому войску легко обеспечить подножный корм и водопой для верховых и вьючных животных.

В Заруде к Са'ду присоединились посланные халифом еще (?) 2000 йеменцев и 2000 гатафанцев, подходили и другие племена из Центральной Аравии. Всего собралось не менее 12000 воинов, многие с семьями и всем домашним имуществом. Ядром этого пестрого ополчения были сподвижники пророка и их сыновья, всего будто бы более тысячи, опираясь на которых Са'д мог как-то балансировать в противоречивом переплетении племенных амбиций, соперничества и индивидуальных претензий вождей.

Не позже апреля, когда начинает выгорать трава, армия Са'да должна была выступить из Заруда и, вероятно, в начале мая встала на границе Ирака, как раз в то время, когда сирийская армия мусульман под давлением превосходящих сил византийцев отошла к Дамаску и, может быть, даже оставила его. На обоих флангах арабского вторжения назревала критическая ситуация.

Глава 7. Триумф мусульманской армии

Битва на Йармуке

Приняв тяжелое решение оставить Дамаск, Халид повел свое войско на юг. Византийцы не стали его преследовать, а верные той же тактике оттеснения арабов от прибрежных областей на восток, в степь, начали обход с запада по дороге на Тивериадское озеро в сторону вади Руккад, угрожая окружением (рис. 7). Халид с 2000 кавалеристов и лучников бросился наперерез византийцам, а остальное войско, спешно собрав верблюдов, пасшихся в степи, начало отступление на юго-восток. Оставшись с пешими лучниками в засаде, Халид послал во главе кавалерии Кайса ибн Макшуха, тот завязал бой и заманил кавалерию византийцев к позиции лучников, этот маневр обеспечил разгром византийского отряда и сорвал попытку окружения мусульманской армии. Она беспрепятственно отошла на 15–20 км и встала «спиной к Азри‘ату», опираясь левым флангом на каньон Йармука и прикрываясь с фронта одним из многочисленных вади, стекающих со склонов Джебел Друз, скорее всего современным вади Эль-Харир. Позиция византийцев определяется достаточно точно: от Дейр Джабал до Джаулана, или, по другому источнику, – от Дейр Аййуба. Под Джауланом в данном случае подразумевается не вся область Джаулан, а селение, носящее название Сахм Джаулан. На Йармуке к армии Халида присоединился Амр ибн ал-Ас, который при известии об отступлении арабской армии снял осаду с Иерусалима. Армия Халида, вероятно, достигала 27000 человек.

Халид (или Абу Убайда?) запросил подкреплений у Умара, но, как мы знаем, все свободные силы Аравии поглотила армия Са‘да. Халиф сумел сколотить лишь небольшой отряд в одну или две тысячи человек под командованием Са‘ида ибн Амира ал-Джумахи, что не могло изменить соотношения сил. Началось стояние на Йармуке. Мусульмане могли только препятствовать византийцам переправиться через Йармук и беспокоить их набегами. Однако византийцы не предприняли серьезных попыток атаковать арабов, предпочитая выжидать, когда те поймут бесполезность сопротивления и сами уйдут из Сирии. Эта пассивность работала против византийцев. Дело не только в том, что мусульмане могли получить пополнения и лучше укрепиться, а в том, что длительное бездействие не воодушевленной большой идеей армии в условиях вседозволенности в поле разлагает ее. Так что та из сторон, которая имеет в этом отношении хоть какое-то преимущество, в конце концов берет верх. У мусульманской армии было по крайней мере два преимущества: добровольное участие в борьбе за веру (тогда как византийская армия была наемной, а частично состояла из мобилизованных крестьян) и национальная однородность (при всех различиях между кочевниками и оседлыми, северными и южными арабами) в противоположность очень пестрой по составу византийской армии. Ко всему прочему византийские солдаты и их командиры не очень-то стеснялись в отношении местного населения и грабили его ненамного меньше завоевателей, поэтому византийская армия не пользовалась всеобщей поддержкой. Можно не принимать безоговорочно на веру рассказы арабских историков о том, что обиженные византийскими солдатами становились помощниками и проводниками мусульман, но какую-то долю реальности они отражают.

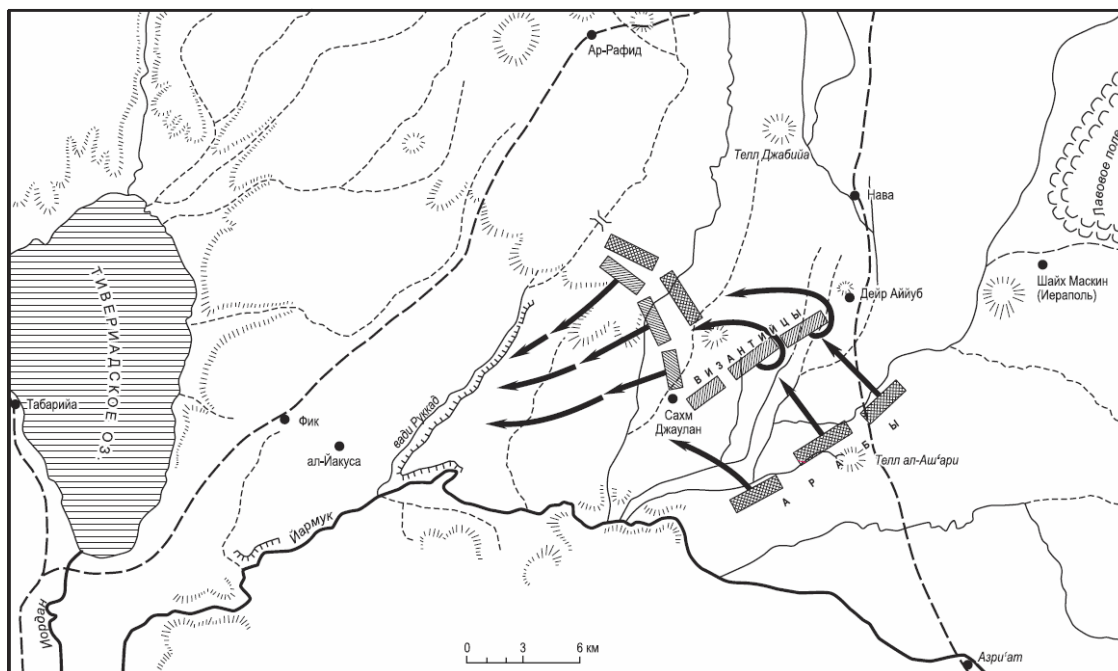

Рис. 7. Схема сражения на Йармуке

В конце концов, 20 августа 636 г. византийский командующий решился дать бой. По сведениям арабских авторов, правым флангом византийцев командовал Абу Канатир (букинатор, букв. трубач), левым – Друнаджар (друнагарий – тысяцкий), а в центре стояли армянские отряды под командованием Джирджира (Григорий или Георгий). Византийские авторы упоминают только двух командующих – сакеллария (казначея) евнуха Феодора и Ваана/Вагана, который ревниво относился к тому, что общее командование было поручено Феодору. Арабские же авторы считают командующим Вагана (Бахана) и лишь в отдельных случаях упоминают сакеллария.

В арабском войске, вышедшем из своего лагеря навстречу, центром командовал Абу Убайда, правым флангом – Му'аз ибн Джабала; в качестве командующего левым флангом называют разных лиц. Во главе пехоты (видимо, сводного отряда из мелких групп разных племен) стоял Хашим ибн Утба (племянник Са'да ибн Абу Ваккаса). Внутри эти основные корпуса делились на мелкие племенные отряды, каждый из которых имел свое знамя. Объезжая строй перед боем, командующий обращался к каждому отряду отдельно со словами ободрения и наставления. В центре стояли сводный отряд из тысячи сподвижников пророка, сводный отряд пехоты и аздиты. На правом фланге стояли йеменские племена. На левом фланге – в основном североарабские племена, североаравийские и сирийские.

Важнейшей ударной силой армии, кавалерией, командовал сам Халид ибн ал-Валид. Он разделил ее на четыре группы, по одной за каждым из трех основных корпусов, а четвертый оставил в своем распоряжении как общий резерв. Лагерь со всем имуществом и семьями находился за центральным корпусом на высоком холме.

После кавалерийских атак с обеих сторон византийский левый фланг атаковал правый фланг арабской армии; две атаки были отбиты, но после третьей йеменцы побежали в сторону лагеря. Оставались лишь отдельные островки сопротивления вокруг племенных знаменосцев. Византийцы ворвались было в лагерь, но беглецы, которых женщины встречали руганью и кольями от палаток, остановились и оборонили лагерь. Подоспевшая кавалерия отбросила византийцев на исходную позицию. Попытка византийцев опрокинуть левый фланг также потерпела неудачу, и в этом случае им удалось прорваться до лагеря.

Византийским атакам сильно мешали пыльный ветер из пустыни и солнце, светившее в глаза. Воины завязывали рот и нос, чтобы спастись от пыли. Во время контратаки Халида погиб командующий правым флангом византийцев, букинатор. Арабские источники отметили существование соперничества в стане византийцев, а византийский историк Феофан Исповедник сообщает, что после поражения, нанесенного арабами сакелларию, войска Вагана восстали и объявили своего командующего императором. Воспользовавшись разбродом в византийском лагере, мусульмане напали и разгромили Вагана.

Наибольшего накала сражение достигло на следующий день, когда вся тяжесть атаки пришлось на центр, подавшийся под натиском византийцев. Успешная контратака мусульман захлебнулась под интенсивным обстрелом армянских лучников. В этот день, оставшийся в памяти ветеранов как «день окривления», 700 мусульман окривели от армянских стрел. Ваган бросил в бой тяжелую пехоту, скрепленную по 10 человек цепями, но не смог опрокинуть мусульман. Только к исходу третьего дня арабская кавалерия совершила прорыв по правому флангу и, видимо, вышла в тылу византийцев к переправе через вادي Руккад (по другим данным, заслуга принадлежит засаде у места, удобного для переправы). Возможно, что успеху мусульман способствовал сильный ветер со спины, ослаблявший точность обстрела и убийную силу стрел византийских стрелков.

Утомленная многодневным сражением, византийская армия бросилась в паническое бегство в густой пыли в предвечернее время. Беглецы, преследуемые конницей, не выбирали дороги и, падая с обрывистого берега вادي Руккад, разбивались. Вагану с отрядом кавалерии удалось оторваться от преследователей, но его военная и политическая карьера была кончена – вернуться к императору после всего случившегося он не мог. Последним его приютом стал монастырь на Синае, где он закончил свои дни под именем Анастасия, занимаясь толкованием псалмов.

Победа досталась мусульманам дорогой ценой. На поле боя было похоронено 4000 убитых, да в три раза больше того должно было выбыть из строя из-за ран. Таким образом, из двадцатисемитысячной армии осталось 10–12 тысяч боеспособных. Правда, к ним надо добавить отряд арабов-христиан Джабалы ибн Айхама, перешедший на сторону мусульман (не это ли облегчило прорыв мусульманской кавалерии в последний день?). Сведения о потерях византийской армии в исторических сочинениях чрезвычайно завышены.

Видимо, оценивая их, следует исходить из потерь мусульманской армии: в первые два дня потери можно предположить равными и только на исходе битвы при бегстве они должны были возрасти. Реальнее всего говорить о 10000 убитых. Невероятно и число пленных – 40000, но несколько тысяч пленных могло быть. В целом, если учесть и раненых, оставшихся на поле боя (из того же расчета: в три раза больше убитых, но часть легкораненых могла спастись бегством, поэтому примем коэффициент 1:2), то из 50000 спаслось около 20000 человек. Остатки византийской армии сопоставимы с мусульманской армией, но с одной стороны была цельная организованная масса, а с другой – множество мелких групп, совершенно подавленных поражением.

Разгром был полный. Восстановить армию из этих остатков было невозможно, а для формирования равноценной новой армии требовалось много и времени и денег. Ираклий отказался от попыток восстановить армию и уехал из Антиохии в Константинополь, предоставив сиро-палестинским городам обороняться собственными силами. Одержав победу, мусульманская армия снова разделилась на составные части, и каждый из амиров ушел в свою область: Амр ибн ал-Ас – в Палестину, Шурахбил – в Иорданию, Абу Убайда и Халид двинулись на север – отвоевывать города, оставленные полгода назад.

Дамаск, в котором, несомненно, укрылась часть разгромленной византийской армии, не открыл своих ворот перед победителями и сопротивлялся 70 дней; на этом основании сдачу города можно отнести к середине ноября 636 г. Из Дамаска по распоряжению Халида

был отправлен отряд из 700 человек во главе с Хашимом ибн Утбой на помощь Са'ду ибн Абу Ваккасу.

Согласно ал-Азди, жители Химса, как и дамаскинцы, вышли навстречу Халиду и согласились сдаться на прежних условиях. Видимо, также без сопротивления сдались другие города между Химсом и Киннасином, которые заключили договоры в предыдущем году. Лишь в Киннасрине Халид встретил сопротивление. На подходе к городу его встретило византийское войско. После его разгрома, горожане укрылись за городскими стенами, а жители арабского пригорода (из племени танух) сдались Халиду, сказав, что они тоже арабы, что у них не было намерения воевать с ним, но их заставили. Увидев безнадежность положения, киннасринцы сдались.

Относительно Халеба сообщается, что городская верхушка бежала в Антиохию и оттуда вела переговоры с мусульманами об условиях сдачи города. После заключения договора, обеспечившего их безопасность, они вернулись в Халеб. Арабы, жившие в пригороде Халеба, как и в Киннасрине, частично приняли ислам, частично остались христианами, согласившись платить джизью.

А на южном фланге арабских завоеваний Амр ибн ал-Ас завладел всей Палестиной и приступил к решительной осаде Иерусалима, в то же время Йазид ибн Абу Суфйан начал осаду Кайсарии.

Сражение при Кадисии

В тот момент, когда арабская конница после Йармука рассеялась во все стороны в погоне за византийскими беглецами, армия Са'да ибн Абу Ваккаса все еще находилась в степи у Шарафа. Видимо, главным препятствием дальнейшему движению были сложные отношения с ал-Мусанной, который считал ниже своего достоинства явиться к Са'ду и подчиниться ему, а Са'д не решался требовать этого, чтобы не оттолкнуть ал-Мусанну и тысячи бакритов на сторону Кабуса, внука лахмидского царя ал-Мунзира, которому персидский наместник Азадмард сын Азадбе предложил престол его дедов в Хире. Существовала и объективная причина – во время походов минувшего года у ал-Мусанны открылись старые раны, и, возможно, ему трудно было ехать из Зу-Кара за триста километров в Заруд. Наконец делегация шайбанитов во главе с ал-Му'анной, братом ал-Мусанны, доставила Са'ду в Шараф весть о его кончине. Са'д распорядился обласкать семейство покойного, утвердил ал-Му'анну амиром войска покойного брата и женился на вдове. Нам уже приходилось говорить, что таким образом выражалось уважение к вдове покойного, забота о ее будущем.

После этого Са'д двинулся к Хире. Проведя разведку между пограничной крепостью Узайб и Саланхином, Са'д остановился у крепости Кадисия. Появление многочисленной арабской армии вызвало тревогу в Ктесифоне. Сасанидский главнокомандующий Рустам начал собирать в Сабате (7–8 км южнее Селевкии) большую армию, которая должна была положить конец посягательствам арабов на сасанидские владения. На помощь были призваны воинские контингенты со всего Ирана, от Систана до Дербента. Всего собралось около 40000 воинов, которых подкрепляла мощь 30 или 33 боевых слонов, против 25–30 тысяч арабов.

Покинув лагерь в Сабате, Рустам остановился в Куса, выслал оттуда в сторону Хиры сильный авангард под командованием Джалинуса, затем остановился в Бурсе и, наконец, прикрывшись передовыми отрядами на линии Наджаф – Хаварнак, стал с главными силами в Хире.

Ни одна из сторон не торопилась завязывать сражение, ограничиваясь столкновениями передовых отрядов в течение двух или четырех месяцев. При этом не только арабы, но и персидские солдаты вели себя с местным населением как в завоеванной стране, что вызывало его глухое недовольство. Рустам вызвал к себе знать Хиры и обвинил в том, что она радуется приходу арабов, что жители Хиры служат мусульманам разведчиками и укрепляют их, платя им дань. Тот же Абдалмасих ибн Букайла, с которым три года назад вел переговоры Халид ибн ал-Валид, ответил ему: «Ты говоришь, что мы радуемся их приходу? А каким их делам? Чему из того, что они делают, нам радоваться? Тому, что они утверждают, что мы – их рабы? А как относятся они к нашей вере? Ведь они обвиняют нас в том, что мы будем ввергнуты в адское пламя. Ты говоришь: "Вы служите их шпионами", – а зачем им нужно, чтобы мы были их шпионами, когда ваши воины бежали от них и оставили им селения, и не защищает их никто от того, кто пожелает их. Хотят – берут справа, [хотят] – слева. Ты говоришь: "Мы укрепляем их своими деньгами", – так ведь мы ими откупаемся от них. И если бы не удерживал нас страх, что нас возьмут в плен, будут воевать и поубивают наших людей, – а с ними не справились и те из вас, кто встречался с ними, а ведь мы еще беспомощнее, – то – клянусь жизнью! – вы нам милее, чем они, и лучше ведете себя с нами, и лучше защищаете нас, да будет вам помощь, – но ведь мы в положении мужичья ас-Савада – рабы тех, кто возьмет верх».

Выслушав эту речь, Рустам вынужден был признать правоту Ибн Букайлы, действительно очень точно охарактеризовавшего положение арабов-христиан в этом районе.

Видимо, Рустам еще надеялся разрешить конфликт переговорами. Сообщения о них в арабских источниках легендарны, однако кое-где проскальзывают проблески истинного содержания переговоров: Рустам, считая, что арабы предприняли грабительский поход, хотел откупиться и предлагал торговые льготы и субсидии. Решительный отказ мусульман заставил его начать сражение. Персидская армия продвинулась в сторону Кадисии, запрудила канал Атик, орошавший этот район водой из Евфрата, и заняла позицию южнее канала. Арабская армия расположилась между Кадисией и Узайбом, имея за спиной оборонительную стену и ров, сделанные Сасанидами для защиты Хиры от набегов бедуинов. Основной организационной единицей арабской армии был племенной отряд во главе со своим вождем, выступающий под собственным знаменем. В сражении принимало участие более 1000 сподвижников Мухаммада, но о их роли в сражении нет сведений, быть может, потому, что основу всех сведений у средневековых историков составили племенные предания, заинтересованные лишь в сохранении подвигов соплеменников.

Са'д в этот ответственный момент оказался в незавидном положении: его одолели ишиас и чирьи, это мешало ему сесть на коня и возглавить армию так, как это требовалось у бедуинов. Он избрал своим командным пунктом крепость Кудайса, откуда прекрасно видел все поле боя и распоряжался через своего адъютанта. Понятно, что это не украшало его в глазах ветеранов ал-Мусанны, а его вдова открыто упрекала своего нового мужа.

После обычных поединков персы ввели в бой слонов. По одному из сообщений, 18 находились в центре, 7 на одном фланге и 8 – на другом. Основной удар пришелся по участку, где находилось племя баджила, конница отступила, но пехота устояла до подхода асадитов во главе с Тулайхой, которые восстановили положение, но понесли большие потери. Жестокое сражение длилось до ночи и окончилось тем, что арабам удалось повредить большинство башен на слонах.

На следующее утро, когда обе стороны были заняты погребением убитых, к мусульманам прибыл авангард отряда, посланного на подмогу из Сирии, что очень их ободрило. Этот отряд, численностью от 300 до 700 человек сразу же принял участие в битве, снова разгоревшейся к полудню. На этот раз слоны в ней не участвовали, а мусульмане обрядили часть верблюдов таким образом, чтобы пугать вражеских коней. К вечеру мусульмане в центре обратили в бегство персидскую конницу и только стойкость пехоты спасла Рустама от плена. Сражение продолжалось некоторое время и после захода солнца. Как выяснилось утром, мусульмане за день и вечер потеряли 2500 человек.

Третий день остался в памяти участников как «день ожесточения». Персы вновь ввели в бой слонов. Храбрейшие из мусульманских витязей с самыми длинными копьями выходили против них, выкалывая глаза или отрубая хоботы. Сколько слонов было выведено из строя – неизвестно; во всяком случае, к вечеру слоны уже не участвовали в бою. Для вечерней атаки большинство арабских всадников спешилось, чтобы усилить пехоту, без которой кавалерии не удавалось опрокинуть ряды персов. В темноте битва распалась на схватки отдельных отрядов. Никто не представлял общей картины боя. Са'д с беспокойством прислушивался к доносившимся до него звукам сражения, не зная, что происходит, и не имея возможности повлиять на его ход.

В эту ночь упорство мусульманских воинов сломило дух персидской армии. Когда утром ал-Ка'ка возглавил атаку на центр сасанидской армии и увлек за собой вождей племен, ее строй дрогнул и началось отступление. Рустам вынужден был спастись за Атиком, в пылу сражения его убили, не зная даже, с кем имеют дело, из-за чего потом появилось очень много претендентов на эту честь.

В середине дня мусульмане захватили Кадисийу и, очистив от противника южный берег Атика выше и ниже места битвы, вернулись в свой лагерь, лишь небольшой отряд конницы преследовал отступавшего Джагинуса по главной дороге за Атиком, на котором персы

разрушили плотину, чтобы затруднить преследование. Этот отряд дошел до Сайлахина и к вечеру тоже вернулся в лагерь. Видимо, в этот день подошли главные силы отряда, посланного из Сирии, его воины стали потом требовать долю добычи, а иракцы не хотели делиться тем, что далось им такой кровью. Спор решило только вмешательство халифа, постановившего, что если они подошли до погребения павших в битве, то им полагается доля добычи, как и участникам.

Победа действительно досталась арабам дорогой ценой. Только в последние сутки погибло 6 000 человек, кроме того, в предыдущие дни еще по крайней мере 2500 человек, т. е. почти треть армии (не говоря уж о раненых). Но главное было сделано – крупнейшая персидская армия перестала существовать как серьезная сила и лишилась решительного полководца. Правда, Са'д не сразу понял это: видимо, персы отступали достаточно организованно и арабы опасались их возвращения; только на следующий день, когда оказалось, что противник ушел из этого района, Са'д осознал себя победителем и известил халифа о победе.

Битву при Кадисии современные исследователи датируют очень различно: от февраля до июня 637 г. Но, видимо, она произошла раньше, наиболее вероятная дата ее начала – понедельник 27 шаввала 15 г. х. (понедельник 2 декабря 636 г.). Эта дата согласуется со сведениями о прибытии подкрепления из Сирии через месяц после взятия Дамаска и не противоречит сообщению ат-Табари о прибытии Са'да в Ирак через два с небольшим года после Халида.

Тяжелые потери и большое число раненых вынудили армию Са'да задержаться в Кадисии почти на месяц, чтобы восстановить боеспособность, а в Хире все это время находился персидский заслон под командованием Нахирджана (Нахиргана). Умар настолько опасался повторного нападения персов, что приказал Са'ду держать обоз и семьи в старом лагере за Атиком.

Опасения рассеялись только после того, как Нахирджан без боя отступил из Хиры перед сильным передовым отрядом Са'да, что произошло, скорее всего, 25 декабря. Затем сюда перебрался сам Са'д, а авангард переправился через Евфрат, следуя за отступающими персами.

Са'д продвигался в глубь Савада с большой опаской, расчленив войска на несколько эшелонов. После занятия Бурса авангард получил подкрепления и выдвинулся к Вавилону, после чего Са'д с основными силами перебрался в Бурс. Персидская армия, сохранявшая еще значительные силы, видимо, утратила боевой дух, потому что под Вавилоном мусульмане легко обратили ее в бегство. Часть персидских военачальников со своими отрядами ушла в свои провинции, заботясь лишь о том, чтобы сохранить владения в условиях развала империи, а остатки большой армии во главе с Хурразадом, братом Рустама, поспешили прикрыть столицу.

В баасидском Ираке память об этой победе, предрешившей дальнейшую судьбу Ирана, была запечатлена в названии провинции, где оно произошло, именем ал-Мусанны, а одну из побед иракской армии над иранской в 1985 г. иракская пропаганда назвала «Кадисией Саддама».

Падение Ктесифона

После двух незначительных столкновений у Куса и Дейр Ка'ба мусульмане подошли к Сабату, который был сдан его правителем без боя, более того – он помог арабам соорудить 20 камнеметных машин, которые стали обстреливать Селевкию. Через два месяца в городе кончилось продовольствие, начался голод.

К этому времени Йездигерд со всем двором и сокровищами перебрался в Хулван под защиту гор. Хурразад ночью тайно вывел гарнизон из Селевкии в Ктесифон, уничтожил за собой мосты и угнал все лодки, надеясь спасти остатки армии за широко разлившимся в конце марта Тигром. Воодушевленное небывалыми победами, мусульманское войско рискнуло переправиться через трехсотметровую реку. Из множества противоречивых рассказов об этом незаурядном событии можно восстановить такую более или менее близкую к истине картину: узнав от местных жителей удобное для переправы место, Са'д отрядил несколько сот добровольцев, которые на конях вплавь переправились через разлившуюся реку и опрокинули вражеский заслон, застигнутый врасплох дерзостью противника. Вслед за этим переправилась и остальная армия. Сохранилось сообщение, что Хурразад сам вышел ей навстречу, но после короткого боя укрылся в Ктесифоне, а затем, не надеясь выдержать осаду, оставил его, отступив в верховья Диялы.

Итак, столица одной из величайших держав средневековья почти без боя досталась мусульманам. В ней они захватили добычу, превосходившую самое пылкое воображение обитателей аравийских степей: ковры, посуду, деньги, невиданные товары; кто-то пытался солить драгоценной камфарой пищу, кто-то менял золотую чашу на серебряную, не зная, что золото дороже и т. д. Эти анекдотические случаи, сообщаемые арабскими историками, действительно могли происходить с отдельными простаками, становившимися мишенью насмешек, но нельзя думать, что вся мусульманская армия состояла из одних бедуинов, не видевших в жизни ничего лучше верблюжьего молока и ячменной лепешки.

Оценка добычи в 3 миллиарда дирхемов (около 12000 тонн серебра), конечно же, совершеннейшая фантазия, к тому же Йездигерд все-таки вывез из Ктесифона сокровищницу, но и без того в спешно покинутой столице оставалось немало всякого добра, как во дворце, так и в домах бежавшей знати. Не успели вывезти даже гигантский ковер размером около 900 кв. м, застилавший тронный зал, ковер, на котором золотом, серебром, драгоценными камнями и жемчугом был вышит цветущий сад. Как предмет, не подлежащий разделу, он был отослан в Медину в составе пятой части добычи, но там его по предложению Али все-таки разделили на куски.

Говоря об оценке добычи, следует сказать несколько слов о технике ее раздела. Все захваченное во вражеском лагере и найденное на поле боя (кроме трофеев, снятых с лично убитого противника) складывалось вместе, и специально назначенный уполномоченный с несколькими помощниками производил оценку всех вещей. Для этого нередко устраивали аукционы, в которых принимали участие и местные жители, не упускавшие случая поживиться на дешевой распродаже, затем по стоимости выделялась пятая часть (хумс), отправлявшаяся в распоряжение халифа (к ней добавлялись отдельные особо уникальные предметы), оставшиеся 4/5 делились на доли из расчета – одна доля пехотинцу и три кавалеристу; таким образом, в отряде из 3000 человек, в котором было 500 кавалеристов, делили добычу на 4000 долей. Право на участие имели не только воины, непосредственно участвовавшие в сражении, но и те, кто способствовал его успеху: разведчики, охранение и даже те, кто шел на помощь, но опоздал принять участие.

Наиболее близкую к реальности оценку добычи, захваченной в Ктесифоне (ал-Мадаине), позволяет сделать сообщение, согласно которому кавалеристы получили по 12000 дир-

хемов. Армия Са'да в это время насчитывала не более 20–25 тыс. человек, но часть ее была разбросана по междуречью и во взятии Ктесифона могло участвовать не более 15 тыс., из которых не более трети были кавалеристами. Это даст огромную, но вполне возможную сумму в 125 млн дирхемов.

Кроме огромной добычи завоеватели получили жилища, которые сами по себе были богатством. Находились желающие угнать все сельское население в рабство, и местные феодалы, изъявившие покорность завоевателям, вынуждены были объяснять им, что крестьян выгоднее не брать в плен, а оставлять работать на земле и брать с них налог.

Пока победители наслаждались добычей, персидский командующий соорудил укрепленный лагерь в Джалула, преградив арабам путь на Хулван, где находился Йездегирд III. Получив известие об этом, арабский командующий в конце того же месяца сафара, в котором был завоеван Ктесифон (т. е. в начале апреля 637 г.), отправил в Джалула добрую половину имевшихся у него сил (12 или 14 тыс. человек) под командованием своего племянника Хашима ибн Утбы. Осада затянулась на несколько месяцев. Развязка наступила в конце ноября (начало зу-л-ка'да 16 г. х.) Во время очередной вылазки иранцев завязалась ожесточенная битва, в которой были израсходованы все стрелы, а рукопашная схватка затянулась до темноты. Ал-Ка'ка ибн Амр захватил проход внутрь лагеря, и это решило исход сражения. Ожесточенность сражения участники сравнивали с последней ночью битвы под Кадисией.

В захваченном лагере мусульманским воинам досталась большая добыча, будто бы такая же, как в Ктесифоне. По одним данным, она равнялась 30 млн дирхемов, по другим, более скромным (а значит, и более вероятным), – 18 млн, одновременно сообщается размер доли кавалериста – 9000 дирхемов и девять голов верховых животных (давабб). Однако эти цифры не согласуются друг с другом, свидетельствуя, что либо добыча была больше (что сомнительно), либо доля каждого воина была меньше.

Пока длилась осада Джалула, другая часть мусульманского войска осаждала Текрит, захваченный византийцами с помощью местных арабов-христиан. Осада длилась сорок дней. Город был взят только после того, как арабы-христиане перешли на сторону мусульман.

После Джалула арабская армия устроилась на зимовку в Ктесифон, где было много брошенных домов. Пятничные моления совершали в большом тронном зале Сасанидов, открытом во двор, не смущаясь рельефных и живописных изображений людей и животных. Лагерь арабов оставался в ал-Мадаине, как теперь стали называть Ктесифон и Селевкию, около года. Их посланцы пожаловались Умару на жаркий влажный климат, неподходящий для верблюдов, Умар сказал, что арабы должны жить там, где хорошо верблюдам, и арабская армия вернулась в лагерь севернее Хиры, названный Куфой (ал-Куфа). По другим сообщениям, Умар боялся оставлять армию за большой рекой.

Сдача Иерусалима

После взятия Халеба Халид и Абу Убайда свернули военные действия на севере Сирии и оказались в Южной Сирии.

Примерно в то же время туда, в Джабию, прибыл Умар ибн ал-Хаттаб, чтобы по просьбе мусульманской верхушки разрешить финансовые проблемы войска. С разделом военной добычи все было просто, а как делить налоговые поступления было неясно. С его поездкой связано много рассказов, призванных показать его благочестие и непритязательность, вроде того, что у него была единственная рубаха, которая сопрела от долгой поездки на верблюде, и епископ Айла подарил ему новую. По духу этих рассказов создается впечатление, что он ехал без эскорта, чуть ли не в одиночку. Поверить можно только тому, что в богатую Сирию он въехал как бедный провинциал и поразился изменениям, которые за три года произошли с его собратьями по вере.

В Азри'ате, где Умара встречали вожди мусульманской армии, местные жители чествовали его игрой на бубнах и пением. Умар потребовал прекратить и успокоился только после уверения, что запрещение подобного проявления верноподданничества может привести местных жителей к подозрению, что он хочет аннулировать договор с ними. Умар должен был с удивлением смотреть на старых соратников по вере: шелковые и парчовые одежды, дорогая сбруя на конях, драгоценные украшения – не такими были они три года назад, уходя из Медины в неизвестность. Слезши с верблюда, Умар поднял с земли камень и бросил во встречавших со словами: «Быстро же отвернулись вы от своих взглядов. Встречать меня в такой одежде! Ишь, отъелись за два года. Быстро же совратило вас чревоугодие...» Соратники оправдались тем, что, несмотря на все это, они в броне и при оружии (и, следовательно, свой долг не забывают). Сцена живая и вроде бы возможная, да только термин, обозначающий броню (или кольчугу), йаламак, несомненно, тюркского происхождения и не мог в VII в. проникнуть в арабский язык.

По другому рассказу, Умар приказал забросать пылью лица арабов, форсировавших в византийских одеждах, «чтобы вернулись к нашему облику и нашим обычаям». На что Йазид ибн Абу Суфйан заметил: «Одежд и коней у нас много, и жизнь у нас легкая, и цены у нас низкие, оставь мусульман жить, как хотят. Да и тебе надо бы надеть эти белые одежды и поехать на таком скакуне – это возвеличило бы тебя в глазах неарабов».

Из Азри'ата Умар направился в Джабийу, где зимовали основные силы сирийской армии. Здесь ему тоже не понравился образ жизни мусульман. Лишь быт Абу Убайды, не имевшего ничего, кроме войлочной подстилки, пролил бальзам на душевные раны халифа. Скучной же жизни большинства мусульманских воинов не из благочестия, а по бедности, Умар не замечал, пока ветеран ислама, муаззин пророка Билал, не сказал ему без обиняков: «Предводители сирийских войск едят только птичье мясо и белейший хлеб, а у простых воинов ничего этого нет».

Этим Билал, как считают арабские источники, раскрыл глаза Умару, и тот принялся наводить порядок в распределении доставшихся богатств и учредил диваны, т. е. списки воинов, которым причиталось жалованье ('ата), и установил пайки, которые должны были гарантировать прожиточный минимум, определенный будто бы опытным путем: местный землевладелец сказал, что на месяц человеку надо два модия пшеницы. Это количество пшеницы смололи и испекли из нее хлеб, посадили тридцать бедняков, и они досыта наелись этим хлебом. Судя по некоторым аналогиям, эта месячная норма была около 25 кг. К этому еще полагался 1 л оливкового масла.

Весть о прибытии главы мусульман дошла, конечно, и до жителей Иерусалима, и они решили воспользоваться этой возможностью, чтобы получить более твердые гарантии, кото-

рые не хотели им дать осаждавшие военачальники. С этой целью их делегация прибыла в Джабийу для переговоров, здесь же и был заключен договор. Подлинный текст договора, к которому неоднократно апеллировали христиане Иерусалима, защищая свои права перед мусульманскими властями, конечно, не сохранился, а текст его, приводимый различными средневековыми авторами, во многих пунктах различается. Мы приводим его в том виде, как он сохранился у историка начала X в. ат-Табари.

«Во имя Аллаха, милостивого, милосердного.

Вот те гарантии неприкосновенности (аман), которые раб Аллаха Умар дал жителям Илии. Он дал им гарантию неприкосновенности им самим, их состояниям, их церквам и их крестам, их больным и здоровым и всей их общине. Поистине, в их церквах не будут селиться и не будут они разрушены, не будут умалены они, ни их ограды, ни их кресты, ни их достояние, и не будут притеснять их за их веру и не нанесут вреда никому из них; и не будет жить с ними в Илии ни один еврей.

И обязаны жители Илии платить джизью, как платят жители [других] городов, и обязаны изгнать из города ромеев и разбойников, а тот из них, кто выедет, будет в безопасности, он сам и его имущество, пока не прибудет в безопасное для него место. А тот из них, кто останется, – тоже в безопасности, на нем, как и на жителях Илии, лежит джизья. А если кто-то из жителей Илии пожелает выехать сам со своим имуществом вместе с ромеями и покинет свои церкви и свои кресты, то они неприкосновенны и сами, и их церкви, и их кресты. А кто находился в нем (в городе) из сельских жителей до..., то кто хочет остаться [в городе], тот обязан платить ту же джизью, какую платят жители Илии, а кто хочет – уедет с ромеями, а с тех, кто захочет вернуться к своим, не будут брать ничего, пока не будет убран урожай.

Все, что [написано] в этой грамоте, [находится] под покровительством Аллаха и защитой его посланника, и под защитой халифов, и под защитой верующих, если они будут платить ту джизью, которая возложена на них.

Засвидетельствовали это Халид ибн ал-Валид, Амр ибн ал-Ас, Абдаррахман Ибн Ауф, Му'авийа ибн Абу Суфйан – и написал и присутствовал (?) в пятнадцатом году».

В тексте договора при всей его пространности не содержится никаких особых условий (кроме недопущения евреев, которые были выселены Ираклием за пособничество персам) или привилегий для горожан, не оговорен статус мест поклонения. Это является еще одним доводом в пользу того, что приезд халифа не был вызван просьбой горожан, такой же договор мог подписать любой амир. Дата подписания договора явно приписана одним из компиляторов, не сообразившим, что в 15 г. х. еще не существовало счета по хиджре.

Тогда же, вероятно, был подписан близкий по содержанию договор с другим крупным палестинским городом, Луддом.

В договоре с Иерусалимом интересен не только сам текст, но и имена свидетелей. Первой стоит подпись Халида ибн ал-Валида, хотя во всех источниках он фигурирует только как командир авангарда Абу Убайды (который почему-то не числится среди свидетелей), нет и Йазида ибн Абу Суфйана, видимо занятого тогда осадой Кайсарии.

Естественно, что после подписания договора Умар пожелал посетить город, к святыням которого одно время пророк обращал лицо во время молитвы. Подойдя к Иерусалиму, он со свитой и сопровождающим войском стал лагерем, и к нему явились с изъявлением покор-

ности патриарх Софроний и губернатор или комендант города (битрик). В город он вступил только на следующий день, во вторник. Патриарх Софроний показал ему главные храмы Иерусалима и провел на развалины ветхозаветного храма. Здесь Умар, показав своей свите личный пример, начал расчистку от мусора и обломков небольшой площадки под мечеть. Поскольку упомянутая в Коране «дальняя мечеть» (Масджид ал-Акса) связывалась в представлениях мусульман с Иерусалимом, то и мечеть, основанная здесь Умаром, стала называться Масджид ал-Акса. К пятнице на той же (или на следующей) неделе место было приспособлено для молитвы. Умар провел праздничное богослужение и покинул Иерусалим.

Казалось бы, дата такого уникального события, как единственное посещение халифом Иерусалима, должна была запомниться. Но нет – источники называют и 16, и 17 год хиджры. Наиболее надежно определение даты завоевания Иерусалима по свидетельству о том, что Софроний умер вскоре после завоевания Иерусалима, в марте 637 г. Следовательно, сдача Иерусалима произошла зимой 637 г., не позднее начала марта, незадолго до того, как на другом направлении арабского наступления пала столица Сасанидов Ктесифон.

После падения Иерусалима наступление арабов на Византию концентрируется в Северной Сирии и идет по двум направлениям: из Химса и Халеба и вверх по междуречью Тигра и Евфрата в Джазире (Осроену). Сведения об этих событиях очень противоречивы. Здесь стоит сказать только о том, что в начале 637 г. византийцы предприняли контрнаступление в обоих направлениях. Их наступление на Халеб было остановлено Халидом в сражении под Ма'аррат Мисрин, после чего арабы перешли в наступление и осадили крупнейший город Сирии Антиохию, где собрались остатки разгромленного войска и беженцы из Северной Сирии. Антиохия имела мощные оборонительные стены, охватывавшие не только собственно город, но и часть садов и огородов, так что могла выдержать длительную осаду. Гарнизон пытался остановить арабов на подступах к городу, но потерпел поражение. Арабы встали лагерем у Железных (восточных) ворот и перерезали все коммуникации. Попыток деблокировать город, видимо, не было. Сколько длилась осада, ни один из источников не говорит. Горожане пошли на переговоры и сдались на обычных условиях: гарантии сохранения жизни и собственности, свободы вероисповедания и неприкосновенности церквей при условии выплаты подушной подати в размере одного динара деньгами и одного джериба пшеницы; все не желавшие оставаться под властью завоевателей получали право беспрепятственно покинуть город. Единственная дата вступления арабов в Антиохию, вызывающая доверие – 5 ша'бана 17/22 августа 638.

Войска, высвободившиеся после сдачи города, двинулись на север и восток. К концу года были захвачены Балис, Манбидж и Никабулус (Никополь), расположенный у одного из горных проходов через Тавр из Сирии в Малую Азию. Манбидж сдался Халиду во второй декаде мухаррама 18/конце января 639 г., обязавшись заплатить 15000 динаров. И здесь на севере звезда воинской славы Халида неожиданно закатилась.

Халид был любимцем армии: именно такой вождь мог завоевать симпатии воинов-бедуинов – энергичный и храбрый, всегда в самом опасном месте битвы, умеющий наградить и наказать по заслугам. Иначе должны были относиться к нему старые сподвижники пророка, находившиеся у него в подчинении, – для них он был слишком независим и самостоятелен в решениях. В конце концов, кто-то донес халифу, что Халид делает непомерно большие подарки военачальникам, не считаясь с нормами наделения добычей, что ал-Аш'асу ибн Кайсу он дал 10000 динаров. Умар сместил Халида и вызвал в Медину. Узнав, что дар сделан из собственных денег, которых у Халида накопилось 60000, халиф не смягчился, а потребовал 2/3 отдать в казну.

Другая версия позволяет думать, что вольное обращение с общественными средствами действительно имело место, поскольку Умар оправдывал смещение «Меча Аллаха» таким образом: «Я приказал ему, чтобы он сохранял эти деньги для бедняков-мухаджиров, а он

отдал их могущественному, богатому и родовитому. Я сместил его и назначил Абу Убайду ибн ал-Джарраха». Халид предстал перед халифом, доказал, что деньги были его собственными, а не общественными, и был вынужден отдать в казну часть того, что имел, чтобы получить прощение. Через некоторое время Халид вернулся в Химс и еще несколько лет участвовал в походах на Джезиру но непонятно, командовал ли он автономно своими отрядами или был в подчинении Ийада ибн Ганма, возглавлявшего завоевание этой области. Имя Халида исчезает из рассказов о военных действиях после 18 г. х.

Чумной год

18 год хиджры, 639 год по нашему летосчислению, запомнился современникам чумой и страшным голодом. Чума охватила Ирак и Сирию, но особенно свирепствовала в Палестине, где в это время находилась значительная часть мусульманской армии с ее главными вождями. Как мы уже говорили, в зимнее время военные действия затихали и часть войск с севера Сирии перемещалась в Южную Сирию и Палестину. На этот раз она зимовала в районе Амваса, между Луддом и Иерусалимом, поэтому и чума, поразившая мусульманскую армию, получила название «амвасской».

Как сообщают многие историки, Умар, узнав о гибели многих мусульман и наличии бесхозного имущества, выехал в Палестину, но в Сарге, между Табуком и Ма'аном, его встретили амиры сирийского войска и убедили возвратиться, чтобы не заразиться.

Предосторожность была нелишней: первым из амиров заболел Абу Убайда. У него еще хватило сил вывести армию из Амваса и повести ее в более здоровую местность, но по дороге в Джабийу он скончался, оставив заместителем Му'азу ибн Джабалу. Му'аз также вскоре заболел и скончался, за ним последовал Йазид ибн Абу Суфйан. Наконец наместничество перешло к его брату Му'авии. За несколько месяцев чума унесла около 25000 человек (считая, видимо, не только воинов, но и членов их семей), некоторые большие семьи вымирали почти целиком. Об одном роде рассказывается, что в нем из 70 человек осталось лишь четверо.

Чума, видимо, была спровоцирована неурожаем, так как в то же время в Аравии не выпали зимние и весенние дожди, остатки старой травы сгорели под палящими лучами солнца и мертвые степи лежали, словно присыпанные пеплом, отчего и год получил прозвание «год пепла». Скот был съеден, и кочевники остались без главного продукта питания – молочных продуктов. Десятки тысяч отчаявшихся людей устремились в мединский оазис в поисках пропитания и в надежде получить помощь от халифа. В какой-то момент в Медине собралось 60000 беженцев. Умар обязал состоятельных мединцев кормить определенное число беженцев, сам раздавал муку и масло, устраивал коллективные трапезы для голодающих. Запасов Медины не хватало, и Умар требовал от наместников Сирии, Палестины и Ирака присылать продовольствие. Несмотря на все старания Умара, 2/3 беженцев умерли от голода, не дождавшись зимних дождей. С их началом Умар поспешил удалить беспокойную толпу голодных беженцев в их родные кочевья. Естественно, что в том году сбор заката не производился, скота осталось так мало, что в следующем году в племени фазара собрали всего 60 голов скота.

Большинство историков относит эту засуху к 18 г. х., не указывая точных дат. Голод длился 9 месяцев, и, по-видимому, начался после хаджжа 17 г. х., в 18 г. х., т. е. в январе 639 г., и длился до ноября, когда действительно возможно выпадение дождей.

К сожалению, никаких данных, даже косвенных, для синхронизации этих двух трагических для мусульманского государства событий в наших источниках не содержится: мы имеем две независимые линии рассказов, никак не пересекающиеся друг с другом. Вряд ли можно сомневаться, что чума, проредившая ряды мусульманской армии в Сирии и Палестине, сказалась на ее активности. Можно думать, что была снята осада с Кайсари и временно задержалось завоевание Джебзир.

Завоевание Джебзирь

После смещения Халида ибн ал-Валида на первый план выдвигается Ийад ибн Ганм, бывший до того в Ираке. Неясно, когда и кем он был назначен наместником Северной Сирий – то ли Абу Убайдой, то ли Умаром после гибели Абу Убайды. Во всяком случае, Ийад заменил Халида на посту наместника Химса, Киннастрина и Халеба.

Первым его шагом было заключение договора с Иоанном, префектом Осроены (Джебзирь), который обязался выплатить 100 000 динаров, если арабы не будут переходить Евфрат, из чего следует, что Ийад двигался со стороны уже завоеванного Манбиджа. Естественнее всего ожидать, что готовность Ийада идти на соглашение определялась малочисленностью арабской армии, еще не оправившейся от удара, нанесенного ей чумой.

Ираклий считал поступок Иоанна изменническим и отозвал его, заменив более воинственным губернатором. Прекращение выплат послужило Ийаду прекрасным поводом для вторжения в Джебзирь. Сообщается, что, Ийад выступил в поход в четверг 15 ша'бана 18/21 августа 639 г. По некоторым сведениям, одной из групп войска Ийада командовал Халид ибн ал-Валид.

Первым подвергся нападению Калиник (Ракка). Арабская армия блокировала город с севера, захватила неукрепленный пригород, жители которого бежали под защиту городских стен. Взять город с ходу не удалось. При приближении арабов к стенам их обстреляли из луков и камнеметных машин. Ийад стал лагерем и разослал отряды грабить окрестности, они захватили пленных и доставили продовольствие. Через 5–6 дней глава городской администрации (битрик / патрикий) заключил договор о сдаче города на обычных условиях.

Отсюда Ийад двинулся на север к столице Осроены – Эдессе (Рухе). Лежавший на пути к ней Харран не сдался. Жители соседней ал-Харнани на предложение сдаться ответили, что разделят судьбу столицы. Оставив в покое Харран, Ийад пошел к Эдессе. Гарнизон сделал вылазку, был разбит и укрылся в городе. Не желая подвергаться превратностям осады, епископ Эдессы вступил в переговоры с Ийадом и сдал город, обязуясь платить по динару и два модия пшеницы с каждого налогоплательщика, оказывать помощь арабам и содержать в порядке дороги и мосты. После сдачи Эдессы на тех же условиях сдался и Харран. Сдача без боя крупных и хорошо укрепленных городов сравнительно небольшой (пятитысячной) армии Ийада в очередной раз свидетельствует о том, что победы арабов определялись не столько их численностью или талантом полководцев, сколько отсутствием боевого духа у византийской армии и безразличием горожан к судьбе Византии. Утвердившись в Эдессе, Ийад повел наступление на восток. Первой пришла очередь Самосаты (Сумайсат), которая была уже осаждена другими арабскими отрядами. После ее сдачи Ийад вернулся в Эдессу.

На следующий год нападению подвергся район Хабура. Движение шло по древнему магистральному пути из долины Балиха в долину Хабура и далее к Тигру. Первой в следующей кампании, начавшейся, скорее всего, весной 19/640 г., была Батна (Сарудж), за ней последовала Рас Кифа. Серьезное сопротивление Ийад встретил под Рас ал-Айном. Сам город был сдан в раби I 19/марте 640 г. с условием выплаты 20000 динаров и 30000 дирхемов.

В течение 19 г. х. большинство городков этой области после непродолжительного сопротивления один за другим сдавались арабам. Многие монастыри в горах были разграблены, а монахи убиты. Серьезное сопротивление оказала только Дара, которая была построена византийцами как важный опорный пункт на границе с Ираном. Арабы понесли большие потери (о чем арабские источники умалчивают). Наконец, убедившись в бесполезности сопротивления, защитники крепости сдались на милость победителей и были пощажены. Видимо, именно эта верность мусульманских командующих слову и договору и побуждала горожан предпочитать сдачу упорному сопротивлению.

Вторжение в Армению

Горный хребет Тавра связывал продвижение арабов на запад, но из-за Джазиры открывался путь на север, в Армению. Перевалив через хребет Тур Абдин (современный Джебел-Мардик) и завоевав Амид, арабы оказались на территории Армении, той византийской провинции, которая носила название Четвертая Армения.

До начала арабских завоеваний Армения была разделена между Ираном и Византией. Удары, нанесенные обеим империям в 637–639 гг., ослабили их реальную власть в Армении. В момент, когда арабы вступили в Джезиру, нахарары (феодалы) византийской части Армении восстали и свергли византийского наместника, ишхана, Давита Сахратуни. Верховным правителем Армении стал марзбан и спарапет (испехбед) иранской части Армении Теодорос Рштуни, объединив таким образом Армению. Он энергично принялся за формирование армии, но судьба отпустила ему слишком мало времени для того, чтобы организовать сопротивление вторжению извне. Главным препятствием этому была феодальная раздробленность страны, поддерживаемая ее географической расчлененностью. Средние и мелкие феодалы и представители древних княжеских родов ставили собственные интересы выше общенародных и опасались прежде всего ущемления своей личной власти.

Захватив летом 640 г. Амид, Ийад двинулся на столицу Четвертой Армении Мартирополь (Майафарикин) и, как сообщает ал-Балазури, заключил с ним договор на тех же условиях, что и с Эдессой, но, видимо, сдаче предшествовала длительная осада. К началу 641 г. весь бассейн верховьев Тигра до хребта Армянского Тавра оказался во власти арабов. С изъятием покорности прибыл владетель Андзеравацика (аз-Завазан), области к юго-востоку от оз. Ван, примыкавшего непосредственно к владениям Теодороса Рштуни.

По сведениям ал-Балазури, завоевание этого района завершилось в мухарраме 20/21.XII 640–19.I 641 г. С наступлением весны и открытием горных перевалов Ийад предпринял поход на север. Теодорос Рштуни, видимо, не успел подойти с войском и закрыть проход к Бидлису. Владетель Тарона (область к северо-западу от оз. Ван) Тиран Мамиконян с 8000 воинов встал на пути более многочисленной армии арабов, но один из феодалов перешел на сторону арабов и этим решил исход сражения.

Ийад заключил договор с владетелем Хлата и продвинулся до «Кислого источника», в районе Феодосиополя. Отсюда он повернул назад и вернулся в Химс, где и скончался в том же году.

Христианские источники связывают с этим походом нападение на Двин. Якобы арабское войско прошло северным берегом оз. Ван и от Беркри повернуло на северо-восток к столице Армении – Двину, в то время как Теодорос Рштуни ожидал арабов около Нахичевана. Князя области Айратат разрушили мост через реку около города и, задержав таким образом арабов, успели собрать свои войска и укрыть жителей за городскими стенами. Однако кто-то из армян, находившихся в арабском войске, помог найти переправу. На пятый день после переправы, в пятницу 6 октября, они штурмом взяли город, перебив 12000 мужчин, в том числе и духовных лиц, а множество женщин и детей (будто бы 30000) увели в плен. Теодорос Рштуни безуспешно пытался перехватить арабов на обратном пути. Странно, что арабские источники не упоминают такую значительную победу.

В том же году католикос Нерсес III обратился к императору Константу с просьбой признать Теодороса Рштуни, и император присвоил ему титул патрикия и признал верховным правителем Армении и главнокомандующим (спарапетом).

В 643 г. владения арабов в Джезире подверглись одновременному удару с двух сторон. Действия византийской армии, возглавляемой Валентином, оказались неудачными; Валентин, боясь арабов, как и его предшественники, видимо, избрал тактику выжидания и потер-

пел поражение. Арабы захватили брошенный им лагерь со всеми богатствами. Теодорос, в помощь которому был прислан византийский отряд под командованием Прокопия, действовал успешнее. Ему удалось проникнуть до Саруджа, захватить и ограбить этот город.

Видимо, и некоторые другие районы Джезиры временно вышли из-под власти арабов и приемнику Ийада Умайру ибн Са‘ду пришлось их вновь завоевывать. На какое-то время была потеряна и Антиохия.

Бои в Хузистане

Подлинным началом вторжения на территорию собственно Ирана стали боевые действия на южном фланге, за Шатт ал-Арабом. Сведения об этих действиях противоречивы, и датировка их колеблется в пределах трех лет. К 16 г. х. (после Кадисии) в Ахваз возвратился его владетель Хурмузан, принадлежавший к одному из семи знатнейших родов Ирана, который стал вытеснять мусульман из завоеванных ими районов севернее Шатт ал-Араба. Мусульман поддерживали бедуины бану ал-ам, обитавшие в этом районе. Хурмузан вынужден был заключить соглашение, по которому уступал бану ал-ам Нахр Тиру и Маназир, а мусульманская сторона признавала его права на Ахваз. Через некоторое время между Хурмузаном и бану ал-ам возник спор о границах, и третейский судья из мусульман признал правоту арабов. Тогда Хурмузан обратился за помощью к курдам, а арабы – к своим собратьям-мусульманам. Соединенные силы арабов переправились через Карун выше моста-вододелителя и разгромили Хурмузана. Оставив Ахваз, он отошел к Рамхурмузу, а арабы остались в Ахвазе. Дальнейшее продвижение было будто бы остановлено по приказу халифа. Все это происходило в наместничество Утбы ибн Газвана, который в 638 г. попросил халифа разрешить отправиться в хаджж, и во время этого путешествия скончался. Его преемником стал Мугира ибн Шу'ба, участник сражения на Йармуке, где он потерял один глаз. В Ирак он прибыл вместе с подкреплением во время битвы при Кадисии. Мугира оставался наместником около года. Если историки не сообщают ничего внятного о военных и административных успехах Мугиры в пору его наместничества, то о его скандальном смещении, кратко ли, подробно ли, упоминают все. На нем стоит остановиться и нам, чтобы лучше понять нравы той эпохи.

Не отличаясь полководческими талантами, Мугира был большим женолюбом (биографы отмечают, что он только законно женился 300 раз) и это подвело его. В Басре, военном лагере, едва обустроенном, нравы мусульман были гораздо вольнее, чем в Медине под строгим надзором сурового Умара, и женщины пользовались большей свободой, сходясь по любви или ради благ мирских (особенно с высокопоставленными лицами). Появилась такая замужняя дама сердца и у Мугиры. Его сосед Абу Бакра (свояк Утбы, который вместе с ним завоевывал Убуллу) из вражды подстерег его в момент свидания и пригласил еще трех свидетелей посмотреть на гнусное поведение амира. Абу Бакра не поленился поехать в Медину и рассказать все халифу. Умар немедленно послал в Басру Абу Мусу ал Аш'ари с приказом отправить к нему Мугиру и всех свидетелей (в раби I 17/23.III-21.IV 638 г.).

Дело было скандальное: Мугира хотя и не был из числа старейших мусульман, но все-таки принадлежал к участникам присяги в Худайбии – весьма уважаемой категории сподвижников пророка; тяжкое обвинение такого человека в прелюбодеянии, которое влекло за собой страшную смертную казнь – побитие камнями, роняло престиж всех сподвижников пророка, авторитетом которых во многом обеспечивалось послушание пестрых армий в Сирии и Месопотамии. В то же время сокрытие такого проступка вызвало бы недовольство ревнителей благочестия. Умар вышел из этого трудного положения простейшим, но действенным способом – дискредитацией свидетелей.

Трое свидетелей во главе с Абу Бакрой публично дали совершенно недвусмысленные показания, которые никак нельзя было перетолковать в пользу обвиняемого. Последнего свидетеля, Зийада, брата Абу Бакры, Умар встретил словами: «Клянусь Аллахом, я вижу лицо [человека], который не опозорит сегодня человека из сподвижников Мухаммада». Молоденький, еще безусый Зийад засмутился и дал несколько уклончивое показание, которое для любого средневекового мусульманского судьи было бы достаточным для осуждения, но Умар счел его доказательством невиновности Мугиры, а показания первых трех –

клеветой и приказал их высечь. При этом Умар явно не сомневался в вине Мугиры: когда тот схватился за меч, чтобы ударить Абу Бакру, Умар сказал: «Прекрати, кривой, на тебе проклятие Аллаха».

Эта гривуазная история, которая дошла до нас в разном изложении, так как ее явно в свое время охотно пересказывали, украшая живописными деталями, любопытна тем, что объясняет характер Умара лучше, чем специальные жизнеописания, рисующие его воинственную добродетельность и ревностное искоренение пороков. Защита чести сподвижника, назначенного им наместником, была важнее установления истины, и, когда Абу Бакра после порки сказал: «А все-таки Мугира – прелюбодей», Умар хотел наказать его вторично.

Итак, в конце марта – апреле 638 г. наместником Басры стал Абу Муса ал-Аш'ари, при котором произошел резкий перелом в боевых действиях в Ахвазе. Сведения о событиях, начиная с 17 г. х., значительно определеннее, но и здесь расхождения между источниками значительны.

Абу Мусе пришлось начинать с возвращения под власть Халифата Нахр Тиры и Маназира, завоеванных предшественниками. К сожалению, ни один из наших источников не позволяет датировать хотя бы косвенно какой-то из эпизодов начального этапа боевых действий, чтобы понять, начались ли они с прибытием Абу Мусы, или он их только продолжил. Уверенно можно сказать только то, что до конца года Хурмузан оставил Ахвaz и отступил в Рамхурмуз, а Ахвaz был обложен огромной данью в 10400 тыс. дирхемов, в 3,6 раза большей, чем предусматривал договор 637 г. Это можно объяснить тем, что при заключении первого договора Хурмузан оставался владельцем Ахвazа и уступал лишь часть налоговых поступлений соответствующего округа, а во втором случае арабы получали их целиком. Судить о тяжести этой дани трудно, поскольку мы не знаем, с какой территории она выплачивалась. Ахвaz стал теперь базой для дальнейших завоеваний в Южном Иране.

В следующем году арабы постепенно завоевывают всю равнинную часть Хузистана и Хурмузан отошел в предгорную часть своих владений. Рамхурмуз не оказал сопротивления и сдался по договору, обязавшись платить со своего округа 860 тыс. дирхемов. Затем, сдался округ Суррак, который обязался выплачивать ежегодно 800 тыс. дирхемов.

В это время другая часть мусульманского войска из Рамхурмуза совершила набег на север до Идаджа (Изаджа), в результате которого его правитель Тиравайх заключил с арабами мирный договор.

В этих действиях участвовали небольшие отряды, насчитывавшие по несколько сотен человек. Основная часть войска Абу Мусы была занята осадой Тустара, для обороны которого Хурмузан собрал значительные силы. Успешной обороне способствовало расположение города на возвышенности посреди местности, пересеченной многочисленными каналами. Наиболее доступный подход к городским воротам защищал лагерь Хурмузана, окруженный рвами.

Несмотря на важность событий, связанных с осадой этого города, ни даты его сдачи, ни длительности осады мы не знаем. Также мало известно о взятии Джундисабура. Конкретных сведений о ходе осады Суса у нас также нет. Вся информация концентрируется вокруг двух эпизодов; сдачи владельца Суса и уничтожения могилы пророка Даниила.

Все арабские источники сходятся на том, что после длительной осады, когда в Сусе кончилось продовольствие, правитель (у одних – марзбан, у других – малик) сдал город с условием помилования оговоренного числа родных и приближенных (число называется различное от 10 человек до 100), но забыл включить в это число себя и был казнен, как не получивший помилования. Этот рассказ может быть фольклорным сюжетом, который встречается в некоторых других случаях в связи со сдачей городов.

В гробнице пророка Даниила арабы захватили серебряную раку и много других драгоценностей. После этого Абу Муса будто бы запрудил один из каналов, выкопал там могилу, захоронил мощи Даниила и пустил воду.

Абу Мусе не удалось плотно обложить Тустар из-за активных действий Хурмузана. Арабские источники сообщают о 80 вылазках персов (правда, число выглядит условным обозначением «много»), а в поединках будто бы погибло 100 мусульман. Собственных сил Абу Мусы оказалось недостаточно для разгрома Хурмузана, ему пришлось просить подкреплений. По распоряжению Умара из Хулвана прибыл Джарир ибн Абдаллах с отрядом в 1000 человек, но и его оказалось недостаточно. В ответ на вторичную просьбу из Ирака прибыл командующий иракской армией Аммар ибн Йасир с большими силами. Только после этого в двухдневном сражении, в котором персы потеряли убитыми до 1000 человек и пленными (которые были казнены) – 600 человек, мусульманам удалось разгромить персов. Мусульмане ворвались в лагерь, охранявший подступы к городу, и загнали остатки персидского войска в город. Началась плотная осада, при которой падение города было лишь делом времени. Падение Тустара ускорила измена группы горожан, один из которых провел группу мусульманских воинов (численность указывается разная: от 11 до 300 человек), они перед рассветом открыли ворота, и ворвавшееся войско в ожесточенном сражении перебило большинство оборонявшихся. Остатки вместе с Хурмузаном укрылись в цитадели. Взятый с бою город стал добычей завоевателей, вымещавших на мирных жителях озлобленность долгой осадой. Жертвой резни пало даже христианское духовенство во главе с епископом города. Как мы видим, между миролюбивыми наставлениями Абу Бакра и практикой войны лежит огромная дистанция. И все же, издали сочувствуя жителям иранских городов, захваченных штурмом, не будем забывать, что точно так же вели себя иранские солдаты в завоеванных городах Византии, уводя многие десятки тысяч мирных жителей в плен, устлав улицы Иерусалима трупами его жителей. Такова была психология общества, и долго еще имущество жителей взятого штурмом города считалось законной добычей победителей. После раздела добычи каждому досталось по тысяче дирхемов (включая и стоимость рабов), а кавалеристам – по три тысячи.

Хурмузан ясно видел, что ждет его и его окружение, и вступил в переговоры. Абу Муса не рискнул гарантировать ему пощаду от своего имени и согласился только доставить его и его родственников и приближенных к халифу, чтобы тот решил его судьбу. Вместе с Хурмузаном в Медину были отправлены еще 300 пленных, вероятно из его окружения, как ценнейшие трофеи в составе каравана, которым доставлялась пятая часть добычи.

Рассказывается, что Хурмузан был поражен, когда увидел, как Умар спит в мечети, в одиночестве, завернувшись в бурнус, и из всех аксессуаров власти при нем только его легендарный бич, которым он собственноручно наказывает нарушителей шариата. Изумленный Хурмузан спросил, где же его привратники и стража, а сопровождающие с гордостью ответили, что у него нет ни стражи, ни привратников, ни секретарей, ни канцелярии. Может быть, в этом рассказе преувеличена скромность быта халифа, но во всяком случае, он должен был поразить человека, знакомого с пышностью сасанидского двора. Сообщается, будто бы Умар хотел казнить Хурмузана, но Абу Бакра отговорил его, ссылаясь на то, что казнь усилит ожесточенность сопротивления оставшихся иранских правителей, а помилование склонит их к переговорам. Хурмузан был помилован, принял ислам, стал одним из советников халифа и получил жалованье в 2000 дирхемов в год.

Успеху арабов в Хузистане способствовала разрозненность действий иранской стороны. Хурмузан за три года войны не получил поддержки от Йездигерда, который сам с большим трудом сколачивал армию, чтобы защитить Западный Иран.

Наиболее реальной и действенной могла быть помощь со стороны Фарса, но в тот момент, когда она была особенно нужна – с началом осады Тустара, – возникла угроза

самому Фарсу. В 19/640 г. несколько тысяч арабов из Бахрейна высадилось в районе Ришахра. В зу-л-хиджжа 22.XI–20.XII 640 г.) в трех фарсах (15–20 км) от Ришахра около Сихаба произошло решающее сражение. В этом сражении был убит марзбан Фарса Шахрак и его сын. По ожесточенности это сражение сравнивали с битвой при Кадисии.

Битва при Нихавенде и перелом в войне с Сасанидским Ираном

После сражения у Джалула арабы в течение почти трех лет не предпринимали серьезных военных действий в сторону Западного Ирана – видимо, завоевателям требовалось время, чтобы переварить плоды успеха, освоить большую богатую страну. Ежегодно в распоряжение горстки завоевателей (что такое 20–30 тысяч человек по сравнению с добрым миллионом налогоплательщиков!) поступали огромные массы зерна и денег, не считая военной добычи. Требовалось время, чтобы наладить машину получения и распределения этих богатств, а может быть, и для того, чтобы справиться с ошеломляющей переменой образа жизни, которая могла на время приглушить погоню за новой добычей.

Йездигерд, отделенный от мусульманских владений цепью гор, получил три с лишним года передышки, которые позволили ему и его сторонникам прийти в себя после жестоких поражений и попытаться поставить преграду дальнейшему продвижению арабов в глубь Ирана. За это время, если судить по монетам, власть Йездигерда, сначала признанная не всеми, постепенно распространилась на весь Иран хотя бы формально.

К 641 г. районе Нихавенда сконцентрировалось значительное иранское войско, собранное со всех провинций. Арабские историки называют явно преувеличенную цифру – 150000 человек. Об этом узнал Са‘д ибн Абу Ваккас и стал готовить армию к походу, но в разгар сборов халифу поступил донос, что Са‘д неправильно ведет молитву и слишком увлекается охотой. Умар послал человека для выяснения обстоятельств, который потом вернулся в Медину вместе с Са‘дом. Халиф не нашел в его действиях большой провинности, но оставил при себе, а наместником Ирака в этот трудный момент стал заместитель Са‘да Абдаллах ибн Абдаллах ибн Итбан.

На помощь ему Умар перебросил часть войск из Басры и из других районов. Общая численность армии достигла 30000 человек. Возглавил ее не наместник, а ан-Ну‘ман ибн Мукаррин. Одновременно командующие отдельными отрядами в Ахване получили приказ прикрыть подходы к Нихавенду со стороны Фарса.

Армия ан-Ну‘мана ибн Мукаррина беспрепятственно дошла до селения Кудайсиджан, в трех фарсах (15–20 км) от Нихавенда. Лагерь иранского войска находился в Вайхурде, в двух фарсах от Нихавенда. Вызывает удивление, почему иранский командующий (его называют то Фирузан, то Марданшах) позволил арабской армии беспрепятственно пройти по горной дороге, не устроив засад или каких-нибудь заграждений. Как бы то ни было, арабы и в этот раз оказались предприимчивее и оперативнее.

О самом сражении сохранилось сравнительно много сведений, но надежной информации, которая позволила бы представить его ход, в них содержится немного: во всех рассказах много шаблонных сюжетов и приемов, характерных для фольклора.

Арабская армия, остановившись напротив персидской, разбила лагерь, и после этого начались военные действия. Бой завязался чуть ли не с ходу. Большинство источников сходится на том, что сражение длилось три дня: со среды до пятницы, но ни число, ни месяц не называются. В первый день персы будто бы заставили отступить правое крыло, а на следующий день – левое (а правое устояло). В пятницу арабы оттеснили персов в их лагерь, но прорваться через окружающий его ров не смогли. Затем ан-Ну‘ман по совету своего окружения устроил демонстративную атаку – небольшими силами кавалерии, которая будто бы не выдерживает обстрела и пускается в бегство. Персы не выдержали и бросились в погоню, в схватку с обеих сторон ввязалось все войско. В этом бою погибли ан-Ну‘ман и несколько последовательно сменявших его командующих. Персы были в конце концов разгромлены, бежали, арабская конница их преследовала и перебила многих беглецов.

Какие же бесспорные факты можно извлечь из всего комплекса противоречивых рассказов о нихавендском сражении? Во-первых, несомненно, что сражение длилось три дня и в начале его погиб ан-Ну‘ман ибн Мукаррин, во-вторых, общая длительность боевых действий под Нихавендом была значительно больше: в какой-то момент иранская армия отсиживалась в укрепленном лагере, желая протянуть время для подхода подкреплений, но неясно даже, на каком этапе это было – до первого столкновения или после. Историк остается только лишним раз удивиться тому, как мало отчетливых воспоминаний об одной из решающих битв эпохи завоеваний осталось в исторической памяти мусульманской общины.

Умар высоко оценил заслуги участников нихавендской битвы: те из них, кто включился в военные действия после Кадисии, получили, как и участники сражения при Кадисии, жалованье в 2000 дирхемов в год.

Дальнейший ход событий описывается так же противоречиво, приводятся различные даты завоевания городов и областей, различные имена арабских командующих, осуществивших эти завоевания. В какой-то мере это путаница чисто историографического характера, о чем уже неоднократно говорилось по ходу изложения. В то же время некоторые противоречия могут объясняться неоднократным завоеванием одних и тех же пунктов разными командующими. Сколько-нибудь точные даты этих событий отсутствуют. Несомненно, что разгром иранской армии ошеломил мелкие гарнизоны соседних городов и лишил их правителей воли к сопротивлению. Правитель Нихавенда сразу же вступил в переговоры и сдал город. Жрец одного из храмов огня (хирбед) сам явился к казначею, ведавшему добычей, и выговорил себе сохранение всех поместий за то, что выдал сокровища Нахирджана (Нахиргана), одного из полководцев, участвовавших в битве при Кадисии. Весьма вероятно, что Хамадан и более мелкие города Джибала в тот момент поспешили откупиться от победителей.

Хамадан вторично был завоеван в 22 г. х. Ну‘аймом ибн Мукаррином. Оставшись в городе с основными силами, он выдвинул передовые отряды до рустака Дастаба, где-то в районе Саве, в трех-четыре днях пути от главного города Северного Ирана, Реййя. В Реййе после Нихавенда некоторое время находился Йездигерд со своим двором, но затем рассорился с правителем Реййя Абаном Джазавайхом и перебрался в Исфахан. Владелец Табаристана предлагал царю убежище в своей труднодоступной области, но он отказался, а в благодарность даровал владельцу титул испехбеда.

Под Реййем собрались войска всего Северного Ирана, от Кумиса до Азарбайджана, войско которого возглавлял Исфендийар, брат Рустама. В трех фарсах от города восьмитысячная армия Ну‘айма в тяжелом сражении, которое якобы не уступало нихавендскому, одержало победу. После этого правитель Реййя заключил с победителем договор, по которому обязался выплатить контрибуцию в 200000 дирхемов и платить ежегодную дань в 30000. Впрочем, сообщаются и другие цифры. Вообще сведения о завоевании Западной части Ирана в период 641–644 гг. очень противоречивы, путаются и даты, и имена действующих лиц. В конце концов, Йездигерд, перебираясь со своим двором и гвардией из города в город, оказался в Истахри, столице Фарса.

Победа под Нихавендом открыла арабским армиям путь не только на восток, к Реййю и далее – на Хорасан, но и на север, в Азарбайджан, который для этого времени следовало бы называть Адербайганом, область южнее Аракса, между озером Урмия и Каспийским морем. Первым шагом ко вторжению в Азарбайджан стало завоевание Абхара и Казвина сразу после сражения при Нихавенде. Казвинцы пригласили на помощь горцев из Дейлема, славившихся воинственностью, но они воздержались от боя, а после победы арабов выразили желание служить на тех же условиях, на которых служили в иранской кавалерии.

На следующий год военные действия перекинулись непосредственно на территорию Азарбайджана. Хузайфа ибн ал-Йаман достиг Ардебиля и там имел сражение с марзбаном.

После этого был заключен договор, по которому Азарбайджан выплачивал 800000 дирхемов повышенного веса, за это его жители получали не только гарантию личной безопасности и неприкосновенности храмов огня, но особо оговаривалось право свободного совершения праздничных обрядов в храме Шиза. Этот поход датируется 22/642–643 г.

В 23/644 г., как мы видели, марзбан Азарбайджана Исфендийар пришел на помощь Рейю, и это, по всей видимости, было сочтено разрывом договора. Умар приказал Утбе ибн Фаркаду вторгнуться в западную часть Азарбайджана из Мосула, а Букайру ибн Абдаллаху – из Хамадана. Ясно, что Исфендийар при первой же неудаче реййцев поспешил покинуть их, чтобы защитить собственные владения. В сражении с Букайром Исфендийар потерпел поражение и был взят в плен, его воины рассеялись по горным крепостям и продолжали войну. В это время с запада появился Утба. Брат Исфендийара, Бахрам, пытался преградить ему путь в глубь страны, но тоже потерпел поражение. Убедившись, что дело проиграно, Исфендийар согласился подписать новый договор.

Глава 8. Завоевание Египта

Вторжение в Египет

Продвижение мусульманской армии к побережью Сирии и Палестины, в глубь Верхней Месопотамии и даже в собственно Иран, имевший с арабским миром границу огромной протяженности, происходило стихийно. Отдельные набеги то в одном, то в другом месте вдоль постоянно меняющейся границы выхватывали у противоположной стороны то один, то другой район. Отряды, потерпевшие неудачу, всегда могли вернуться назад на широком фронте.

Иначе выглядит неожиданное вторжение небольшого мусульманского отряда под командованием Амра ибн ал-Аса в Египет, соединенный с ранее завоеванными арабами землями узким Суэцким перешейком. Триста километров пустыни, отделяющие Южную Палестину от Дельты Нила, обеспечивали возможность неожиданного появления арабской армии на границе обрабатываемых земель, но в то же время перешеек, перекрытый решительным военачальником, мог стать дверцей мышеловки для малочисленного войска.

Арабская армия в Палестине находилась в трудном положении. Амвасская чума ополовинила ее ряды. Оставшихся сил только-только хватало для осады Кесареи (Кайсарийи) и нескольких портовых городов Палестины, еще остававшихся в руках византийцев.

Неизвестно, кто был инициатором этого смелого вторжения. По одним рассказам Амр отправился самовольно, по другим – с согласия Умара, но будто бы тот в последний момент приказал Амру возвратиться, если он не перешел границу Египта. Амр же не стал раскрывать письмо, догадываясь о его содержании, перешел границу, и прочитал его только на территории Египта. Это, скорее всего, только красивая легенда.

Решимость вторгнуться в густо населенную страну с отрядом в 3500 человек определялась не только желанием богатой добычи, а тем, что Амр, который мог надеяться после смерти Абу Убайды и Йазида ибн Абу Суфйана стать правителем Палестины, оказался обойденным, и выходом из этого, пусть и рискованным, было завоевание Египта.

Арабские историки совершенно не имели представления о том, что происходило в Египте накануне и во время его завоевания. Все высшие административные и военные деятели византийского Египта слились для них в одну полулегендарную фигуру ал-Мукаукиса, которого обычно отождествляют с мелькитским патриархом Киrom, назначенным в Египет осенью 631 г., он же фигурирует и в рассказах о посольстве Мухаммада в Египет в 7/629 г.

Круг полномочий Кира не совсем ясен и в христианских источниках. Для монофизитов-коптов он был исчадием ада, в котором воплотилось все зло, и он вырос во всемогущую фигуру, заслонившую остальных представителей высшей власти, хотя, несмотря на все полномочия, не был главой египетской администрации, каким предстает в сочинениях монофизитских авторов.

Сразу же после прибытия в Египет Кир принялся рьяно насаждать монофелитскую догму, которая должна была примирить сторонников учения о двух естествах в едином теле сына божьего с догматом монофизитов о едином естестве. Но этот гибрид не приняли ни мелькиты, ни монофизиты. Для первых она представлялась такой же ересью, как и монофизитство, вторые же считали, что их просто хотят обратить в другую веру, не усматривая никакого компромисса. Коптский патриарх Вениамин разослал по стране пасторское послание, призывая стоять за истинную веру, и покинул свою резиденцию в Александрии (или в одном из монастырей около нее), чтобы укрыться в дальних монастырях Верхнего Египта.

Упорство коптов, для которых своя религия была своеобразной формой внутренней духовной автономии под властью чужаков-греков, вызывало у Кира ожесточение. Его посланцы в сопровождении солдат врывались в коптские монастыри и требовали подписывать акты о принятии официального догмата. Особо упорствовавших подвергали пыткам. Одни, не желая принимать новое учение, бежали в горы и пустыни, другие, принимая внешне официальную догму, сохраняли свои убеждения и продолжали тайно молиться по своему обряду. Кир пытался отыскать знамя сопротивления – патриарха Вениамина, но тот успешно ускользал от преследования, укрываясь то в одном, то в другом отдаленном монастыре Верхнего Египта.

Борьба шла не только за верность тем или иным догматам, сущность которых была ясна далеко не всем мирянам, но и за вполне ощутимые ценности – за церковные владения, которые Кир конфисковывал у противившихся монофелитству церквей и монастырей.

К концу тридцатых годов официальное учение внешне восторжествовало, но конфликт был лишь загнан внутрь и в любой момент мог вырваться наружу. Политика Кира привела к тому что в Египте противостояние между основной массой жителей и византийскими властями было больше, чем в Сирии и Палестине. К тому же кроме религиозных конфликтов существовали серьезные противоречия между «зелеными», которые в Египте представляли партию местных землевладельцев и торгово-ремесленного населения, и «синими», составлявшими партию константинопольской ориентации. Существовали города и даже целые районы, придерживавшиеся «синей» или «зеленой» ориентации. Вдобавок ко всей этой пестрой картине политической и религиозной розни нужно отметить, что в Египте еще сохранялись значительные очаги гностицизма, также преследуемого официальной церковью и неприемлемого для коптов-монофизитов.

Такова была ситуация в стране, в которую вторгся Амр ибн ал-Ас со своим малочисленным войском. Феодор, командующий византийской армией в Египте, располагал незначительным войском. Во всяком случае, арабские источники, склонные преувеличивать силы противника для вящей славы мусульманского оружия, в описании сражений в Египте не делают этого. Известным подспорьем армии могла быть городская милиция. Но она была не очень надежна.

Амр двинулся обычным путем завоевателей, вторгавшихся в Египет из Азии, – вдоль восточной окраины Дельты к ее вершине, так же, как четверть века назад шла персидская армия.

Первым серьезным препятствием оказался хорошо укрепленный город Билбейс, комендантом которого, как сообщают некоторые авторы, был Аретон, бывший комендант Иерусалима, бежавший после его сдачи в Египет. Он попытался разгромить арабов ночным нападением на их лагерь, но потерпел поражение. Арабы месяц осаждали город и, наконец, взяли его штурмом. Византийцы потеряли 1000 человек убитыми и 3 000 пленными. Цифры эти, несомненно, сильно округлены в сторону завышения. Не могли не понести потери и арабы, но их в какой-то мере компенсировали бедуины, кочевавшие между Дельтой и Синаем, присоединившиеся к Амру. Падение Билбейса, вероятно, произошло в конце февраля – конце марта 640 г.

Далее Амр оказался у крепости Умм Дунайн (Тандуния, в районе современного Булака в Каире) и города Бабалйун, или Бабилон, остатки которого можно и сейчас видеть в южной части Каира. С этого момента мы оказываемся перед трудной проблемой восстановления порядка событий.

Учитывая время, ушедшее на осаду двух крепостей, Амр не мог появиться под Бабалйуном ранее середины марта. Здесь его ждало византийское войско, расположившееся в хорошо укрепленном лагере между Тандунией и Бабалйуном. Амр запросил подкреплений у халифа, а сам тем временем беспокоил византийцев частыми нападениями с разных сторон,

чтобы создать впечатление многочисленности своего войска. Византийцы легко разгадали его уловки, но, верные той же тактике, которая погубила византийские армии в Сирии, воздерживались от активных действий.

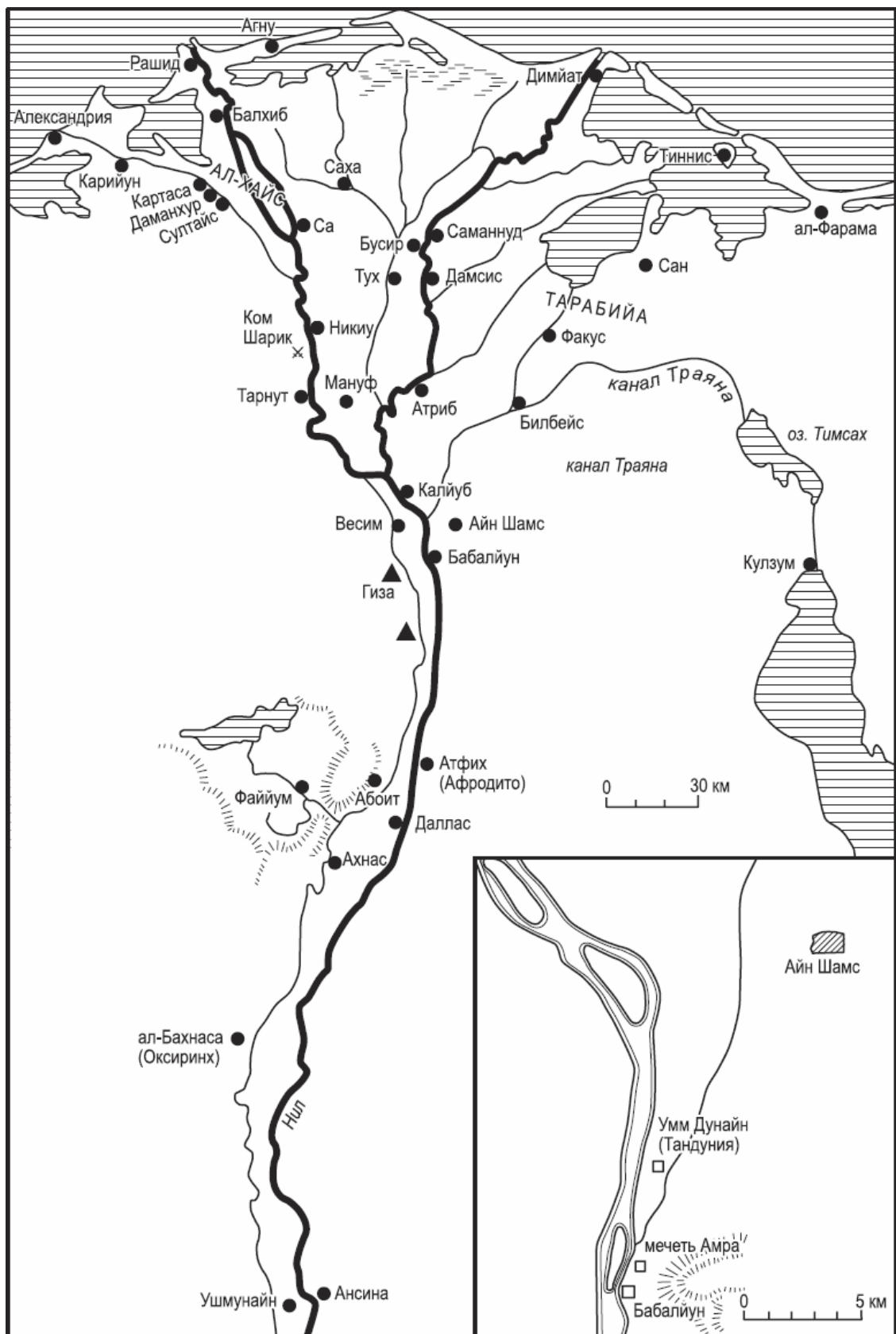

Рис. 8. Египет в середине VII в.

Решительное сражение произошло только в июле. Возможно, решимость византийцев укрепилась с подходом войск Анастасия и Феодосия из Александрии. Успел ли Амр получить подкрепления, мы не знаем. Амр разделил свое войско на три группы, атаковал византийцев с двух сторон, а затем в решительный момент 500 конников Хариджи ибн Хузафы напали с тыла и повергли византийцев в бегство. Потери их, видимо, были невелики, так как беглецы могли укрыться в близлежащих крепостях.

После этого сражения мусульмане сравнительно легко захватили Умм Дунайн и перебили значительную часть гарнизона, лишь тремстам человекам из него удалось спастись на судах и бежать в сторону Никиу. Бабалйун был превосходной крепостью, построенной римлянами. Стены толщиной в два с половиной метра, сложенные из перемежающихся рядов камня и обожженного кирпича, возвышались на 18 метров. Двое ворот, в южной и западной стене, выходили к Нилу, а к суше, в сторону арабов, были обращены глухие стены. Взять такую крепость штурмом, без хорошей осадной техники было невозможно. Взять ее измором было также непросто – она была связана понтонным мостом с островом ар-Рауда, а через него со всей страной. Кроме того, укрепленный городок на ар-Рауде служил для размещения резервов, так как в самом Бабалйуне вряд ли могло разместиться больше 3 000 солдат. Пока мост оставался в руках византийцев, взятие города было делом чрезвычайно трудным.

Византийцы попытались взять реванш, атаковали осаждающих и снова потерпели поражение в поле. Воспользоваться плодами этого успеха арабы все равно не могли. А тем временем начался подъем воды в Ниле, и военные действия неминуемо должны были затухнуть. В этот момент патриарх Кир начал переговоры с арабами, убеждая их взять выкуп и уйти. Арабские источники, естественно, превозносят впечатление, которое произвели на византийцев простота нравов мусульман, их благочестие и дух равенства, о содержании же договора не говорят ничего. Кир будто бы предлагал 1000 динаров халифу, 100 динаров Амру и по 2 динара остальным воинам, что составило бы 15–20 тыс. динаров. Такая сумма в качестве контрибуции с одного небольшого городка вполне естественна, но для договора одного города не требовался бы приезд патриарха. Видимо, договор имел более общий характер: арабы получали большую контрибуцию и отказывались от нападений на Египет. Феофан говорит о 120 000 номисм (динаров), после чего арабы три года не беспокоили Египет. Последнее, как мы знаем, не соответствует действительности, но позволяет догадываться, что речь шла не о сдаче Египта на условии договора, а именно о гарантии его безопасности. Можно понять, почему Амр согласился на это: половодье лишало его свободы действий, захват Бабалйуна был невозможен, почетное отступление с богатой контрибуцией вполне устраивало всех мусульман.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.